

ЛИЧНОЕ ДЪЛО

*Нижкоши
Година*

Челябинск
Цицера
2015

УДК 821.161.1 + 82.6 + 82.83
ББК 84(2Рос = Рус)
Г59

Година, Н. И.
Г59 *Личное дело. Из литературного досье / Н. И. Година. — Челябинск : Цицеро, 2015. — 415 с. ил.*

«Личное дело — книга не совсем обычная. Книга — краткий пересказ литературного увлечения автора, иллюстрированная рядом соответствующих документов.

УДК 821.161.1 + 82.6 + 82.83
ББК 84(2Рос = Рус)

ISBN 978-5-91283-618-3

© Година Н. И., 2015.
© Андрусенко С. В., оформление, 2015.

Содержание

Автобиографические страницы.....	9
Вехи биографии.....	24
Награды и звания.....	25

Первая публикация

Новичок.....	27
--------------	----

Рецензии и критика

Всеволод Азаров	
Молодые поэты Балтики.....	29
Юрий Никишов	
Шаги к зрелости.....	31
Геннадий Карпунин	
Николай Година. Неожиданность души.....	39
Юрий Никишов	
Пора обновлений.....	47
Василий Павлов	
Равновесие.....	63
Леонид Быков	
Николай Година. Осенины.....	66

Сергей Бирюков	
Состояние и движение.....	74
Леонид Быков	
На перекрёстке строк (Заметки о книгах уральских поэтов).....	81
Дмитрий Бавильский	
Тишина на весу.....	89
Михаил Фонов	
Проба прозы.....	93
Илья Фояков	
Может быть, кого-нибудь спасу.....	96
Михаил Фонов	
Берестяная грамота поэта.....	100
Павел Басинский	
Николай Година. Графоман.....	107
Кирилл Шишов	
Из истории культуры Челябинского края.....	109
Валентин Курбатов	
Человек, похожий на меня. Полуоткрытое письмо.....	114
Валентин Лукьянин	
«Не путайте меня с лирическим героем».....	120

Интервью. Беседы

Ирина Моргулес	
А вот так - самим собой!.....	129
Юрий Богатенков	
Нет слов, только слезы.....	136
Михаил Фонов	
Годы и годы поэта.....	139

Эльдар Гизатуллин	
Николай Година: «Мне среди деревьев уютнее, чем среди людей».....	143
Михаил Фонов	
Ты о чем поешь?.....	148
Михаил Фонов	
Поэт Николай Година и обозреватель «Челябинского рабочего» Михаил Фонов выясняют вопрос: «Есть ли у нас писатели?»...	153
Янис Грантс	
Некруглая дата.....	161

О Николае Године

Изет Сарайлич	
Парни из Челябинска.....	169
Дмитрий Ковалёв	
Тут мы не ошиблись.....	171
Сергей Баруздин	
О Николае Године.....	173
Айвар Валеев	
Чувство жизни в парадоксах.....	176
Леонид Быков	
Под диктовку души.....	180
Ирина Моргулес	
Отдельно стоящий в толпе.....	183
Михаил Кураев	
Человек, способный на поступок.....	189
Виктор Астафьев	
Среди деревьев мне уютней.....	192

Письма

(избранные)

Дмитрий Ковалев - Николаю Године.....	195
Николай Качанов - Николаю Године.....	197
Людмила Татьяничева - Николаю Године.....	198
Алексей Смольников - Николаю Године.....	199
Алексей Еранцев - Николаю Године.....	202
Михаил Львов - Николаю Године.....	203
Давид Самойлов - Николаю Године.....	205
Александр Михайлов - Николаю Године.....	208
Евгений Долматовский - Николаю Године.....	210
Владимир Огнев - Николаю Године.....	211
Илья Фoniaков - Николаю Године.....	212
Леонид Григорьян - Николаю Године.....	216
Юрий Орлицкий - Николаю Године.....	222
Александр Кушнер - Николаю Године.....	224
Виктор Поляничко - Николаю Године.....	227
Иван Ганибесов - Николаю Године.....	228
Изет Сарайлич - Николаю Године.....	229
Олег Чухонцев - Николаю Године.....	233
Сергей Баруздин - Николаю Године.....	235
Сергей Бирюков - Николаю Године.....	237
Николай Воронов - Николаю Године.....	238
Виктор Астафьев - Николаю Године.....	240
Мария Астафьева-Корякина - Николаю Године.....	244
Михаил Кураев - Николаю Године.....	249
Виктор Кирюшин - Николаю Године.....	251
Анатолий Преловский - Николаю Године.....	253
Юрий Никишов - Николаю Године.....	254
Валентин Курбатов - Николаю Године.....	262
Документы.....	265
Автографы.....	271

Публицистика

Николай Година Миасс.....	287
Николай Година Младший брат Байкала.....	293
Николай Година Язык Астафьева.....	299
Дробь подробностей.....	303

Посвящения. Пародии

Николай Грачёв «Улетели кукушки...».....	399
Станислав Слепенков «Все шло обычно, как заведено...».....	400
Александр Кердан О ценностях.....	401
Валерий Кузнецов Вечер.....	402
Леонид Григорьян «Что там осталось ещё от меня?...».....	403
Григорий Котницкий Тельняшка.....	404
Александр Иванов Пропахший лес.....	406

Библиография

Основные публикации.....	409
Отдельные издания.....	411
Литература.....	413
Указатель имен.....	414

Автобиографические страницы

Этого хутора на Полтавщине теперь нет. Осталось в памяти только непонятное название — Шамайково, где я родился 25 августа 1935 года, по рассказам матери прямо в поле на ворохе соломы под васильковым украинским небом.

Хорол, Миргород, Деканька, Сорочинцы... Знаменитые гоголевские места были такими же привычными для моих родителей, привозивших оттуда по праздникам гостинцы, как сегодня для меня Миасс, Златоуст, Чебаркуль. Память четырехлетнего мало что сохранила. Какие-то отдельные картинки. Низкая хата, под очеретом, вишневые заросли.

По рассказам, отец мой из середняков. Дед Кузьма Кузьмич, 1878 года рождения, кузнец по профессии, баба Явдоха — Евдокия Даниловна, тоже 1878 года — из Хорольского района Полтавской области. А вот мать из батраков-бедняков. Рано осталась без родителей, жила в многодетной семье с мачехой. Уже подростком была отдана «в люди». Это где-то сразу после революции, поскольку родилась Надежда Ивановна Демьяненко 2 сентября 1907 года. Отец на три года моложе, 1910 года. Поженились они рано, отцу едва исполнилось 17 лет. Старшая дочь Галя, моя сестра, погибла восьмилетней. Закрыли ее дома родители, ушли на работу. А на печи сушился сноп конопли или льна, загорелся. Галя задохнулась в дыму. Были другие дети, но скоро поумирали. Остались мы с сестрой Татьяной. В начале 30-х годов на Полтавщине, в то время ещё Харьковщине, как известно, тоже был голод. Молодой отец ездил на арбе по хуторам, собирал трупы, за что получал какие-то трудовни.

Между прочим, сам я благодаря, пусть и не совсем уверенным действиям Всевышнего, остался жив после того, как

оукленный, неразумно попытался освободиться от утешительных пелёнок, чурбаком скатился крайне неудачно с узкого гребня скрыни — ларя по-русски, куда положили меня, чтоб не занимал без прока родительских рук. Далее безрезультатное «откачивание» в одеяле. А спас меня заглянувший случайно, слегка поддатый дядюшка, мамин брат, который недолго думая, влил мне в рот холодной воды. С тех пор живёт во мне подозрительная мысль о сотрясённом, как в уроненном будильнике, головном механизме, результатом чего стало моё литературное дело. Поскольку других поводов и оснований я не вижу.

Хутор снесли, землю распахали и засеяли. Хуторяне разъехались по свету в поисках лучшей доли. Так я оказался в конце 1939 года на Урале. Село Чудиново в Челябинской области стало моей малой родиной. Здесь я учился говорить по-русски, бродил вместе с соседскими ребятами по окрестным лесам, зорил грачиные гнезда. Помню, как провожали мужиков на войну. Пьяные песни, надрывные причитания, горькие слезы... Ушел и мой отец Иван Кузьмич, самый высокий человек в деревне, «дяденька, достань воробышка».

Рос я ужасно чепурным. Не любил грязи, соплей, слюней и дыр на штанах. Но больше всего безответственной песенки: «Ой ты Коля-Николай, сиди дома, не гуляй, к тебе девушки придут, поцелуют и уйдут», распеваемой молодыми женщинами. Не любил телячьих нежностей на людях, особенно материнского ласкательно-щемящего Колюша.

Рано научился читать и писать. Скорее по необходимости. Мать моя, Надежда Ивановна, была абсолютно неграмотна, и вся переписка с отцом, сухо рассказывавшим о военных буднях, лежала на мне. В школу пошёл на десятом году. Причины естественные и уважительные: не было обуви, не хватало одежды. Учился легко и с удовольствием. Носил красный галстук, вытутукивал что-то там на пионерском горне.

Летом работал в колхозе, собирал колоски, возил волокуши. Сочинять начал рано, а рисовать ещё раньше, учителя мне прочили славу художника. Вижу, как будто это было вче-

ра, свое первое стихотворение «Елка» в школьной стенгазете. Начинал с басен, потом перешёл на рассказы, пробовал писать пьесы. Одна из них была сыграна на Маланьином дворе силами учеников четвертого класса. На вырученные за билеты деньги мы славно посмотрели кинофильм «Чапаев».

Почему-то я до сих пор думаю, что обязательно надо родиться и вырасти в деревне, а уж потом можно пожить и в городе.

Мне повезло, что родился и вырос среди полей и лесов, вместе с сиренью в палисаднике и голубями под крышей. Разве можно сравнить наши самодельные игрушки с пластмассовыми штамповками нынешних дней? А наши весёлые игры в шаровки? В лапту, в «чижика», в «муху»? Кто из моих дочек и внуков знает, как играют в «бабки»? Спасибо деревне, от которой остались самые светлые воспоминания.

Об этом я подробно написал с помощью друзей и знакомых, в первую очередь по воспоминаниям друга детства Владимира Родикова-Кузьева, в повести «Царёнок».

В порядке исключения тринадцатилетним вступил в комсомол. После семилетки уехал из села. Во-первых, десятилетка была тогда только в районе, в 25 километрах от нашей деревни. Во-вторых, прочитав объявление о приеме в горный техникум, загорелся желанием увидеть в будущем горы, которых в наших степных краях сроду не бывало. Но оказалось с точностью до наоборот.

Изучал горняцкое дело. Дважды ездил на практику на Бачатский угольный разрез Кемеровской области. Научился пить неразведённый спирт по 5 рублей 85 копеек за бутылку. Влюбился в Сибирь, думал вернуться, но не вернулся.

В 1955 году окончил Коркинский горный техникум и уехал по распределению в Каракумы. Несколько месяцев работал начальном смены на серном руднике «Дарваза». Жара адская. Песок и сера. Подчинённые — бывшие уголовники и наркоманы. На моих глазах пятый по счету начальник рудника от водки и опиума сошёл с ума. Я написал заявление в Ашхабадский облвоенкомат и ушел «добровольцем» в армию.

Сбылась детская мечта! Не зря же я носил пацаном подаренную кем-то бескозырку с золотыми якорями на чёрной ленте и странной надписью «Военно-медицинская академия». Я попал на флот. С отличием закончил военноморскую школу (ВМШ) в латвийской Либаве — Лиепаве по специальности машинист трюмный, т. е. бог воды, г...на и пара.

Более четырех лет служил на военных кораблях Балтийского флота. Тралил подводные мины двух последних войн. Посещал литературное объединение при газете «Кронштадтская правда», которым руководил капитан-лейтенант Григорий Петрович Котницкий, поэт и впоследствии мой друг. 30 марта 1958 года газета опубликовала мое первое стихотворение «Новичок». Корабельный приятель ленинградец Саша Ивановский познакомил меня со своим знаменитым дедом, кинорежиссером А. В. Ивановским, который похвалил опусы молодого пиита. Пожалуй, это была первая серьёзная оценка моих начинаний. Последовал тёплый отзыв Всеволода Азарова в журнале «Советский моряк».

После долгой службы законсервированные рейдовые тральщики были проданы албанцам, а мы с Сашей по глупости записались добровольцами в Египет, дабы разобраться в арабо-израильском конфликте. До особого распоряжения, сказали нам, которое, слава Богу, так и не поступило.

В конце 1959 года я демобилизовался и приехал в Миасс. Через два года распрощались с деревней и отец с матерью. Мы всей роднёй помогли им построить небольшой домик на берегу Ильменского озера. Сыграли свадьбу — в жены я себе выбрал усть-уйскую девицу-красавицу Валентину из рода Овчинниковых. Но пожить долго рядом с родителями не пришлось. В 1968 году шестидесятилетней умерла от лимфогранулематоза мать, которой я обязан всем лучшим, что во мне было и осталось.

Почему-то ярче всего запомнился такой случай. После того, как нас выгнали из колхозной избы — родители отказались работать в артели «напрасный труд» — мы арендовали маленький домишко в районе сада. Был самый голодный

1947-й год. Я гостил в Чебурাকে у тётки Наташи, отцовой сестры в пяти километрах от своей деревни. И вот возвращаюсь короткими перебежками лесной дорогой, где прошлой зимой за нами увязались волки.

Лошадь, вспоминаю, храпела, чуть прибавила ходу. Собачка, бежавшая сзади, норовила запрыгнуть в сани... В общем, боязливо оглядываясь по сторонам, я торопился после недельного гостевания домой. Наконец показался колхозный сад и человек на придорожной полянке. Это была мама, собирала, пользуясь обеденным перерывом, поспешную клубнику, голубянку по-нашему. Увидев рядом неожиданного меня, она вспыхнула лицом, как девочка, вытирая счастливые слёзы...

Тринадцать лет я спускался в забой Берёзовского карьера, грузил экскаватором известняк в думпкары. По дороге на работу и с работы на ходу сочинял стихи. Работа в карьере тяжёлая и суровая. Зимой 1973 года я здорово простудился на смене. Результат — ангина, потом пиелонефрит. Три месяца в миасской больнице. Депрессия. Десять месяцев в областной больнице в Челябинске. Спасибо Александру Андреевичу Шмакову, тогдашнему ответственному секретарю областной писательской организации, через обком партии устроил. Очно и заочно поддерживали друзья и товарищи, в том числе Саша Кушнер, Илья Фоняков, Леонид Григорьян... Долго выкарабкивался.

Со дня приезда в Миасс регулярно ходил в городское литобъединение, которым руководил профессиональный писатель В. Р. Гравишкис. Стали появляться публикации в областных газетах. Заметили и пригласили на бюро писательской организации. Чуть ли не в полном составе на обсуждение прибыли молодые литературные «волки» лито «Металлург» во главе с Валентином Сорокиным. Стая почувствовала чужака и напала. Пришлось Якову Вохменцеву, писательскому вожаку, прикрывать меня не столь широкой грудью литературного авторитета. Весной 1967 года после согласования с областной писательской организацией и Миасским горкомом партии я возглавил городское литературное

объединение. Название «Ильменит» было мною придумано позднее. Провели конкурс, но всякие «Вдохновение», «Слово», «Лира» и т. п. меня не устроили. А я в то время, будучи горняком, увлекался минералами. Вооружившись кайлом, бродил с единомышленниками по окрестностям Миасса. Рылся в земле, чего-то добывал. Предложил назвать лито «Миаскитом», но кто-то подарил мне кусок ильменита. На нём и остановились.

В 1966 году участвовал в работе Кемеровского зонального совещания молодых писателей, где получил довольно высокую оценку за свое творчество, а рукопись первого сборника стихов была рекомендована к печати. В 1967 году в Челябинске вышла книга «Белое, синее» с предисловием Дмитрия Ковалева, а в 1968 году я стал вторым после Бориса Ручьева лауреатом областной комсомольской премии «Орленок». А тогдашний комсомольский вождь В. П. Поляничко до конца своих дней оставался поклонником моих поэтических импровизаций. Кстати, на Кемеровском совещании впервые познакомился с В. П. Астафьевым. Там же, в сибирских краях, пришлось участвовать в литературных праздниках вместе с Л. Соболевым, Я. Смеляковым, В. Федоровым...

Москва, весна 1969 года. 5-е Всесоюзное совещание молодых писателей. Моим семинаром руководят В. Соколов, Ю. Левитанский, Е. Долматовский, М. Соболев, И. Фояков и другие. Стихи хвалят, меня рекомендуют в члены СП. Долматовский спорит с Левитанским по поводу авторского чтения стихов. Левитанскому нравится, как я читаю, Долматовскому — не очень. Кому-то не дают покоя мои скромные лавры. Был бы в «русском» семинаре, говорят, неизвестно еще, как бы вышло. В результате стихи не попадают в коллективный сборник по итогам совещания. Лишаюсь выступления и на заключительном вечере. Всё это, конечно, связано с давними «тёплыми» отношениями с некоторыми бывшими земляками, фарцующими квасным патриотизмом, стихотворцами весьма посредственными, а людьми мелко-травчатыми и нечистоплотными. «У тебя нет ни одного стихотворения о России, — упрекнул меня однажды местный

пиит, — всё про поля да берёзки». — «А это и есть о России», — ответил я «патриоту».

Однажды, приехав в Москву, неожиданно увидел по телевизору В. В. Казина, который держал в руке мою первую книжку «Белое, синее», читал стихи и говорил тёплые слова в мой адрес. Михаил Львов, который симпатизировал мне и с которым мы позже проехали пол-Европы на автобусе с ветеранами Уральского добровольческого танкового корпуса, посоветовал: мол, не будь дураком, позвони Казину и поблаговари.

На другой день Василий Васильевич, знаменитый поэт и друг Сергея Есенина, пригласил меня к себе домой в тихий Лаврушинский переулок. Предложил и написал рекомендацию: «С творчеством Николая Годины я познакомился в апреле сего года в день, когда я выступал по телевидению. Как я тогда сказал, Николай Година порадовал меня — порадовал добротной лирикой, где теме труда уделено столь серьёзное и столь необходимое в наше время внимание. Воспевая труд, поэт избежал той голой механизации, которой так грешили некоторые рабочие поэты первых лет Октября. У Николая Годины на первом плане сам человек труда. Написано пока Годиной не много, и хотя, конечно, нельзя сказать словами классика, что у него книжка небольшая “томов премногих тяжелей”, но несомненно одно — Николай Година — настоящий поэт. У него зоркий художественный глаз, у него большей частью полновесная мысль, выраженная весьма лаконично, а порой даже афористично, отчего стихи его легко и прочно запоминаются. Это, например, видим в стихах “О простоте”, “Работа”, “Усталость”. С какой поэтической тонкостью показывает Година наше героическое время и труд, военный характер его всего в девяти строчках стихотворения “Взрыв”:

Скала подпрыгнула и села.
Прибоем пыль вошла в забой.
Горячий ветер ошалело
Кружил на месте, как слепой.

Гудело эхо у Горбатки.
Запахло порохом вокруг.
И вдруг почувствовал в лопатке
Осколки бывший политрук.

Принимая во внимание, что представитель рабочего класса Николай Година — поэт с определёнными творческими перспективами, что он бесспорно даровит, считаю, что он безусловно достоин быть принятым в ряды Союза писателей.

15 мая 69 г. Москва. Василий Казин».

По рекомендациям Казина и Львова, а так же 5-го Всесоюзного совещания молодых писателей я и был принят в начале 1970 года в Союз писателей СССР.

Между тем миасская жизнь шла своим чередом. Работал на экскаваторе. Жена Валентина Ильинична — экономистом. Две дочери — Оксана и Жанна — в садике. Отец сапожничал в горбыткомбинате. Челябинская киностудия надумала и сняла документальный кинофильм «Никакая там не знаменитость». Режиссёр Р. Эйленкриг после премьеры в Москве рассказывал об огромной моей «рабочей» фотографии в Центральном доме кино.

Знакомство с Леонидом Леонидовичем Оболенским, перешедшее в многолетнюю дружбу. Оболенскому особенно нравились мои миниатюры.

«Ты, Коля, — говорил Л. Л., — Дебюсси в поэзии». На одной из подаренных фотографий Л. Л. в 1977 году писал: «С Вами, Николай, забываю, что мне 75. Спасибо за Вашу светлую речь к людям».

Продолжаются с 1967 года переписка и дружба с замечательным боснийским поэтом Изетом Сарайlichem. Перевожу его стихи, он переводит мои.

«Твои переводы, — пишет Изет, — может быть, лучшие, которые я до сих пор прочёл на русском языке». И еще: «Я и дальше убежден, что лучшие белые стихи в России наших дней пишет Николай Година».

В 1997 году я подготовил и издал книгу «Сарайлич из Сараева», в которую вошли письма Изета, переводы его

стихов и мои стихи, посвящённые ему. Он был очень рад. Я тоже.

Любовь к земле, обострённое видение окружающего, взаимоотношение человека с природой стало доминирующим в моей лирике. Ищу в стихах не столько информацию, сколько мысль, образ метафору, удачное сравнение, парадокс. Может, поэтому ближе моей душе строчки Владимира Соколова, Давида Самойлова, Александра Кушнера, Олега Чухонцева, Глеба Горбовского, Олжаса Сулейменова, Ивана Драча, Владимира Салимона, Геннадия Русакова... У меня не было и нет прямых учителей, хотя критики иногда кивали на Пастернака. Что ж, не возражал бы!

После болезни снова работал в Тургорском рудоправлении. Сначала инженером по котлонадзору, затем председателем профкома. Много ездил по стране по приглашению Бюро пропаганды художественной литературы, а позднее — секретариата СП: Украина, Узбекистан, Адыгея, Башкирия, Якутия и т. д. Любовь к путешествиям позволила побывать в Италии, Англии, Франции, Канаде, Индии, Египте и в десятке других не менее интересных государств.

В свое время мне не удалось получить достаточного образования, поэтому всевозможные поездки стали моими университетами. Кое-кто из миасских тружеников пера с недоумением и чуть ли не с обидой замечал: вроде бы не шибко грамотный, но, видимо, удачливый... Как сказать. И все же я всегда трезво оценивал свои литературные опыты, считая их не более чем любительскими. Мне действительно не удалось много узнать и из книг, и из жизни. Средняя сельская семилетка, провинциальный техникум, четырехлетняя флотская служба, семейный поселковый быт... Была возможность поехать учиться в столицу на Высшие литературные курсы — жена запротестовала: кто кормить детишек будет? А как журил меня Астафьев за этот отказ! «Коля, — горячился он, — в этом институте конечно же тебя ничему хорошему не научили бы, по себе знаю, но много бы дали музеи, театры, редакции журналов и знакомства за бутылкой

водки с талантливыми людьми под крышей Центрального Дома литераторов на Поварской».

В творчестве со временем происходит своеобразная эволюция. В семидесятые годы неожиданно начинаю работать над свободными стихами. Верлибрами. А позднее пишу прозаические миниатюры — малую прозу. Известный московский критик Владимир Огнев писал мне:

«А не попробовать (или пробовали?) Вам писать прозу? У Вас цепкий глаз, мысли не банальные. Только я имею в виду не «тургенизмы». А настоящую современную прозу».

Не насмелился.

«У Вас хороший глаз, ощущение места, погоды, сезона, природы... Книга мне понравилась и по тону, и по поэтике...», — это пишет Давид Самойлов с вежливой надеждой встретиться по адресу: Тооминга, 4, Пярну.

Отзывается и Саша Кушнер: «...очень хороши все предметы и подробности уральских городов и уральской природы. Это очень важно, когда поэтический мир закреплён за какой-то определённой местностью, а не парит в нежилом пространстве...».

Одно время довольно широко печатаюсь в журналах и альманахах: «День поэзии», «Поэзия», «Новый мир», «Нева», «Урал», «Волга», «Сибирские огни» и др. Критики отзываются тепло и доброжелательно. Мои книги заказывают Гарвардский университет и библиотека Конгресса США. Избираюсь в редколлегию журнала «Урал», членом редколлегии «Уральской библиотеки». Но всё же, всё же, всё же... Надо признаться, один из самых больших недостатков в собственном литературном «я» — отсутствие в большей степени внутренней свободы. Не могу обнажиться, не могу показать раны и рубцы, даже слёзы. А ведь сентиментален до нет спасу. К тому же патологическая застенчивость и робость... Может, поэтому и ушёл «в леса», к своим деревьям.

Никогда не чурался и общественной, так сказать, деятельности. Еще на флоте в 1958 был принят в члены КПСС. После демобилизации избирался членом горкома и обкома комсомола, депутатом Миасского горсовета. Даже членом

обкома партии. Во время перестройки партийный билет не сдал и не сжег. Храню на память.

В 1980 году уволился из Тургоряжского рудоуправления. Пять лет работал только с литературным объединением. Получал 80 рублей в месяц. Полтора года по велению партийных властей г. Миасса «боролся за общую трезвость». В 1987 году меня почти волевым решением избирают руководителем областной писательской организации.

По численности организация была средней. По качеству средняя тоже. Вообще челябинская земля довольно бедная на писательские таланты. Кроме Б. А. Ручьёва ничего большего здесь не выросло. Ни о какой школе говорить не приходится. Десятки литературных объединений толкли воду в ступе: заводы, труд, металл, ложно-пафосная гордость — «мы простые парни-работяги...». Те редкие ростки настоящего и талантливого, не развившись, засыхали постепенно в одиночку в отрыве от общей культуры страны. Заедала провинциальщина.

С трудом переезжаю в Челябинск. Одиннадцать лет, как никто другой, занимаюсь скучнейшей и неблагодарной работой по организации всевозможных семинаров, совещаний, добыванием денег на оплату аренды помещения, разборками между группировками и отдельными членами СП.

После распада СССР и раскола Союза писателей в организацию правдами и неправдами повалил малограмотный и малоодарённый, но агрессивный, что-то пишущий народ. Одни подались в крутые демократы, другие стали фарцевать квасным патриотизмом. Слава Богу, в эти же годы появилось много и по-настоящему талантливых людей вне творческих союзов.

Выживали кто как мог. Задумал и я заняться издательским делом. Поехал к министру по печати М. Федотову, получил лицензию. Издательство «Автограф» продержалось несколько лет. Был подготовлен первый одноимённый номер журнала, который так и не вышел. Не было для зачина денег. Пришлось готовить и издавать серию популярных «Лечебников». На вырученные деньги издавал книги молодых писателей.

Как будто легче стало издаваться. Выходит несколько новых книг у меня: «Избранное для друзей», «Берестяная грамота», «Миасское время», «Сарайлич из Сараева». Правительство Челябинской области выдвигает на премию Президента РФ. А Президент присваивает звание «Заслуженный работник культуры России» (1996 г.).

В 1993 году на восемьдесят третьем году жизни в Миассе умирает отец. Я перед ним непростительно виноват. Участник войны, он куковал в одиночестве в старой, из шпал слепленной когда-то развалюхе на болотистом берегу Ильменского озера. Миасские чиновники «футболили» напрочь глухого, немощного старика: мол, имеешь свой дом и т. п. А я, зная эту сволочную породу мелкоотравчатых и вороватых, скоро посадивших партийные билеты слуг народа, всё никак не мог преодолеть брезгливость и отвращение и похлопотать за родителя. К трем внукам прибавляется внучка. Нарастает желание помочь своим миасским литературным питомцам. Готовлю и помогаю издать антологию «Стихи Миасской долины», несколько сборников членов литобъединения. Очень хочется написать что-то свое.

В свободное время, кроме садово-огородных дел, увлекаюсь минералами. Облазил, вооружившись кайлом, вместе с друзьями-товарищами окрестности Миасса, Златоуста, Пласта, пос. Ленинск. Рыл, копал, что-то находил. Теперь у меня в Челябинске компактная, но содержательная коллекция камней, которыми и сам люблю, и другим показываю.

До сих пор чтение — одно из самых любимых занятий. Перечитываю Бунина, Чехова, Гоголя. Наслаждаюсь Борхесом, Астафьевым, Конечким, Довлатовым. Интересны мемуары Вознесенского, Евтушенко, Ваншенкина. И все-таки словари народных говоров — лучшие из книг. К сожалению, кирка для минералов давно заржавела. Все некогда да недосуг. Остается только лес, куда я сбегаяю при первой же возможности. Часто среди деревьев мне уютней, чем среди людей. Думаю, что это и по стихам видно.

Захотелось что-то добавить из последнего отрезка своей жизни. В 1998 году ушел, не доработав до положенного

срока, из секретарей Союза писателей: бездарное, преступное ельцинское правительство довело Россию до ручки. Ни «правые», ни «левые» меня не устраивали. В течении трех лет практически безмолвствовал, оглушённый, отравленный новоявленной литературой. Страницы газет и журналов заполонила «прикольная» пошлятина, разнузданная похабщина на каком-то тарабарском языке... Много раз участвовал в «Литературных встречах в провинции», попросту в «Астафьевских чтениях», проходивших в п. Овсянка Красноярского края, на родине великого писателя.

Тридцать шесть лет судьба позволяла общаться с Виктором Петровичем и Марией Семеновной. И — главное: никакая расчётливость в нашей дружбе не ночевала, поскольку никогда ни с какой просьбой, связанной с литературой, я к ним не обращался, а они ко мне тем более. На «Астафьевских чтениях» приумножилось мое богатство новыми товарищами и приятелями. А некоторые, как Валентин Курбатов и Михаил Кураев, стали, надеюсь, моими друзьями. Появились и многочисленные поклонники.

Одно время крепко задружил с областным Центром народного творчества. Пригодился сорокадвухлетний стаж руководителя миасским «Ильменитом»: с благословения дирекции создал литературную секцию. Более 17 лет ежеквартально собираются десятки самодеятельных поэтов и прозаиков на семинары. Проблема напечататься натолкнула на мысль создания своего журнала. И с начала 2010 г. стал выходить «толстый» ежеквартальный альманах для любителей словесности «Графоман».

В 1999 году я был приглашён на Международный конгресс поэтов в Санкт-Петербург. Вместе с Ахмадулиной, Горбовским, Кушнером читал стихи в Таврическом дворце. Праздник — Александру Сергеевичу Пушкину 200 лет! В этом же году по итогам Всероссийского конкурса поэтов получил профсоюзную премию им. Ф. Т. Селянина. Написал «Царёнка», маленькую документальную повесть о детстве, чудинновском детстве. Снова пишутся стихи, жестковатые, эмоциональные. Выходит книга «Графоман». Через год —

«Музыка легкого поведения». Администрация губернатора области выдвигает книгу на Всероссийскую литературную премию им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, которую и вручают мне 6 ноября 2003 года в Висиме, родном городе классика.

11 ноября, в День города, мне присвоили звание почётно-го гражданина муниципального образования «Город Миасс». Награждён знаком почёта «За заслуги перед Челябинской областью». Название длинное и мудрёное, но приятное. В 2005 году выходит двухтомник — стихи и проза.

По рекомендации областной администрации включен в энциклопедию «Лучшие люди России». В январе 2006 года получил Всероссийскую литературную премию им. П. П. Бажова за книгу стихов «Человек похожий на меня». Подготовил и издал несколько книжек миасских литераторов.

Дочери давно выросли, выросли и их дети. Оксана учит ребятшек в миасской школе. Антон и Максим — офицеры. Младшая дочь Жанна и внук Митя живут с нами. Не всегда нас с Валентиной радуют внуки, но такова жизнь. Думаю, нашим родителям было с нами легче. Правда, жили мы тогда намного беднее, но чище и интересней. Может, даже естественней.

Как-то я в запале написал:

Пора признать нам в двадцать первом веке:
Всё меньше человека в человеке.

Очевидно, хоть и невероятно.

К стыду или к радости от мании стихописания так и не избавился — болезнь пожизненная. В 2014 году полномочный представитель Президента РФ Игорь Холманских вручил мне литературную премию Уральского федерального округа за стихи последних лет. А через неделю-другую получил Южноуральскую премию за книгу социальной лирики «i: новые стихи».

Надеюсь, достаточно активно работаю в фонде им. академика В. П. Макеева «Миасская долина» и совете почётных граждан г. Миасса плечом к плечу со своими земляками.

Когда-то Изет Сарайлич написал: «...Уж и твоё имя — Николай Година — мне очень нравится. С таким именем невозможно лишь прогуляться по литературе. Такие имена остаются. И очень хорошо знать, что через года у меня будет друг — Година». Не знаю, оправдал ли я надежды Изета? Останется ли хоть одна строка под моим именем? Вопросы...

Николай Година

июнь 2014

Вехи биографии

- 1935, 25 августа — родился на хуторе Шамайково Полтавской (Харьковской) обл. УССР.
- 1939 — переезд на Урал.
- 1944 — поступил в 1-й класс.
- 1951 — окончил 7 классов.
- 1951 — 1955 — учёба в Коркинском горном техникуме.
- 1955 — работа на серном руднике «Дарваза» в Каракумах.
- 1955—1959 — служба на кораблях Балтфлота.
- 1959 — переезд в Миасс.
- 1962 — женитьба.
- 1966 — участие в Кемеровском зональном семинаре молодых писателей.
- 1966 — родилась дочь Оксана.
- 1967 — вышла первая книга стихов «Белое, синее».
- 1968 — умерла мать, Надежда Ивановна.
- 1969 — участие в 5-м Всесоюзном семинаре молодых писателей.
- 1970 — родилась дочь Жанна.
- 1987 — переезд в Челябинск.
- 1987—1998 — работа ответственным секретарём челябинской областной писательской организации.
- 1992 — умер отец, Иван Кузьмич.
- 1998 — руководитель литературной секции областного Центра народного творчества.
- 2010 — редактор литературного альманаха «Графоман».

Награды и звания

- 1968 – получил премию челябинского комсомола «Орлёнок».
- 1999 – получил Всероссийскую премию им. Ф. Селянина.
- 2003 – получил Всероссийскую премию им. Д. Мамина-Сибиряка.
- 2004 – присвоено звание «Почётный гражданин города Миасса».
- 2005 – присвоено звание «Заслуженный работник культуры России».
- 2005 – награждён знаком отличия «За заслуги перед Челябинской областью».
- 2005 – получил Всероссийскую премию им. П. Бажова.
- 2006 – награждён памятной медалью и включён в энциклопедию «Лучшие люди России».
- 2014 – получил литературную премию Уральского ФО РФ.
- 2014 – получил Южноуральскую литературную премию.

Первая публикация

Новичок

Видно, он недавно из села,
Робко прячется за спину строя,
Родина на службу призвала,
Дав ему оружие другое.
Раньше он рубанком воевал
С досками большой колхозной стройки,
Также рано утром в шесть вставал,
Но не с этой двухэтажной койки.
Не шагал он, вытянув носок,
По брусчатке, шаг штампуя четкий,
Не ложился в топтанный песок
И не полз срывая с ног подмётки.
Не стоял часами у ворот,
В шорохах лоя чужие звуки.
Разве что в деревне парень тот
Ожидал шаги своей подруги
Полюбуйтесь, он и ростом мал,
Угловат в своей шинели черной,
Ну, а нас другими, что ль сигнал
Заводил впервые в класс моторный?
Не беда, что он споткнется чуть
В первый день, шагая шагом новым,
Ведь и мы когда-то этот путь
Называли чуть ли не терновым.

(Кронштадтская правда. 1958. № 76. 30 марта)

Обложка первой книги стихов «Белое, синее» 1967 г.

Всеволод Азаров

Молодые поэты Балтики¹

«Мы из Кронштадта!» — эта клятва героев Вс. Вишневского и сегодня находит отклик в матросских сердцах. Пройдите по морскому городу. Вы увидите на домах таблички с названиями: улица Вишневского, улица Алексея Лебедева. Хорошо, что флотский город благодарно помнит своих певцов.

В конце прошлого года «Кронштадтская правда» объявила в честь 41-й годовщины Октября литературный конкурс. Одной из премий удостоено стихотворение старшины 2-й статьи С. Шмитько «Мы из Кронштадта».

Ныне демобилизованный старший матрос запаса Вячеслав Маклаков посвятил стихи своему кораблю, прославившемуся в Отечественной войне. «Песня об Иване Тамбасове», стихотворения «Залп» и «Корабельный флаг» по достоинствам отмечены премией.

Поэты-моряки Николай Снегирев, Александр Баюров, Григорий Котницкий, Михаил Микрюков, Венедикт Богданов хорошо известны и читателям «Советского моряка». По почину кронштадтской литературной группы Ленинградское издательство выпустило сборник избранных стихотворений о Балтике.

Хорошо начинает старший матрос Николай Година. Его стихи «На рейде», «Старый форт», «В последнем походе» проникнуты суровой романтикой морских походов, воспевают будни военных моряков:

¹ Советский моряк. 1959. № 8.

Когда в походе — жаркая работа,
Соленый привкус моря на губах.
Порою землю целовать охота,
Листок письма, что сушею пропах.

Литературная кронштадтская группа не исчерпывает кадры флотских поэтов. Есть они и в объединениях при окружной газете «На страже Родины», при газете «Страж Балтики» и других.

Из поэтов этих объединений хочется назвать в первую очередь капитана 2-го ранга Игоря Смирнова, подготовившего к печати свой первый сборник стихов, капитан-лейтенанта М. Чеботаева, капитана А. Середа. Разумеется, что положительная оценка отдельных стихотворений молодых флотских поэтов не означает, что они свободны от недостатков и достигли уже профессионального уровня. Способности их нуждаются в развитии, в совершенствовании. Но хорошее знакомство с флотским материалом придаёт стихотворениям поэтов-моряков живость, помогает им доходить до сердца читателя.

Юрий Никишов

Шаги к зрелости¹

Примечательна особенность современной критики: обостренный интерес к творчеству молодых поэтов (молодых — относительно; нынче художественная зрелость чаще приходит поздно, вместе с гражданской зрелостью; те, кто составляет сейчас новое поэтическое поколение, — уже тридцатилетние). От молодых ждут больших художественных свершений.

Критическое осмысление нового литературного материала пошло по двум (разумеется, не исключаящим друг друга) направлениям. Во-первых, поиск новых имен, поиск своеобразного «резерва», во многом определяющий поэтическую ситуацию 70-х годов. Появилось немало статей, в которых назван целый ряд поэтов, выросших далеко от Москвы «и пока еще не известных всесоюзному читателю».

Правда, перечни эти и «открытия» подчас довольно условны (и не всегда новы), но само требование расширить зону поисков подлинной поэзии мне представляется справедливым. Во-вторых — идет восстановление критериев художественности, различные дискуссии о содержательности поэзии.

Признавая нужными, полезными оба пути освоения нового литературного материала, я внутренне отдаю предпочтение второму. Не беру на себя ответственность создавать поэтические репутации «областного», «зонального» или «всесоюзного» масштаба. Не открываю новых имен, имея

¹ Урал. 1972. С. 151 — 154.

дело с творчеством авторов, более или менее известных читателю. Моя задача — наблюдение над молодой поэзией не в горизонтальном срезе (вширь), а в вертикальном (от корней к вершине). Хочется проследить становление нескольких поэтических биографий, увидеть движение от первых дебютных книжек к последующим. Оценивая их шаги к зрелости, мы сможем лучше понять сегодняшнее состояние поэзии молодых.

Николай Година. Он начал в 1967 году сборником стихов «Белое, синее». Затем последовал сборник «Дерево любви» (1970). Живет в Миассе.

Заметное возмужание поэта происходит на уже определенном пути: Николай Година — поэт устойчивой творческой позиции как в идейно-тематическом, так и в образно-стилистическом плане.

В стихах Годины со всей откровенностью заявлена установка на «исповедальность»:

Я перед вами на духу.
Всему, что говорю, поверьте.
Я не прибавлю, не солгу...

Это исключительно важное признание. Из него вытекает множество следствий. Во всем этом нужно разобраться.

В лучших стихах «исповедальность» только способствует искреннему и честному разговору с читателем. Задушевность и интимность нисколько не препятствуют глубине общения. К примеру:

Героям возвращаем подвиги.
Басят динамики, вещают.
Герои молча нас прощают —
Великодушны, значит, подлинны.
На пьедесталы невысокие

Герои всходят, бронзовея.
И ветры песни им особые

Поют, над площадями вея.
А мир почти без изменения.
Земля мячом влетает в осень...

По праздникам, как извинения,
Цветы героям мы приносим.

Достоверен Николай Година в рабочей теме. Рабочий человек, он знает цену труду, творческому вдохновению. Отчеканивается отличная формула работы:

Мне нравится
До жара уставать
И медленно, как солнце,
Остывать.

Поэт подчёркивает одухотворённый, идейный смысл труда советского человека, заявляя: «Работой нашей правят не рубли». Ценится работа высокого напряжения, та, которая, имея конкретную цель, закаляет характер человека:

А мы потели, мы хотели
Себя сильнее быть хоть раз.
.....
Мы добывали веру в счастье —
Такую ценную руду!

В стихах Годины о труде нет позы. Он не боится признаться в слабостях («Приелась горькой редькою романтика тайги»), потому что находит силу преодолевать их, а через это обретает право уважать себя (и рассчитывать на уважение):

Вдруг странную симпатию
Почувствую к себе...

В стихах Годины много людей. Это рабочая братва — экскаваторщики и буровики в Кара-Кумах, таежные земле-

проходцы. Но они проходят, как фон. Меня иногда «я» на «мы», Николай Година всюду придерживается «исповедального» тона. Сопровождая изображение труда минимальными, внешними деталями, поэт сосредоточивает внимание на внутреннем смысле труда. Можно порадоваться: поэту удаются важные штрихи к портрету нашего современника.

Именно как человек труда (по-базаровски: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник») Николай Година воспринимает природу. В его стихах встречаются «сельскохозяйственные» образы:

Ранний месяц, как соха,
Мелко пашет облако.

Но гораздо чаще поэт смотрит на природу как горожанин, «урбанизируя» ее.

С проворством фоторепортёра
Пугает вспышками гроза...
Окно талантливым пейзажем
Висит в подрамнике стены...
Запрятанное в куст сорочье радио
Вещает торопливо обо мне...

В таком восприятии природы Година, пожалуй, наиболее оригинален и интересен: его образы неожиданны и зримы:

Транспортёрной лентой, легка,
По камням бежала под ногами,
Облаками — белыми тюками —
Доверху груженная река.

Бабы шли сторонкою, пыля.
Лодка билась, к берегу прижата.
И сияли стриженно поля,
Как на первом смотре салажата.

Как у горожанина, у поэта особое влечение к природе («Потянуло на природу, ближе к лесу и к воде») и особо трепетное, взволнованное чувство радости при встречах с природой.

Потребность общения с «лесом и водой» у Годины органична и естественна, здесь нет и тени конфликта «природы» и «цивилизации». Во-первых, город избран поэтом сознательно: именно здесь у автора «работёнка по уму». Во-вторых, поэт может давать и великолепный городской пейзаж («Гроза»). Наконец, даже любуясь сельской природой, Година остается самим собой, то есть городским человеком. Поэтому и здесь в его «исповедальности» нет наигранности, и особенности восприятия природы интересно дорисовывают лирического героя.

Пейзаж занимает большое место в лирике Годины — образует самостоятельный (и весьма важный!) цикл, а также входит как экспозиция или в ином качестве во многие стихотворения.

Сопричастный к общему труду советских людей, преобразующих мир, поэт все острее начинает чувствовать свою сопричастность к их большим и разным делам. Возрастает чувство личной ответственности за все происходящее в мире.

А дома снова до рассвета
Снам не управиться со мной.
И долго тяжесть всей планеты
Я буду чувствовать спиной.
Крепнет естественное желание:
Пыгаюсь собственную личность
Потуже с веком увязать.

Не здесь возникает серьёзное противоречие. Делая ставку на «исповедальность» («Я перед ваян на духу»), рассчитывая на доверие читателя («Я доверяю вам себя за ваше полное доверье»), Николай Година стремится к предельной искренности, больше всего боится фальши. Но мир сложен. Боязнь сфальшивить в обращении со сложными проблемами делает

поэта робким: чаще он ограничивается обозначением состояния озабоченности, нежели вводит читателя в действительный мир своих забот.

Восходит ночь, сияя лунным светом,
Мерцают грани звёздного венца.
То новый день идет, а я и в этом
Еще не разобрался до конца.

Или:

Но, что поделаешь, не просто
Все в этом мире для меня.
.....
А я с трудом пытаюсь снова
Открыть открытое себе.

И еще:

Неорганичен и свинцов
От всяких дум (?) осадок в теле.
Потратить век в конце концов,
Чтоб разобраться в этом деле.

Так ставка на «исповедальность», привлекательная сама по себе, оборачивается изнанкой. Мы часто видим поэта размышляющим над какими-то вопросами, но сами эти вопросы остаются для нас в секрете. Остается помнить просьбу поэта о доверии. К доверию Година располагает, но все же читатель платит полным доверием тогда, когда разделяет заботы поэта. Для этого также нужна эстетически завершенная картина переживаний, образ переживаний, а не декларация их. Иначе вера на слово остается рассудочной и, следовательно, холодной.

Стремление к искренности в исповеди часто приводит Годину к боязни пафоса и к снижению его не всегда оправданной иронией.

В первом сборнике поэта было стихотворение «Земля», где восторженно передавалась радость городского человека при встрече с деревенской природой. А кончалось стихотворение нарочито прозаическим признанием:

В то лето я гостил у тещи,
Пил брагу да хвалил блины.

Самоирония требует не принимать всерьез пафос переживания: мало ли что «приблизится» отпускнику при перемене обстановки.

Об этом раннем стихотворении можно было бы не упоминать, но намеченная здесь тенденция сохранилась. В новом сборнике помещено стихотворение «Гроза», в основе своей превосходное живописной образностью, но, на мое восприятие, не отличающееся цельностью настроения. Вот эта лирическая миниатюра:

В глазах короткой вспышкой гнева
Погасла молния, когда
Ломалось небо справа, слева,
И дождь свисал, как провода.

Лицо закинув кверху гордо,
Весь — улиц радостный оскал —
Щекотно каменное горло
Промокший город полоскал.

Он отдыхал душой и телом,
Квадратно в стороны глазел.
А я под липой, грешным делом,
На ручке зонтика висел!

Авторская самоирония вновь снижает пафос («гордо», «радостный оскал») предыдущих строк. Возможно, завершая, стихотворение авторским «я» с ироническим оттенком, Година стремился как раз приблизиться к читателю,

сделать интонацию теплее, человечнее, а может быть, даже «современнее», поскольку боязнь пафоса нынче не такое уж исключительное явление. Я допускаю такое объяснение, но сам его принять не могу. В моем восприятии нарочито прозаическая поза поэта в последних строках как-то нарушает доверие к его праздничным настроениям.

Декларативность, проявляющаяся в замене выражения переживания указанием на переживание, и боязнь пафоса представляются мне недостатками поэзии Годины. Но, думается, это всего лишь болезнь роста, некоторая (излишняя!) робость перед серьёзным разговором с читателем по существу сложных жизненных проблем. Порукой тому стихотворение «Героям возвращаем подвиги...» и вообще весьма заметное возмужание поэта во втором его сборнике.

Николай Година в основном пишет лирические миниатюры. Большинство его стихотворений уместается на одной странице малоформатной книжки. Часто поэтическая мысль реализуется в трех-четырёх четверостишиях. В этих условиях роль композиции сводится к подготовке особо эффектного образа или к отбору однородных образов в целях целостного звучания стихотворения. Година владеет и тем и другим композиционным приёмом, но не всегда. Неточности, недоработки есть еще во многих стихах, однако все это поправимо. Стихотворная; техника — дело наживное.

Радует поэтическая одаренность Николая Годины. Он мыслит как поэт, будучи особенно оригинальным в изображении природы. Дальнейшее зависит от того, насколько успешно автор перейдёт от поэтических зарисовок жизни (которые пока удаются лучше всего) к художественным обобщениям (которых пока еще немного). Ждать такого взлёта — хочется.

Геннадий Карпунин

Николай Година.

Неожиданность души¹

Не без некоторого предубеждения раскрыл я сборничек уральца Николая Годины, третий, как сообщает издательская аннотация, в его «творческом списке». Обложка, с которой недоброжелательно глядел должествующий, по всей вероятности, выражать указанную в заглавии «неожиданность души» черно-белый полупрофиль автора, вызывала неловкое чувство претенциозностью оформления (что не совсем справедливо, конечно, ставить в вину автора, но театр начинается с вешалки, а книга — с обложки).

Первые же стихи утвердили меня в том, что известная доля самокритичности Н. Године не повредила бы —

Вклинясь в просеку глубоко,
Горизонт синее голо.
Я беру тайгу на бога,
Я беру скалу за горло.

Или:

Невероятный случай снега
О вероятном говорил,
Когда известку сыпал с неба
И чистоту вокруг творил.

¹ Година Н. Неожиданность души : стихи. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд., 1974. ; Сибирские огни 1976. № 5.

Я прочитал еще несколько вещей, натываясь то на какой-нибудь «саксаул», ведущий себя совсем непонятным образом — «танцует, корча дикаря» и одновременно «белеет сучьими сохато», то на ту же, в значении «снег», известку — «известью озарены вехи, где в обрез две берёзы, три сосны сочинили лес»; заглянул в середину сборника, здесь — «торшером тоненький подсолнух светит, удобно наклонясь», а «пес, избавясь от аркана, не слушал, а внимал тому, как органично и органно осинник пел, раздвинув тьму» («Еще цветы в слезах спросонок...»). Представление о подсолнухе как о торшере, мягко говоря, покорило. Не пристало, я думаю, поэту к природе подходить с узкими мерками городской коммунальной квартиры, воображая ее придатком гостиной комнаты. Столь же вычурно изображать осинник, поющий «органично и органно».

На этом, пожалуй, я захлопнул бы книжку и никогда бы не вернулся к ней, но вдруг встретилось:

Ветер яблоками сладко
Подышал из-за дерев...

Пахнуло что-то чистое, свежее. Проявилась, наконец, «неожиданность души» и творческий характер раскрылся по-новому. словно это дыхание ветра приподняло флер, упомянутый автором в одном из стихотворений («даль не видно из-за флера»), и обнажилось искреннее, сокровенное. Впрочем, следующими строчками — про какого-то пьяницу, который, «одурев», «растворился без остатка в куцах», — строфа была безнадежно замучена.

Не могло не понравиться о громадном городе — при взгляде на него сверху из окна снижающего воздушного лайнера:

А внизу, у Азии на дне,
Выкристаллизовывался город, —

точное, современное ощущение! Однако тут же: «пресмыкались реки». Пытаясь отойти от традиционного — «змеи-

лись», но строя образ на том же все-таки материале, автор не учитывает, что слово «пресмыкаться» имеет два значения. Вот выписки на этот счет из Ожегова: «Пресмыкаться, -аюсь, -аешься; несов. 1. (1 и 2 л. не употр.) Передвигаться, ползая брюхом по земле, как змея (устар.) 2. Перен., перед кем-чем. Раболепствовать, подличать (презр.)». Как видим, прямое значение — устарелое, а переносное употребляется в презрительном плане. По-моему, реки Земли ни в чем не провинились ни перед автором, ни перед человечеством, чтобы можно было говорить о них в столь нелюбезной тональности. Кстати, в другом стихотворении не более оправданный выпад против лесов:

Как мины, пряча грузди,
Безмолвствуют леса.

Не думаю, что автор делает это намеренно, действительно видя в явлениях природы какой-то злой умысел. Здесь, как и в случае с «подсолнухом-торшером». Он строит образ лишь на основании совпадения внешних признаков, нисколько не заботясь о внутренней, подтекстовой структуре метафоры.

Когда же Н. Година преодолевает механическую безвкусицу, сводящую все многообразие мира к двум-трем устройствам широкого или неширокого потребления, возникают подлинно поэтические строки. Вот, например, какие тогда приходят к нему слова про «красоту, условно названную лесом»:

И хочется, как в дом, вбежать,
Под солнце сесть, как под икону,
И век хозяйку ублажать
И по любви, и по закону.

Любопытно, кстати, сопоставить ощущение «как в дом» здесь с соответствующим ощущением в стихотворении «Еще цветы в слезах спросонок...» Если там автор умилился, находя в окружающем черты малогабаритного квартирному

мирка, то здесь он воспринимает лес с его земляничными полянами домом в высоком смысле этого слова, домом, где природа — хозяйка, нуждающаяся в том, чтобы ее ублажали «и по любви, и по закону». Удивительно хорошо сказано!

Или вот это:

Снег на пне, на птичьем ложе,
Снег на веточке сосны...
Не событие и все же
Светлый праздник новизны.

Никаких, оказывается, «торшеров» и «мин», никакой, оказывается, «известки» не нужно. «Вселенная, — как сказал поэт, — проще, чем иной полагает мудрец».

И просто шикарный (иного слова не подобрать), поэтически безукоризненный образ в стихотворении «У каллиха» (пивная в Праге, известная читателям «Швейка» под названием «У чаши»):

...женщины, как острова,
Вниманьем теплым омывались...

Образ хорош не только тем, что закономерно рождается в последовательном ряду: «там шумно пенилась, текла, мстами штормовала даже накуренная полумгла застольного ажиотажа», «качались шлюпками столы» и т. п., но и сами по себе — своею теплотой, расходящейся причудливыми волнами.

Книжка Николая Годины составлена из стихотворений разных лет. Некоторые вещи известны по предыдущим публикациям. Однако разительные контрасты — от элементарной безвкусицы до подлинно изысканных, филигранной работы, строк — нельзя объяснить присутствием определённого числа старых стихов — эта черта присуща новым стихам в той же степени, что и старым. В любом из только что процитированных стихотворений непременно сыщется что-нибудь заумное, «кудреватое». Например, в «Снег на пне,

на птичьем ложе...» это «кудреватое» выражено следующим образом:

Как от скрипки Страдивари,
Ниткой звук наискосок.

Я не специалист по музыкальным инструментам, но, полагаю, главное отличие скрипки Страдивари от всех остальных скрипок не в том, что звук от нее исходит «ниткой» и «наискосок». А в стихотворении «У каллиха», строго говоря, морской антураж никаким боком с сухопутным Швейком не ассоциируется. Все это мило и затейливо выписано, но к Швейку, из-за которого стихотворение началось, не имеет решительно никакого отношения.

Стихотворение «Этюд» посвящено Владимиру Соколову:

Не хочется тратить напрасно
Ни слов, ни минут, ни души.
Снежинки садятся на прясло,
И хрупко все, хоть не дыши.
Еще не светает, а только
Намёк розоватый на свет.
И долго, мучительно долго
Ответа на тишь эту нет.

Кроме несколько смазанной последней строчки, в «Этюде», кажется, нет технических погрешностей. Соколовская интонация уловлена один к одному: «хотел бы я долгие годы на родине милой прожить» — «Не хочется тратить напрасно ни слов, ни минут, ни души». И все-таки проникновение в мир В. Соколова представляется поверхностным. «И степи, и всходы посева, и лес, и наплывы в крови ее соловьиного гнева, ее соловьиной любви» — отнюдь не то же самое, что «прясло». Ни «деревенщиком», ни деревенским В. Соколов никогда не был. Его поэтическая природа так же мало ассоциируется с сельщиной, как Швейк с морем. У Соколова «Любить ее светлые волны и тёмные волны любить» — об-

раз широкий, всеохватывающий, у Н. Годины все замкнуто на частное, узко-конкретное, которое, оказывается, настолько значительно и самоценно, что на остальное «не хочется тратить... ни слов, ни минут, ни души». Опять-таки не потому, думается, что автор действительно так считает, а от обманчиво-красивого «напрасно — на прясло», просто, увлѣкшись, он не замечает подвоха, скрытого в этой изысканно рифмующейся паре.

Сумбурно стихотворение, фраза из которого дала название поэтическому сборнику, и, в силу этого, надо полагать, центральное, программное:

Не верь пророчеству поэта,
Над тайной слова не дрожи,
В которой выдан запах цвета
За неожиданность души.

Если это обращение к читателю (а так оно, вероятно, и есть, ибо какой поэт станет обращаться к себе со словами: «Не верь пророчеству поэта»), то и форму обращения «не дрожи» никак не назовѣшь корректной, деликатной, вежливой. Но дело даже не в форме обращения, а в его содержании — в «неожиданности души» и «запахе цвета». К сожалению, автор не сделал каких-либо разъяснений насчёт «запаха цвета», и читатель, решая, верить или не верить «пророчеству», может оказаться в затруднительном положении.

В принципе, в «запахе цвета» нет ничего предосудительного. Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, вспомним хрестоматийное:

Есть тайные властительные связи
Меж запахом и контуром цветка.

У Брюсова речь идет о содержании и форме произведения как о его внутренней и внешней сторонах, которые реально находятся в органическом единстве.

Видимо, Н. Година, наивно считая «запах цвета» своим изобретением, вкладывает в него какой-то свой смысл. Понять недоброжелательное отношение автора к «запаху цвета» можно было бы, отождествив «запах цвета» с «кудреватостями», о которых говорилось выше, но в таком случае, по высшей мере, странно — обещает одно, а подсовывает другое и открыто, без тени смущения, признается в этом. Более того, предлагает рецепт поведения:

Себя заботами утешь ты,
Живи и торопись пока
Последняя звезда надежды
Недосягаемо близка.

Ничего, как видим, определённого, кроме «недосягаемо близкого», — уж эта-то загадка легко отгадывается! Это, конечно, уж никакая там не «звезда надежды», а самый обыкновенный локоть — близок, как говорится, да не укусишь.

К сожалению, нередко мы застаём автора за этим неестественным занятием — стремлением во что бы то ни стало укусить «недосягаемо близкий» локоть. Напишет Н. Година что-нибудь прелестное, вроде:

Облако, как лед в стакане,
Тихо плавает в окне...
Помню, белыми стихами
Лебеди являлись мне.
Было лето, гром над лугом,
Мама рядышком была.
И вот так же кругом, кругом
Поднебесная плыла.
(«Болезнь»)

и, словно спохватившись, опять за свое:

Уткнувшись в тишину, за лозняком
Ржавеет трактор, богом позабытый.
И грач, разволновавшись от событий,
Заговорил французским языком...

Явный случай бесхозяйственности — «ржавеет трактор». А автор об этом изысканно: «уткнувшись в тишину» и всуе (имя бога-то!), в ряду множества мелочей. Грач, видите ли, заговорил по-иностранному. Нет, тут бы не на жеманно-поэтическом наречии, а куда крепче выразиться!..

Н. Година — автор экспериментирующей, ищущий. И кто знает, вправе ли мы упрекать его за тот или иной просчёт. Ведь, в конце концов, именно на этом пути, в этих парадоксальных завихрениях возникают и по-настоящему талантливые стихи. Где «запах света» не выдаётся за «неожиданность души», а является таковым по своей природе.

Наши достоинства и недостатки взаимообусловлены и проистекают одно из другого. Не будь у Н. Годины того же, скажем, «грача, заговорившего французским языком», не было бы и «Выдавленные следы. Пласт, образующий дно, где содержание слюды зимнему солнцу равно», пронизанного уральским колоритом образа. Как и не было бы и многих других вещей.

Иными словами, происходит своеобразный переход количества в качество. Единственное пожелание автору сводится к тому, чтобы этот период осуществлялся с меньшими издержками.

Юрий Никишов

Пора обновлений¹

Мне уже доводилось писать о стихах Николая Годины (Урал. 1972. № 3). Последняя книга поэта «Неожиданность души», изданная в Челябинске, подтолкнула вернуться к начатому разговору.

Пять лет отделяют ее от предыдущей («Дерево любви»). Названием сборника Н. Година подчёркивает какой-то новый поворот в своем творчестве. Следует считаться с этой заявкой самого автора, но прежде хочется отметить устойчивость авторской манеры, те тенденции, которые обозначились раньше и которые, вполне естественно, сохраняются и теперь.

Прежде всего, в основных чертах выдерживается тематическая ориентация книги. Пейзаж, любовь, быт — три ее опоры. Идет на убыль раннее более продуктивный цикл рабочей темы: в новой книге его представляют всего лишь пять стихотворений, к тому же два из них уже знакомы читателю. Заметно расширен раздел «путевых» заграничных впечатлений, начатых еще первым сборником «Белое, синее».

Угадываются и характерные приёмы сложившейся авторской манеры. Сохраняется вполне своеобразный взгляд на природу, когда поэт-горожанин воспринимает ее со стороны привычного ему быта; примеры здесь неисчерпаемы: «Торшером тоненький подсолнух светит, удобно наклонясь»; «Неживая, как на фото, даль с откусанной луной»; «за углом

¹ Страницы литературного критика // Урал. 1977. № 9.

наждачный ветер, и у солнца мало ватт»; «Многоступенчатые ели космического образца» и т. п.

Рецензируя «Неожиданность души» (Сибирские огни. 1976. № 5), Г. Карпунин весьма неодобрительно отозвался об этой особенности поэтического зрения Годины: «Представление о подсолнухе как о торшере, мягко говоря, покорило. Не пристало, я думаю, поэту подходить к природе с узкими мерками городской коммунальной квартиры, воображая ее придатком гостиной комнаты». Упрек не оправдан: в его основе лежит недоразумение. Образу подсолнуха-торшера Г. Карпунин противопоставляет «подлинно поэтические строки»:

И хочется, как в дом, вбежать,
Под солнце сесть, как под икону,
И век хозяйку ублажать
И по любви, и по закону.

Критик пишет: «Если там автор умилялся, находя в окружающем черты малогабаритного квартирному мирка, то здесь он воспринимает лес с его земляничными полянами домом в высоком смысле этого слова, домом, где природа — хозяйка, нуждающаяся в том, чтобы ее ублажали «и по любви, и по закону». Удивительно хорошо сказано! Сказано действительно хорошо, но не по форме антитезы солнца-иконы подсолнуха-торшера. Механика восприятия природы сквозь призму человеческого быта здесь сохраняется в полной мере. Парадоксально, что тот же взгляд на природу обнаруживается в стихах, которые Г. Карпунин называет «прелестными»:

Облако, как лед в стакане,
Тихо плавает в окне...
Помню, белыми стихами
Лебеди являлись мне.

Опять-таки в стихотворении, откуда критик с восторгом цитирует заключительную строфу про дом «в высоком смысле этого слова», мы встречаем самые ходовые для Н. Годины

образы: «В подолах ситцевых полян», «Уютны коридоры просек», «И воздух комнатно лилов».

Таким образом, решительно нет никаких оснований упрекать поэта за сам способ восприятия реального мира, нет причины для сарказма. Есть лишь необходимость оценивать качество самих образов. Здесь, к сожалению, действительно можно наблюдать отмеченные Г. Карпуриным «разительные контрасты — от элементарной безвкусицы, до подлинно изысканных, филигранной работы, строк...» Но образы из мира очеловеченной природы стоят совершенно на равных в ряду иных поэтических образов. Например, сравнение «Как мины, пряча грузди, безмолвствуют леса» явно неудачное: здесь образ действительно выстроен лишь на основании внешних признаков, без заботы о «внутренней, подтекстовой структуре метафоры», внутренний же смысл буквально бунтует против случайного внешнего совпадения.

Дело, стало быть, в особенностях авторского отношения к предмету исследования.

Восприятие природы глазами горожанина образует в лирике Н. Години устойчивый приём, который, при очевидных частных издержках, в целом обладает поэтической выразительностью, и оригинальностью, и даже подчёркнутой современностью. Ибо если сам по себе антропоморфизм, одушевление природы, перенесение на нее свойств и чувств человека, уходит корнями в очень далекие дали искусства, то урбанизация вполне своеобразно передаёт сам дух эпох НТР.

Из последней книги исчезли обильные раннее поэтические декларации, провозглашавшие принципы «исповедальной» лирики (например: «Я перед вами на духу»; «Я доверяю вам себя за ваше полное доверье»). Декларации отошли в прошлое, суть же авторской позиции осталась неизменной. У меня эта особенность лирики Н. Години и прежде оставляла двойственное впечатление. С одной стороны, такие стихи привлекали своей бесхитростной интонацией, доверительной искренностью. С другой стороны, вызывало разочарование, что поэт слишком часто передавал лишь состояние размыш-

ляющего человека и мало делился результатами своих раздумий о жизни, иной раз обрывая важную мысль буквально на полуслове, в самом начале; эта недосказанность входила в противоречие с самой установкой на исповедальность.

В «Неожиданности души» Николая Годины замечаю черты того же самого почерка. Это естественно, и узнавать знакомое приятно, поскольку творческая манера поэта в основном мне симпатична. И все-таки повторять старое не имело бы смысла, если б не было надобности внести существенные добавления к прежнему разговору.

Новое связано прежде всего с изменениями жизненного опыта. Те самые пять лет между двумя книгами отнюдь не пролетели бесследно.

Вот стихотворение «Язык любви», невозможное в сборнике «Дерево любви», который был еще полон юношеской восторженности и непосредственности, теперь иное.

Стал понемногу забываться
Таинственный язык любви.
Я шепчу тебе про звезды,
Но ты не понимаешь.
Я дарю тебе цветы,
Но ты не радуешься.
Я хочу поцеловать тебя,
Но ты: «Отстань,
Я так устала сегодня,
Что не до этого...»
А когда-то это был единственный язык,
На котором мы могли разговаривать.

Обытовленность чувства проистекает в изображении Н. Годины (укажу, вслед за «Языком любви», на стихотворение «Как мины, пряча грузди...»), прежде всего, от женщины, которая «Одним моментом смажет все тонкости души», которая

Заглянет в завтра просто
Реальней, чем фантаст.
Она от философства
С ума сойти не даст.

Однако возникает и обратная связь: в язык любви самого поэта входят раннее невысказанные, снисходительные, самоотравленные иронией выражения: «Моя матриархиня по улице идет» или «Мама ездит по югам».

Грустное это явление, но поэт искренен и правдив. Далеко не всегда и не каждому удастся выдержать напор годов и жизненных тягот.

Впрочем, усталости, обытовленности чувства Година все-таки противопоставляет упрямую попытку сохранить юношескую порывистость, непосредственность, универсальность чувства. И тогда возникают стихотворения, развивающие мотивы «Дерева любви». Прочитайте: «Еще цветы, в слезах спросонок...» Тут явно возвышенно-преклонённое отношение к женщине:

И ты, приглашено и мило
Неся в глазах теплинку дня,
Ко мне с крылечка не сходила,
А снисходила до меня!

И «снисходила» здесь вовсе не звучит упреком, оно радостно и празднично.

Не умели приbedняться:
Раздавали, жили, жгли.
Над собою приподняться —
Вот что главное! — смогли, —

утверждает поэт в стихотворении, начатом и законченном заклинанием: «Не старей, люби меня».

В названных и подобных им произведениях из книги «Неожиданность души» запечатлелись содержательные и существенные штрихи к портрету нашего современника.

При этом меня не очень смущает то обстоятельство, что наброски портрета даны преимущественно в обстановке интимной, камерной. Отдаю отчет в том, что читателям отнюдь не безразлична сама тематическая направленность поэзии: отражение этого интереса можно видеть в то затухающем, то в обостряющемся, но, в сущности непрекращающемся споре о гражданственности. Потому и длится спор, что искомый ответ не очевиден. Один хрестоматийный пример, для ясности. Пушкинский призыв «отчизне посвятим прекрасные порывы» вполне единодушно относят в рубрику гражданской поэзии. Зато пушкинское же «Я вас любил...» воспринимается неоднозначно. С одной стороны, любовная лирика традиционно трактуется как лирика интимная. Но, с другой стороны, она возбуждает «добрые чувства»: та щедрость души, самоотверженность, которые выражены в любовном послании, не только не противоречат гражданским чувствам поэта, но даже обусловлены ими, во всяком случае, гармонируют с ними; и родину и женщину любит один и тот же человек, высвечиваются грани одной и той же богатой личности.

Да, не прост, не очевиден этот разговор, потому что не сводится к внешне тематическому разграничению стихов. Чрезвычайно важно, как поэт воспринимает мир и себя в этом мире. Вот почему я сказал, что не слишком смущаюсь камерным характером творчества Николая Годины.

К сожалению, в новой книге поэт несколько не попытался преодолеть робость в своем «исповедальном» разговоре с читателем. Напротив, прежняя тенденция остановиться в самом начале рассуждения, обозначить лишь позу размышляющего человека теперь усилилась и приняла даже демонстративный характер. Возникает своеобразный парадокс: поэт как будто изверился в своем умении владеть словом, а поэтому с пристрастием вслушивается в немой язык природы, подчёркивая: «немота значения полна». Состояние, естественнее которого для поэта не бывает, требует, оказывается, оговор-

ки: «Вдруг потянуло на слова. Сам говорю себе и внемлю...». Н. Година явно завидует иному, несловесному способу выражения: «Вдруг тайным криком достигаешь слуха». Поэт как бы уходит в сторону от серьёзного разговора. И довольно часто. Один из приёмов такого ухода — самоирония. Об этом хотелось бы рассказать поподробнее. Шутка шутке рознь, с помощью шутки можно выразить очень глубокое содержание. Но шутка может и служить формой отказа говорить серьёзно.

У Годины мы встретим немало стихотворений, где иронией пронизана сама повествовательная интонация. Я с полным сочувствием воспринимаю те из них, где ирония направлена на объект изображения, бытовой в своей основе.

Выбираю, например, «Осенины» («фрагмент осеннего мотива»). Это сравнительно объёмное стихотворение охватывает довольно широкую панораму пестрых деталей быта. Приведу две заключительные строфы:

Кусты, как проволока, голы.
«Он + она» идут из школы,
Соседка едет в Теберду.
Спокойно небо и серьёзно.
Пшеницу косят, хоть и поздно.
Читают книжки на ходу.
Коньки готовят, хоть и рано.
В автобусе два ветерана
Воспитывают наглеца.
А ты мне все про то, про это,
Мол, сорок лет... Что ж — бабье лето!
Жизнь без начала и конца...

Итоговое рассуждение возникает непринуждённо и закономерно, и убедительнее всего его готовит сама повествовательная интонация, щедрый юмор, который окрашивает отдельные детали («он + она» идут из школы») и вообще создаёт ощущение превосходства авторского опыта (паралелизм «хоть и поздно» — «хоть и рано»). Вот почему ста-

новится оправданным несколько философское заключение: жизнь без начала и конца. Жизнь конечна с точки зрения индивидуального опыта, но жизнь бесконечна как поток, как смена, чередование, повторение форм. Разнообразие предварительных картин хорошо подготавливает этот вывод. И даже многоголосие стихотворения, включение иных точек зрения («Мол, сорок лет...» несколько не разрушают его цельности. Помятуя о бесконечности жизни, поэт не отрешён от быта, но проникнут оптимизмом.

Такое, на выбор, стихотворение, построенное к бытовой основе, где позиция автора, с надёжной помощью юмора. Поднимается над фактами и идет к обобщению, к раздумью о жизни.

Юмор, направленный во вне, как объект, нередок в стихах Н. Годины и, как правило, художественно выразителен. Однако поэт довольно часто самоироничен («А я такой благополучный и тихий, будто динамит»). И здесь возникает опасность растворения авторской позиции в обыденности, в бытовых отношениях.

В стихотворении «Снег», о первом явлении зимы, в серию зарисовок включается такая: «Я нес в редакцию свой опус и думал с нежностью о нем». Зачем понадобилась эта снисходительность? Еще одно стихотворение — «Сладкий запах скошенной травы...» Между прочим, этот запах обладает той же самой функцией, что и снег в «Снеге» и сирень в «Сирене»: он внезапно врывается в город и производит некое «чудо». Но, кроме того, стихотворение содержит обобщающую концовку:

Впрочем, никаких событий нет,
Все это не больше, чем сюжет,
И, конечно, далеко не тема.

И опять — самоирония, как будто поэт боится или стесняется своих лирических излияний и сам назначает им весьма скромную цену. И читатель попадает в двусмысленное положение: то ли ему разделять авторские самоуничижи-

тельные оценки, что неестественно, то ли полемизировать с автором.

Пафос художника заразителен. Настойчиво вводя иронические самоограничительные замечания, поэт приучает читателя видеть иронию там, где объективно она, быть может, отсутствует. К примеру, вот это короткое стихотворение:

Не люблю
Восклицательные знаки.
Зачем кричать?
Давайте поговорим
Спокойно.
Люблю точки.
Вот и сейчас
Я жду подходящего момента,
Чтобы поставить одну из них
Раз и навсегда.

Вопреки приглашению автора «поговорить спокойно», то есть серьёзно, вдруг обнаруживается: ни спокойного, ни серьёзного, ни какого бы то ни было разговора не состоялось. Что же это — очередная шуточка? Ибо как иначе воспринимать ситуацию, где поэт обозначает лишь внешние штрихи и ровным счетом ничего не говорит по существу. Допустим, это точка в любви, в которой признался автор, не носит узко языкового характера, что это не та точка, которая стоит в конце стихотворения. Допустим, что это метафора, что поэт сообщил нам о намерении завершить некое свое жизненное дело. И опять более чем странное отношение к читателю. Нам решительно ничего не известно, какое дело намеривается завершить поэт, заслуживает ли оно внимания и соучастия, так ли уж необходимо его действительно заканчивать. У нас просто нет оснований вывести собственное отношение к предмету разговора. Неужели поэт предполагает, что любое его слово, даже любой намёк будут приняты на веру как откровение, как «неожиданность души»?

Между тем, Н. Година даже упорствует в отстаивании позиции поэта с претензией на ее непостижимость, загадочность и — автоматически — значительность. Упорствует, потому что оформляет как поэтическую декларацию и защищает полемически.

Декларации полагается рассматривать во всех подробностях.

Неразвитым чувством земли
Понять нелегко эти дали...
Как дружно деревья взошли
На гору и рядышком встали!
Я к ним с ерундой не суюсь.
Молчу, благодарен стократно
За то, что привёз профсоюз
Сюда, увезёт и обратно.
Стою вне событий и дат.
И дерево с гордым уделом
Прямое стоит, как солдат,
Здоровое духом и телом.
И все, чем я жил, — пустяки,
А критик, стило выбрав тоньше,
— О чем, — грозно спросит, — стихи?
— О том же, — скажу, — все о том же...

Как критику, мне не захотелось выбирать стило тоньше: пишу той же самой простейшей шариковой ручкой. Не захотелось и спрашивать, о чем стихи, потому что для меня важнее — «Что говорят стихи?» призывая на помощь чувство юмора, не хочу оспаривать претенциозное заявление «Стою вне событий и дат», воспринимая его заведомо нарочитым. Замечу только, что сомнительная в своей целесообразности жажда полемики стимулирует снисходительность общей повествовательной интонации стихотворения, что проявляется и в преувеличенном изъявлении благодарности профсоюзу, и привычной самоиронии, в торопливом объявлении всего, чем поэт жил, пустяками. Не слишком ли много пафоса

ушло в сторону? Зато сердцевина стихотворения, собственно поэтическая декларация осталась оголенной, недосказанной, непрояснённой.

Хотя и «понять нелегко» «дали» стихотворения Н. Годины, хочу попытаться это сделать. Стихотворение можно отнести к числу философский этюдов. Следовательно, перед нами попытка прикоснуться к «вечной» теме поэзии. В искусстве основной вопрос философии специфичен: это человек и мир, это выбор цели и своего пути в жизни.

Н. Година передаёт подчёркнуто личностное восприятие мира; понятие «мир» так же конкретизируется: это природа.

Какой же предстаёт природа в этом стихотворении? В первых строках — загадочным, нелегко постигаемым человеческим сознанием явлением. Однако и после того, как поэт предпринимает попытку понять «эти дали», он всего лишь похвалит деревья («Как дружно деревья взошли на гору и рядышком встали!») и среди них выделяет одно («...И дерево с гордым уделом»).

Однако даже этим весьма мимолётным зарисовкам придаётся значение чрезвычайно высокое: перед лицом природы поэт ощущает, что все, чем он жил — пустяки.

Если взглянуть в образный строй стихотворения, можно заметить, что здесь срабатывает автоматизм поэтического мышления автора. Вновь, в который раз, мир природы уподобляется внутреннему миру человека. А камерность, замкнутость авторских чувств в самих себе мстят поэту. Возникает противоречие: с одной стороны, поэт декларирует, что он стоит «вне событий и дат», с другой — пытается определить отношение к окружающей обстановке, и выясняется, что конкретность эта не нужна вовсе.

И заявленная философская тема «Человек и природа» получает перекося: природа как таковая для человека «вне событий и дат» становится неинтересной, освещается только отражённым светом; содержание единственно замыкается на «самовыражении» поэта. Но тем самым воспринимается странной рефлексия автора, и повод ее, и содержание. Почему прежнюю жизнь заполняли пустяки и почему наступи-

ло прозрение — все это в тумане. Просто в конкретно обозначенном времени и пространстве произошла случайная вспышка, причуда, «неожиданность души». И уже совсем странно, что этот субъективизм автором защищается прямо-таки с агрессивностью.

Г. Карпунин упомянутую рецензию в «Сибирских огнях» полностью выстроил как дегустацию поэтических образов Н. Години, порицая одни образы, принимая и одобряя другие. Критик даже несколько снисходителен к техническому браку, считая недостатки продолжением достоинств и полагая, что в эксперименте с поэтическим словом, который проводит поэт, не было бы находок, если бы не степень риска. Можно признать резонными эти рассуждения, но все-таки стоит пожелать поэту больше вкуса при составлении сборников: эксперимент вовсе необязательно выносить на люди. И читателя следовало бы одаривать только тем, что действительно получилось. Тем не менее суть дела вовсе не в том, чтобы повышалась пропорция удачных образов в отношении к неудачным (хотя само по себе и это не лишнее).

Поэтическая одаренность Николая Години у меня не вызывает никаких сомнений. Она была видна по первым книгам, она очевидна и на новом этапе. Все дело в том, куда направит, на что употребит автор свой поэтический дар.

Николай Година переживает сейчас, может быть, самый трудный период творческого становления. Уже давно замечено, что обычно первая, иногда и вторая книга рождается на основе поэтических наблюдений и переживаний, это отчасти лирический дневник, отчасти хроника. Недостаток опыта, преувеличенное внимание к фактам, которые, имея личное значение, не слишком существенны как факты общественного сознания, искупаются доверительностью интонаций, неподдельным восхищением многогранностью поэтического слова. Вторая-третья книги обычно становятся переломными. Вместе с наступающей жизненной зрелостью неминуемо должен меняться творческий почерк. Не в том дело, чтобы поэт, стремясь к повышению общественной значимости своих стихов, пренебрегал формой лирического дневника, но

в том, чтобы факты и впечатления собственной жизни были достойны поэтического воплощения. Поэт сдает экзамен не только на поэтическую культуру, но и на гражданственную зрелость. И экзамен этот — публичный.

Начинал Година броско, развернув перед читателем широкое разнообразие жизненных впечатлений (к тому же и из числа незатёртых поэзией), он обнаружил оригинальность поэтического взгляда на мир. Эта первооснова его творчества сохраняется и в первом сборнике. И все-таки скажу со всей откровенностью: «Неожиданность души» вызывает во мне тревогу за судьбу поэта, потому что, во-первых, Н. Година слишком долго задерживается на уже достигнутых позициях, во-вторых, новые тенденции не всегда радуют, а кое в чем прямо огорчают. Здесь я имею в виду прежде всего позицию поэта, где заявке на исповедальность явно противоречит уклончивость от серьёзного разговора.

Как неизбежное следствие, монологи поэта мелеют в своем содержании, но им тем не менее придаётся многозначительность. Именно эта претенциозность (а проявляется она и в тоне отдельных стихотворений, и в поддразнивании «грозного» критика, и в названии сборника, и в оформлении обложки) и ощущается как опасный симптом.

В стихах Годины мир воспринимается с такой высокой степенью субъективности, будто бы он не имеет своей собственной цены. В том не было бы равно никакой беды, если бы другой мир, внутренний мир человека, предстал не только богатым и глубоким, но и обнаружил цельность, закономерность, «объективность субъективного». Где-то в подтексте у Годины обозначается такая творческая задача, но прямо поставить ее поэт не рискует. Более того, настойчивыми, самоироническими замечаниями он заземляет свои стихи, сам ограничивает их масштабность, подчёркивает суетное бытовое в своем поэтическом «я». Но тогда и возникает противоречие: субъективное зеркало мира нарочито берется маленьким и тусклым.

Понимая всю серьёзность высказываемого упрека, я хочу еще раз обратиться к стихам: текст — единственное, но до-

статочно надёжное доказательство рассуждений критика. Для большей наглядности выбираю примеры из одного — заграничного цикла.

Вот «Глаза этруска». Тон задаёт начальная рифма:

На каменном лице этруска,
Сквозь терракотовую пыль,
Смотрели так тепло и русско
Глаза старинные, как быть.

Однако отнюдь не интернационалистическая тема волнует поэта. «Русские» глаза этруска — повод для самовыражения поэта, причём той именно грани его поэтического сознания, когда он воспринимает самого себя «вне событий и дат». Глаза этруска

...почти не отражали
Эпох, молчанием дразня,
но незаметно отрешали
От дум сегодняшнего дня.

Ни истории, ни современности. И концовка совсем в духе поэтических деклараций Годины, когда обозначается состояние сосредоточенного раздумья, но откровения остаются обещаниями:

Вот-вот, казалось, что-то выйдет,
Казалось, не умея скрыть.
Им мало было только видеть.
Им надо было говорить.

И опять, в который раз, казалось — да не сказалось. То же в стихотворении, помеченном «Сирия, 1969».

И хочется решительно противопоставить этим стихам (чтобы их написать, не стоило ездить так далеко) другие: они отличаются чуть-чуть, но в этом «чуть-чуть» — сущность подлинного искусства.

Стихотворение «Библос» навеяно легендой, утверждающей, что это первый город на земле. Здесь на древних развалинах поэт ощущает себя перед лицом великого судьи — Времени.

Может, все это смотрится здорово,
Только тяжко от затхлых камней,
Схоронивших когда-то историю,
Заодно и историков с ней.

.....
Вместе с улицей в зыбкую Азию
Время втоптывает меня.

Стихотворение предметно, построено на колоритных деталях, предполагающих наблюдательный глаз. Но экзотический мир не подавляет: он лишь почва для экспрессивных размышлений поэта. Соблюдено чувство меры; внешний и внутренний мир поэта четко и точно взаимодействуют. При этом условии «самовыражение» поэта воспринимается естественным, органичным.

Зарубежный цикл завершается «Солнцем», написанным под впечатлениями в Майданеке. Всего лишь два вопроса и ответ. «Неужели это то же самое солнце», которое было таким теплым на родине? Неужели то же самое солнце — здесь?

Ну, конечно, это оно
Здесь, в Майданеке,
Очищенное от крематорской копоты,
Висит, как положено солнцу,
На самом видном
Месте.

Стихотворение очень сдержанное, нарочито замкнутое в сфере личного восприятия и опыта, однако за внешней сдержанностью ощущается сжатая пружина сильных страстей — их легко понять, их хочется разделить.

Стало быть, ни «самовыражение», ни сдержанность — не препятствие для содержательности лирики; решающим обстоятельством становится позиция поэта. А поэт, как заметил Андрей Вознесенский, «чем индивидуальней, тем общественной». И как раз все дело — в характере индивидуальности, в направлении поисков личности.

Василий Павлов

Равновесие¹

Поэт Николай Година накануне своей четвертой книжки находится в той зрелой поре житейского и творческого мужества, когда человек выше всего начинает ценить достоверности внутреннего порядка.

«Осенины» — такое имя дано будущей книге...

А первый выход поэта «на люди» состоялся в 1967 году. Книга-дебют «Белое, синее» была заметной и удостоилась областной комсомольской премии «Орленок». Она и последовавшие за нею «Дерево любви» и «Неожиданность души» выявили лирический характер независимый, решительный, не склонный к самозабвенному плутанию между реальностью жизни и «романтической далью». Для него все, что «происходит сейчас и здесь, значительно своей серьезностью; тем более этот характер не позволит себе увязнуть в случайностях момента Он монолитен, и в какие бы соприкосновения с миром он ни входил, его этическая позиция (верилось читателю стихов Годины) не будет ни смущена, ни смещена.

Это было правильно, не противоречило биографии горнорабочего-экскаваторщика Николая Годины, когда критики его первых книг приветствовали в них поэзию труда.

Я делал трудную работу —
Работа делала меня.

¹ Вечерний Челябинск. 1980. 23 сент.

Но не один труд воспевал поэт, тематически он с первых же шагов и потом был куда разнообразнее. А все же этой формуле «я делал... делала меня» Н. Година верен и по сей день, о чем бы ни были его стихи

Стоит вслушаться в «звук» этой формулы: разве не звучит в ней, спасая ее от банальности, мотив устойчивого равновесия, достигнутого в итоге работы... И если поэзия Н. Годины отмечена «своей сутью», то, думается, она именно в постоянном поиске, прогревании и обретении этого равновесия. Здесь — «я» и «работа», В других стихах — «я» и «природа», «я» и «ты». Человек и мир.

Таким образом, с самого начала поэзия Н. Годины прочно опирается на серьёзное содержание жизни, которое питает его чувства, спасая их от недомогания. Надо ли говорить, что достаётся такое равновесие души и мира единственно путем «трудной работы» духа...

Сама материя стиха Н. Годины эту работу явственно обнаруживает. Поэт никогда не позволяет себе побаловаться словом; оно для него — явление духовности, смысла, самобытного отношения к миру труда, природы, человеческого общежития. Слух читателя не сразу свыкается со стихом Годины, потому что в его стиле очень часто ощутим вызов поэтической инерции, канону, штампу. Привычные ряды слов нередко расшатываются, иронически «разыгрываются», чтобы могло проступить сквозь них «свое», Н. Годины, поэтическое воззрение. Поэт экономен в слове. «Фигура» его стиха энергична, собранна, напоминает фехтовальщика в схватке: минимум времени на изготовку — выпад — удар рапиры, подальше....

...Передавая в редакцию стихи сегодняшней подборки, Николай Иванович сказал следующее:

— Мне кажется, нынешняя поэзия кое-что подрастеряла из своих доспехов. Уж очень охотно взялась она информировать читателей о том, для чего лучше приспособлена деловая проза. В результате и поэтический образ нередко лишь: прихорашивает чувство, теряет свою самостоятельность. Стихом надо жить. У меня об этом есть в одном стихотворении:

«Художник красками живет и красками переживает». Это и есть дело поэзии, которого за нее никто не сделает...

— Чем объяснить вашу склонность в последнее время к свободному стиху? К добыче «поэзии и правды» открытым способом...

— Вот именно этим и объясняется: это — открытая добыча. С рифмами и размерами легко писать и тогда, когда нечего сказать. Иногда получается даже «мило и симпатично», но это обман. Свободный стих всякую якобы поэтичность безжалостно разоблачает, в нем не за что спрятаться.

— О чем будет новая книга?

— Коротко не скажешь. Но она должна показать, как изменился автор. Я думаю, он менялся, хотя, надеюсь, себе не изменял...

Леонид Быков

Николай Година. Осенины¹

Книгу стихов воспринимаешь по-другому, чем книгу прозы.

Роман, сборник повестей, собрание рассказов читаешь (понятно, если автор сумел тебя увлечь) от корки до корки, без пропусков, равно внимая каждой странице.

Стихотворения же, тем более когда верстаются они ныне все чаще «в подбор», читать друг за другом сложнее. Воспринимаешь их выборочно. Одно сразу ложится на душу, и нисколько не удивляешься, когда при очередном прикосновении к сборнику открывается он именно на странице с запавшими в память строками. Другое же, хоть и живет оно в книге по соседству с тебе приглянувшимся, читаешь с внутренним усилием — контакт со строчками все не возникает, и за себя уже как-то неловко, и за стихотворца. И освобождаешься от этой неловкости лишь тогда, когда последующие стихотворения сумеют взять в свой столь желаемый плен.

Таких открытых читательскому сомыслию и сочувствию стихотворений в новой книге Николая Годины немало. Это и укрепляет в естественном для рецензента желании разобраться в секретах, или, пусть скромнее, особенностях притягательного воздействия лучших строк поэта.

Тематическая характеристика, какой порою начинают разговор о сочинениях того или иного стихотворца, в данном случае вряд ли поможет. Подходящего в этой книге

¹ Година Н. Осенины : стихи. Челябинск : Южно-Урал. книж. изд-во, 1981; От лица жизни // Урал. 1982. № 3;

с расхожими мерками встречает откровенная авторская ирония:

- ...А критик, стило выбрав тоньше:
- О чем, — грозно спросит, — стихи?
- О том же, — скажу, — все о том же...

Стихи Н. Годины действительно «все о том же», о чем стихи и пишутся. О жизни. Той, что подразумевает конкретную, непридуманную человеческую судьбу, и — одновременно, тем самым — той, синонимом которой выступает все живое, «без начала и без конца».

Уверенно владея стихом повествующим («Автобус № 85», «Осенины»), к рассказам в стихах поэт все же не склонен. Вероятно, поэтому большинство «путевых стихов» в его сборнике не особенно органично. Но и к лирике, так сказать, монографической, исповедальной, он так же не тяготеет, хотя своего «я» не прячет, и мы без информационного предисловия к книге, по стихотворным ее страницам узнаем о главных событиях в биографии автора (военное детство, служба на флоте, горняцкая работа в Средней Азии, а потом на Урале, в ставшем родным Миассе).

Поэзия Н. Годины утверждает суверенность бытия, достоинство и ценность всего сущего. Поэтому-то ни объективное, ни субъективное в этом поэтическом мире предпочтения не получает. Поэт и мир соотносятся между собой как часть и целое. «Тут — жизнь от первого лица». А она себя по тематическим полочкам (вот — работа, вот — любовь, это — эпическое, это — лирическое) раскладывать не жаждет. И о чем бы ни писал поэт, о какой бы конкретности не отталкивался, он всегда стремится подчеркнуть, сколь этом мир многообразен и вместе с тем целостен.

Строк, с тезисной категоричностью формулирующих такую направленность поэзии Н. Годины, в его книге раз-два и обчёлся. Он вообще не особо жалуется письмом курсивом. Красноречивы здесь строки именно рядовые, в глаза не бросающиеся. Положим, вот эти:

Где сохнет по дождю Атлян
И даль в рисунках, будто книга,
В подолах ситцевых полян
Переспеваает земляника.
Рву, обжигаясь краснотой,
По яголке, и с интересом
Слежу за тихой красотой,
Условно названною лесом.
Легка симметрия стволов.
Уютны коридоры просек.
И воздух комнатно лилов,
И слова зря никто не бросит.
И хочется, как в дом, вбежать,
Под солнце сесть, как под икону,
И век хозяйку ублажать
и по любви, и по закону.

Мир человеческий и мир природный потому и способны
взаимоотражаться друг в друге, что они сокровенно — кровно
то есть — меж собой связаны. Стихотворные метафоры
эту связь выявляют и закрепляют. Поэзия Н. Години насыщена
олицетворениями и сравнениями, но не о стилистической
манере автора они свидетельствуют, а о сути его образного
мышления.

На душе, как на поляне,
Свет, цветы и сбоку лес.
...И тихо старятся от грусти
Две ивы за крутым бугром.
Лес мыслит, как поэт...
И действует музыка рядом
Так славно, как облик берёз...

Изъятые из контекста, эти цитаты фантазию не поражают.
Но автор и не думал поражать — думал он о родстве всего,
что сводится под «старое и не совсем понятное название —
Жизнь».

Диалектика же родственных связей и метаморфоз открывается уже «с высот семейного порога». Казалось бы, давно ли «мир был крохотным селом и называлось время — детством», а сегодня вчерашний «грустный мальчик», сам став отцом, с понятным умилением наблюдает: «Дочь зовет куклѐнка пить, мыслью заболев упрямой: очень трудно папой быть, лучше быть, конечно, мамой». Эстафета родства не прерывается во времени, и «шифры генетического кода» связуют тех, кто жил прежде, с теми, кто живет ныне и будет жить завтра.

Но ведь и все человечество вынянчено в колыбели, у которой стояла Мать-природа. Так что поэт вправе считать мир живого одной большой семьей.

Ну, а меж своими, меж близкими и родными, к чудачествам не прибегают — в цене здесь не изощренность, а подлинность.

Ею и поверяет Николай Година свои строки. Чувства и мысли в его книге «обыденно земны». Но не приземлены. Пафос этой поэзии — именно в беспашфосности: «Дано нам слово не для слова — оно для дела нам дано». Чувство в угоду стиху не преувеличивается — оно стихом высветляется.

Вот, скажем, чувство рабочей гордости. В ранних, начала 1960-х годов, оно обнаруживало себя высказываниями резонными и... напрашивающимися («Я делал трудную работу — работа делала меня» или «Я начинал свою карьеру в заботах серого карьера»). Но уже через несколько лет напишутся строки, декларативности чуждые:

Устал, едва могу идти.
Усталость мне давно привычна.
В клуб после смены, как обычно,
Явлюсь чин чином к девяти.
Там разрываться будет хромка,
Вдыхая папиросный чад.
И я с братвою буду громко
Болтать в сторонке про девчат.
А дома снова до рассвета
Снам не управиться со мной.

И долго тяжесть всей планеты
Я буду чувствовать спиной.

Эти стихи — о завидной у молодых готовности жить под «высоким напряжением» и о приносимом работой счастье самоосуществления, и об ответственности труженика за судьбы планеты, а удостоверяется такая смысловая полнота ощущением физической тяжести свершённого.

Своей естественностью стихи Н. Годины равняются на естественность самой жизни. Но что принципиально важно — и о требованиях поэзии автор «Осенин» не забывает. Она понимается им как одно из проявлений бытия и апелляции к Тютчеву, Фету, Блоку, современным лирикам столь же необходимы для стихотворца, что и обращения к лесу, реке, снегу. Поэтические реальности по справедливости уравниены в правах с реалиями природными.

Художник красками живет
И красками переживает.
Вот голубою нитью вод
Он степь легко перешивает.
Тропа в зеленых узелках,
Межа у поля за плечами,
Где заблудились в васильках
Глаза его смешной печали.
Всполохи брезжат вдалеке,
Неясно линии ломая, —
Не то рассвет в березняке,
Не то гроза в начале мая.

Не обходится при этом, к сожалению, без издержек. Иной раз эмоциональные допущения оказываются чрезмерными, и тогда красоты или слишком «густые» метафоры выдают авторский умысел. Как такие строки:

Неповторимо, балериной,
Она стояла, как плыла...

«Она» — в данном случае берёза. Причём перед этим утверждалось: «Как будто долго проболела и, наконец на ноги встав, берёза так светло белела, по солнцу ветви разметав. Стояла тоненькой и слабой, и каждый лист ее дрожал...». Согласитесь, послеболезненное «И наконец на ноги встав» с уверенной легкостью балетного рисунка не сочетается. Так же, впрочем, как не согласуется «тоненькость» и «слабость» с повышенной экспрессией предшествующей строки («по солнцу ветви разметав»). О «неповторимости» же предложенного автором сравнения можно судить по тому хотя бы, что страницей ранее в книге уже упоминался «берёз, почти воздушных, классический балет».

Еще одна выписка — из «восточного» стихотворения «Уют далек от идеала...»:

И саксаул в огне заката,
Напомнив танец дикаря,
Белеет сучьями сохато,
Светясь во всю, как бы горя.

Сопоставлений, как видим, много, но не увязанные друг с другом они не конкретизируют картину вечерней пустыни, а затуманивают ее. За флером мнимой поэтичности теряется суровая и прозаическая реальность.

Я останавливаюсь на этих шероховатостях и неточностях не потому, что их в сборнике много.

Искушению «сказать красиво» Н. Година уступает нечасто. Но ведь каждая такая уступка, каждая приблизительность тоже подтверждает — только от «обратного»! — правоту мысли поэта: «Художник красками живет и красками переживает». Читателю, конечно, более желанны прямые, позитивные доказательства этой истины.

Лучшие страницы книги как раз и привлекают тщательностью и сосредоточенностью письма. Известно, звучание слов в поэзии важно не менее, чем их значение. Н. Година весьма чуток к тому, как его стихи звучат. Мелодия стиха

возникает будто бы между прочим, и вместе с тем она обнаруживает безусловную конструктивность.

Так, добываясь от строки изящности и весомости, поэт внимателен и к ритмико-синтаксическому ее строению, и к звуковой инструментовке. Вот некоторые из зачинов его стихотворений:

Река устала быть рекой...
У вечности есть время и терпенье...
Лес именем твоим пропах...
Мудрая природа все учла...

Эти запевы притягивают, заставляют вслушаться в задаваемую ими музыку. Благодаря стиху авторская эмоция концентрируется и тем самым возвышается над бытовым, житейским, в недрах которого зародилась.

Творчество Н. Години представляет интерес и в связи с размышлениями о роли рифмы в современной поэзии. В большинстве стихотворений, составляющих «Осенины», рифма себя не выпячивает, однако последовательно стремится быть и точной и глубокой. Сошлюсь на любую из приводимых выше развёрнутых цитат.

Присутствует в арсенале автора и стих нерифмованный, свободный, в книгах уральских поэтов встречающийся крайне редко.

Хотя у свободного стиха есть развитая отечественная традиция, интерес к нему у Н. Години, думаю, пробудился без влияния европейской поэтической практики. Замечу, кстати, что завершаются «Осенины» содержательным циклом переводов «Из Изета Сарайлича» сербского лирика наших дней, предпочитающего стих как раз нерифмованный. Не место вдаваться в подробности, связанные с чисто национальной тягой к верлибру в новейшей поэзии многих стран. Подчеркну только, что активизация свободного стиха воспринимается прежде всего как протест против сочинений, принадлежность которых к поэзии обусловлена лишь традиционными повторами в окончаниях строк да гладкостью ритма.

Те строки Н. Годины, что свободны от уз рифмы и силлаботоники, остаются — за немногими, правда, исключениями — стихами. Поэтическая энергия возникает в них благодаря уплотнению и заострению «чувствуемой мысли». «Я трижды нарисовал одно и то же...», «Наши больные нервы...», «Четыре вариации на одну тему». Обязательность и емкость высказывания и в названных опытах подкрепляется четко выдерживаемой организацией — только ритм здесь обнаруживает основу не метрическую, а смысловую.

В таких же стихах как «Солнце», «Наконец-то мы стали совсем современными...», «Язык любви», «Они», отказ автора от ожидаемых созвучий призван усилить дисгармоничность явлений, вызывающих авторское беспокойство, а то и возмущение.

Форма верлибра экзаменует поэта с еще большей строгостью, нежели рифмы и метры. Случается, пасует перед свободным стихом и Н. Година, о чем можно судить по такому, скажем, «откровению»:

Беру мыло, смываю с рук
Случайную и неслучайную грязь.
А потом записываю в тетрадь
Все, что мне диктует сердце.
В этом случае
Я тоже за чистое искусство.

Так что и свободный стих может обернуться суесловием. И «в этом случае» огорчает не только не свойственная автору прямолинейность — происходит и не предусмотренный стихотворцем смысловый перекокс в сторону известного «я умываю руки»...

Рецензия и на этот раз не обошлась без критической укоризны, но право на взыскательное к себе отношение поэзия Н. Годины заслужила.

Это книга поэта. А миру, «где небо пахнет землей, а земля небом», поэты, к счастью, все еще требуются.

Сергей Бирюков

Состояние и движение¹

Искренняя тональность стихов Николая Годиной давно привлекла к ним внимание читателя. И он это внимание оправдывает каждой новой книгой. «Состояние» в этом смысле не исключение, но, став как бы избранным поэтом, книга дает более широкую панораму его творчества.

Повторим вслед за поэтом уже известные его стихи:

Я начинал свою карьеру
В забоях серного карьера.
Пустыня морем штормовала,
Бросала зло песок в глаза.
Пустыня яро штормовала
Аул с названьем Дарваза.

На чем держится это стихотворение? Уберем интонацию, стучащие рифмы, экзотический топоним Дарваза и останется скучная описательность. Удивительное дело — банальные, казалось бы, вещи здесь становятся стержнем поэтики и обретают, новое качество. Подчёркнутая небрежность стиха создаёт впечатление записи «по ходу» и потому особой достоверности сказанного. И все это — несмотря на то, что пустыня уже сравнивалась с морем, что на строках «Был зной под вертикальным солнцем, Проклятый каракумский зной» стихотворение пробуксовывает, что «удушлив, как экватор»

¹ Година Н. Состояние : стихи. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985; Урал. 1985. № 1.

сказано неловко, что звезды уже сыпались из глаз, что строка «Мы пробивались сквозь напасти» имеет нуль художественной информации.

Но между прочим, это стихотворение взято из раздела, который называется «Нулевой цикл». Прозрачный намёк мы попили. Без нулевого цикла невозможно дальнейшее строительство. Автор пишет стихи этого цикла, как породу лопатой кидает: азартно, с перехлёстами, не очень озабоченный тем, как бы покрасивше выглядеть.

Никакая там не знаменитость,
Я братве рабочей парень свой.
В парусине, как в доспехах витязь,
Зарываюсь в землю с головой.

На педаль лопаты жму, купаюсь
В тесноте глухой, от пыли рус,
До Америки не докопаюсь,
До воды как пить дать доберусь.

Вылезу, отдавший все, что нужно,
Упаду у полдня на пути.
Будет солнце рисовать веснушки
И трава сквозь волосы расти.

Это непридуманное мироощущение я бы не хотел назвать скучными словами вроде «отображение трудового процесса» и т. д. Никакого «отображения» тут нет, а есть ощущение бесшабашной молодости, человеческого всемогущества, природности, свободной от рефлексий. В этих стихах ощущается время романтических 60-х, когда невозможное казалось возможным, когда пели про то, что «и на Марсе будут яблони цвести». Стихи вписываются в свое время, но их романтический запал не угас и ныне (между прочим, жаль, что в этой книге под стихами нет датировки — она здесь не только уместна, но и необходима). Сейчас, на удалении лет, мы можем говорить о просчётах автора, но я уверен, что ни один сочинитель, пи-

шущий по каким-либо внелитературным соображениям на «рабочую» тему, не смог бы так выразить рабочую усталость, как это сделал в заключительной строке Н. Година.

Автор «Состояния» высказывается определённо и прямо, порой даже с частушечной прямоотой, как в стихотворении «Будни»:

Пыль с ковша слетает роем...
Каждый день иду в забой
Не лирическим героем,
А вот так, самим собой.

Ход смелый, ибо уже столько мы прочитали стихов, написанных людьми с трудовыми биографиями, столько видели неудач и крушений судеб по одной только причине: не хватило таланта. А для писания стихов, кроме биографии, нужно, чтобы человек был поэтом. Настолько эта истина азбучна, что и до сих пор не привилась. Непоэт не напишет таких строк о разведке нефти:

Как под наркозом, спит пустыня
С дымящей раною в боку.

Или:

И глухо стонет кайнозой,
Давно страдая отложением
Солей под галечной косой...

Тут не было установки на стихи как таковые или на описание «процесса труда». Поэт записывал стихийные ощущения, иногда, по-моему, даже не шлифуя стихи. И если продолжить строительную аналогию, то можно сказать, что в стихах о работе есть и «недоделки», но они, как ни странно, работают на создание поэтической системы. Почистишь такие стихи, и они потеряют аромат непосредственности, естественность дыхания собьётся. В этом есть своя эстетика.

Николай Година по преимуществу лирик. Анализ ему удается хуже, зато он хорошо схватывает мгновенное состояние. Для определения его метода хорошо подходят его же строки из стихотворения «Гора»:

А в тихий час, когда закат
Восходом станет где-то,
Дурачась, шальный звездопад
Зажжёт в тебе поэта.

Я думаю, что для Годины-лирика не прошли даром уроки Пастернака с его ориентацией на стихийность, с его уникальными переплетениями природного и созданного человеком, когда «открыть окно, что жилы отворить». Вот начальные строки нескольких стихотворений: «Апрель расплакался, не веря...», «Каплет мартовская проза...», «Еще цветы в слезах спресонок...».

Но удачи Годины как раз в противоположной от Пастернака стороне. Година, в отличие от трагедийного поэта, силен в сплаве искреннего ровного чувства с иронией. Это характерная черта его интимной лирики:

Гаснет роща без метафор
В измерении ином.
Кто задумал в виде амфор
Этих женщин за окном?

Миром тайно правит Эрос,
Алебастровый божок.
Сколько душ он, как за ересь,
На костре своем пожёт!

Ирония спасает от сентиментальности, которая в иных случаях дает себя знать ощутимо, и тогда появляются комфортные слова «мило», «тештанка» или банальности типа «пламя рук»...

Несколько наособицу стоят стихи, написанные по зарубежным впечатлениям. Лучшие из них отмечены высокой публицистичностью, такие, как «Мурано», «В музее мадам Тюссо...», «Лиссабонская стенгазета». Иногда же «зарубежные» стихи носят характер обычных туристских зарисовок, выдающих в авторе наблюдательного человека. Но и на этих стихах лежит печать автора, избегающего резкой пафосности, умеющего говорить по существу, пытающегося творением стиха постигнуть особенности той или иной страны. Способствуют такому постижению и переводы с сербохорватского — поэта Изета Сарайлича, — помещённые в книгу.

Године удалось передать дух парадоксальной поэзии Сарайлича, его своеобразный мир. Приведу только один пример — небольшое стихотворение «Гонорары Назыма Хикмета»:

Гонорары Назыма Хикмета
составляли
даже за одну
 какую-нибудь книгу —
от 5 до 15 лет каторги.
Мы сердимся,
 что «Просвета» нам
не доплатила 10 процентов,
и все еще надеемся попасть в историю.

Для сравнения можно прочесть концовку этого стихотворения в переводе И. Чивилихиной (И. Сарайлич. Избранное. М. : Молодая гвардия, 1985):

Мы же требуем
наши десять процентов
у издательства «Просвета»
и надеемся остаться в истории,
как великий поэт.

Такое морализаторство не только не свойственно Сарайличу, каким мы его знаем по другим переводам, но и глубоко антипатично ему. Година же точно уловил природу поэзии Сарайлича и в этом, и в других стихотворениях. Поэтический мир Сарайлича оказался ему близок. Органично звучит в переводе и свободный стих.

О верлибре особый разговор. Более двадцати лет мы читаем в основном переводные верлибры. Русским «верлибристам» печатная площадь представляется не очень охотно. Сейчас положение несколько изменилось. Верлибры начали печатать. Но что же мы увидели? В большинстве случаев — калькирование все тех же переводов. Это оказалось удобным как для авторов, так и для читателей. Первым не надо ничего искать, вторые уже привыкли, что-то такое читали. Между тем русский свободный стих имеет свою традицию, проходящую пунктиром сквозь историю литературы. Велимир Хлебников, Елена Гуро, Ксения Некрасова — виднейшие поэты, укрепившие русский свободный стих в XX веке. Наблюдения над творчеством этих поэтов показывают, что русский свободный стих не равнозначен верлибру, поскольку полагает свободу не от рифм и метра, а вообще свободу от формальных ограничений, в том числе и свойственных широко распространённому во всем мире верлибру. В русском свободном стихе, если это необходимо, возникает и рифма, и метр, но зато полностью отсутствует «железная» залогизированность, в верлибре снимаемая внешней иронией лишь отчасти.

Обо всем этом нельзя было не сказать, потому что Година представил в своей книге ряд свободных стихов, но это в основном верлибры переводного типа. Иные из них лишены остроумия, но в целом они проигрывают оригиналам и особенно невыгодно выглядят рядом с интересными переводами из того же Сарайлича. Счастливое исключение здесь лишь «Импровизация» и «Элегия, которую напишу» (последняя метрически организована и имеет sporadическую рифмовку), где автор достигает необходимой свободы самовыражения, свойственной его рифмованным стихам.

Проблема свободного стиха остро стоит перед русской поэзией. И то, что Николай Година «роет туннель» в этом направлении, — факт безусловно обнадеживающий. Значение поколения пятидесятилетних для более молодых не только в их собственных художественных достижениях, но и в том, что они открыли и продолжают открывать наличие разных возможностей существования поэзии. Николай Година, безусловно, связан с тем прогрессивным, что есть в нашей литературе. Его работа важна для уральского региона именно потому, что она не замкнута, не отграничена от других регионов огромной страны, от мира вообще. Книга «Состояние» характеризует, мне думается, не только состояние поэтического потенциала автора, а в какой-то мере отражает те общие тенденции, которые присущи нашей поэзии в целом, с ее искренней, но пока еще робкой попыткой открывать новые материки, выйти за рамки пусть и симпатичной, но регистрационности.

У этой книги, думаю, не будет равнодушного читателя. Одни ее активно не примут, другие не менее активно поддержат. Но существует и третий путь — путь пристрастного и критического прочтения. Потому что интересно и потому что надо идти дальше.

Леонид Быков

На перекрёстке строк¹

(Заметки о книгах уральских поэтов)

Нет поэта, который бы нравился всем. Такие исключения, как Пушкин для нас или Гете для немцев, своей единичностью лишь подтверждают правило. Чтобы быть хорошим, поэт обязан быть разным, то есть в каких-то свойствах и качествах отличным от других пишущих. Разумеется, это отличие не самоцель — оно всего лишь условие. Условие, при котором поэт получает шанс быть услышанным.

Сама природа лирического творчества вызывает прежде всего к субъекту — его мировосприятию» его чувствам, его мыслям. Поэт имеет право на односторонность, в свою очередь читатель может с явленными в стихах «загибами» (вспомним хрестоматийное: «Вы ж такое загибать умели...») не согласиться, отдав предпочтение — в принципе или по конкретному поводу — другому автору. Блок не отменяет Маяковского, Маяковский — Есенина, Есенин — Твардовского. Диалектика поэзии такова, что «общее», объективно необходимое утверждается в стихах только в форме «своего», субъективно-пристрастного. Этот закон, наиболее отчётливо подтверждаемый литературной классикой, обязателен, конечно, для каждого, кто причастен к поэтическому цеху. Вот почему, обращаясь к тем или иным конкретным книгам, всегда пытаешься разглядеть «лица необщее выраженье» каждого автора.

¹ Быков Л. Уроки времени, критические тетради. Свердловск, 1988.

Николай Година

Книгу стихов читаешь по-другому, чем книгу прозы. Роман, сборник повестей, собрание рассказов штудируешь (понятно, если автор сумел тебя увлечь) от корки до корки, без пропусков, равно внимая каждой странице.

Стихотворения же, тем более когда верстаются они «в подбор», читать друг за другом сложнее. Воспринимаешь их выборочно. Одно с первой строчки ложится на душу, и нисколько не удивляешься, когда при очередном прикосновении к сборнику открывается он на той именно странице, где и значатся запавшие в память строки. Другое же, хоть и живет оно в книге по соседству с так тебе поглянувшимся, читаешь с внутренним усилием — контакт со строчками все не возникает, и за себя уже вроде неловко, и за стихотворца, и освобождает от этой неловкости только то из последующих стихотворений, которое снова сумеет взять в свой, столь тобою желаемый плен.

Таких открытых моему читательскому сомыслию и сочувствию стихотворений в книгах Николая Годины¹ немало. И хочется разобраться в секретах или, пусть скромнее, особенностях притягательного воздействия лучших строк поэта.

Тематическая характеристика, какой порою начинают разговор о сочинениях того или иного стихотворца, в данном случае вряд ли поможет. Подходящего к стихам с расхожими мерками встречает откровенная авторская ирония:

...А критик, стило выбрав тоньше:
— О чем, — грозно спросит, — стихи?
— О том же, — скажу, — все о том же...

Стихи Н. Годины, действительно, «все о том же», о чем стихи и пишутся. О жизни. Той, что подразумевает конкретную, непридуманную человеческую судьбу, и одновременно той, синонимом которой выступает все живое, «без начала и конца».

¹ Година Н. Осенины : стихи. Челябинск, 1981; Година Н. Состояние : стихи. Челябинск, 1985.

Уверенно владея стихом повествующим («Автобус № 85», «Осенины»), поэт все же к рассказам в стихах не склонен. Вероятно, поэтому большинство «путевых стихов» не особенно для него органично. Но и к лирике, так сказать, монографической, исповедальной, он также не тяготеет, хотя своего «я» не прячет, как не уклоняется и от прямого обращения к основным событиям собственной биографии (военное детство, служба на флоте, горняцкая работа в Средней Азии, а потом на Урале, в ставшем родным Миассе).

Ни объективное, ни субъективное у автора предпочтения не получают. Поэт и мир соотносятся между собой как часть и целое. «Тут — жизнь от первого лица». А она себя по тематическим полочкам (вот — работа, вот — любовь, это — лирическое, а это — эпическое) раскладывать не жаждет. И о чем бы ни писал поэт, от какой бы конкретности ни отталкивался, он всегда стремится подчеркнуть, насколько этот мир многообразен и вместе с тем целостен.

Строк, с тезисной категоричностью формулирующих такую направленность поэзии Н. Годины, в его книгах раз-два и обчёлся. Он вообще не особенно жалует письмо курсивом. Красноречивы здесь строки именно рядовые, в глаза не бросающиеся. Положим, вот эти:

Где сохнет по дождю Атлян
И даль в рисунках, будто книга,
В подолах ситцевых полян
Переспеваает земляника.

Рву, обжигаясь краснотой,
По ягодке и с интересом
Слежу за тихой красотой,
Условно названною лесом.

Легка симметрия стволов,
Уютны коридоры просек.
И воздух комнатно лилов,
И слова зря никто не бросит,

И хочется, как в дом, вбежать,
Под солнце сесть, как под икону,
И век хозяйку ублажать
И по любви, и по закону.

Мир человеческий и мир природный потому и способны взаимоотражаться друг в друге, что они сокровенно меж собой связаны. Стихотворные метафоры эту связь выявляют и закрепляют, Поэзия Н. Години насыщена олицетворениями и сравнениями, но не о стилистической манере автора они свидетельствуют, а о сути его образного мышления.

На душе, как на поляне,
Свет, цветы и сбоку лес.

...И тихо старятся от грусти
Две ивы за крутым бутром.

Лес мыслит, как поэт...

И действует музыка рядом
Так славно, как облик берёз...

Изъятые из контекста, эти цитаты фантазию не поражают. Но автор и не думал поражать — думал он о родстве всего, что привычно сводится под «старое и не совсем понятное название — Жизнь».

Диалектика же родственных связей и метаморфоз открывается уже «с высот семейного порога». Казалось бы, давно ли «мир был крохотным селом и называлось время — детством», а сегодня вчерашний «грустный мальчик», сам став отцом, с понятным умилением наблюдает: «Дочь зовет ку-клёнка пить, мыслью заболев упрямой: очень трудно папой быть, лучше быть, конечно, мамой». Эстафета родства не прерывается во времени, и «шифры генетического кода» связуют тех, кто жил прежде, с теми, кто живет ныне и будет жить завтра.

Но ведь и все человечество вынянчено в колыбели, у которой стояла Мать-природа. Так что поэт вправе считать мир живого одной большой семьёй, Ну, а меж своими, меж близкими и родными, к чудачествам не прибегают — в цене здесь не изощренность, а подлинность.

Ею и поверяет Николай Година свои строки, Чувства и мысли в его книгах «обыденно земны». Но не приземлённы. Пафос этой поэзии — именно в беспарфосности: «Дано нам слово не для слова — оно для дела нам дано». Чувство в угоду стиху не преувеличивается — оно стихом высветляется.

Вот, скажем, чувство рабочей гордости. В ранних, начала 60-х годов, стихах оно обнаруживало себя высказываниями сколь резонными, столь и напрашивающимися («Я делал трудную работу, — работа делала меня» или «Я начинал свою карьеру в забоях серного карьера»). Но уже через несколько лет напишутся строки, декларативности чуждые;

Устал, едва могу идти.
Усталость мне давно привычна.
В клуб после смены, как обычно»
Явлюсь чин чином к девяти.

Там разрываться будет хромка.
Вдыхая папиросный чад.
И я с братвою буду громко
Болтать в сторонке про девчат.

А дома снова до рассвета
Снам не управиться со мной,
П долго тяжесть всей планеты
Я буду чувствовать спиной.

Своей естественностью стихи Н. Годины равняются на естественность самой жизни. Но — и это принципиально важно — и о требованиях поэзии автор не забывает. Она понимается им как одно из проявлений бытия, и апелляции к Тютчеву, Фету, Блоку, современным лирикам столь же не-

обходимы для стихотворца, что и обращения к лесу, реке, снегу. Поэтические реальности по справедливости уравниены в правах с реалиями природными.

Художник красками живет
И красками переживает.
Вот голубую нитью вод
Он степь легко перешивает.

Тропа в зеленых узелках,
Межа у поля за плечами,
Где заблудились в васильках
Глаза его смешной печали.

Всполохи брезжат вдалеке»
Неясно линии ломая, —
Не то рассвет в березняке,
Не то гроза в начале мая,

Не обходится при этом, к сожалению, и без издержек. Иной раз эмоциональные допущения оказываются чрезмерными, и тогда красоты или слишком «густые» метафоры выдают авторский умысел. Как такие строки:

Неповторимо, балериной,
Она стояла» как плыла.,.

«Она» — в данном случае берёза. Причём перед этим утверждалось: «Как будто долго проболела и, наконец на ноги встав» берёза так светло белела, по солнцу ветви разметав. Стояла тоненькой и слабой, и каждый лист ее дрожал...» Согласитесь, послеболезненное «И, наконец на ноги встав» с уверенной легкостью балетного рисунка не сочетается. Так же, впрочем, как не согласуется «тоненькость» и «слабость» с повышенной экспрессией предшествующей строки («по солнцу ветви разметав»). Ну, а о «неповторимости» предложенного автором сравнения можно судить по тому хотя бы,

что страницей ранее в книге уже поминался «берёз, почти воздушных, классический балет».

Еще одна выписка — из стихотворения «Уют далек от идеала...»:

И саксаул в огне заката,
Напомнив танец дикаря,
Белеет сучьями сохато.
Светясь вовсю, как бы горя,

Сопоставлений, как видим, много, но, не увязанные друг с другом, они не уточняют картину вечерней пустыни, а затуманивают ее. За флером мнимой поэтичности теряется реальность.

Я останавливаюсь на этих шероховатостях и неточностях не потому, что их у Н. Годины много, Искушению «сказать красиво» он уступает не часто. Но ведь и каждая такая уступка, каждая приблизительность тоже подтверждает (только от «обратного») правоту мысли поэта: «Художник красками живет и красками переживает».

Мам, конечно, более желанны прямые» позитивные доказательства этой истины, И лучшие страницы его книг как раз и привлекают тщательностью и сосредоточенностью письма. Известно, звучание слов в поэзии важно не менее, чем их значение. Н. Година весьма чуток к тому, как его стихи звучат. Мелодия стиха возникает будто бы между прочим, и вместе с тем она обнаруживает безусловную конструктивность.

Так, добываясь от строки изящности и весомости, поэт равно внимателен и к ритмико-синтаксическому ее строению, и к звуковой инструментровке. Вот некоторые из зачинов его стихотворений:

Река устала быть рекой...
У вечности есть время и терпенье...
Лес именем твоим пропах...

Эти запевы притягивают, заставляют вслушиваться в задаваемую ими музыку. Благодаря стиху авторская эмоция концентрируется и тем самым возвышается над бытовым, житейским, в недрах которого зародилась.

Творчество Н. Годины представляет интерес и в связи с размышлениями о той роли, какую в современной поэзии играет рифма. В большинстве его стихотворений рифма себя не выпячивает, однако последовательно стремится быть не только точной, а и глубокой. Сошлюсь на любую из приводимых выше развёрнутых цитат. Но верлибр экзаменует поэта с еще большей строгостью, нежели ямбы и рифмы. Случается, пасует перед свободным стихом и Н. Година, о чем можно судить по такому, скажем, «Откровению»:

Беру мыло, смываю с рук
случайную и не случайную грязь,
А потом записываю в тетрадь
все, что мне диктует сердце.
В этом случае
я тоже за чистое искусство.

«В этом случае» огорчает не только несвойственная автору прямолинейность — происходит и не предусмотренный им очевидный перекося смысла в сторону известного восклицания об умывающем руки. Так что и свободный стих может обернуться суесловием.

Право на взыскательное к себе отношение поэзия Н. Годины заслужила. Удач в его творчестве немало. А миру, «где небо пахнет землей, а земля пахнет небом», поэты, к счастью, все ещё требуются.

Дмитрий Бавильский

Тишина на весу¹

Интересно читается одна из новых книг Николая Годины «Старые игрушки» — с незарифмованных стихов в несколько строчек. Точно это тишина на весу, точно это слово, рождённое После. Точно, постепенно раскачиваясь, входя в ритм, мы вместе с поэтом входим в более привычное, рифмованное пространство, где тишины, конечно, меньше, но только лишь потому, что нарастает предчувствие музыки:

Вначале был
Начальник,
потом было
слово
(вначале)

Таким начальником для творчества Годины, несомненно, является русская классическая традиция со строгими рифмами и правильными размерами. Здесь мы встречаем полуденные тени великих предшественников и щедрых современников. Однако это не заимствования, но вполне законная для современной поэзии переключка. Переключка, для которой, как известно, необходимы два равноправно участвующих голоса. И Николай Година окликает многих поэтов, многие эстетики, однако:

¹ Урал. 1995. № 2.

Никогда
ничьих портретов
не вешал перед собой
на стену.
Стена должна быть чистой,
как горизонт.
Так виднее будущее.

В этих прекрасных, афористически точных строчках отзвуки не только хайдеггеровской проблематики горизонта, не только внимание к верлибрам Слуцкого и Самойлова, но и интерес к восточной поэзии, передающей в нескольких строчечках величину Вселенной. Именно оттуда, из восточной поэтики, из пристального внимания к обыденным предметам и явлениям возникает название сборника. Нужные для того, чтобы мы «чаще смеялись и пореже плакали», эти старые игрушки поэт называет «бесполезными вещами на полезной жилплощади». Но не является ли это саморефлексией поэзии, оказавшейся в современном мире на последних местах?

Однако нужно ли объяснять, что подобные «ненужности» согревают, облагораживают жизнь, когда пережить стихотворение в душе трудней, чем пережить день насыщенный:

В зеркало глядя,
сквозь слезы матери
вижу улыбку
отца
(автопортрет)

Если вот так, как в этих строчках, — честно (в первую очередь перед самим), то трудней даётся переживание стихов. А дальше, как говорил Гамлет, тишина... Наваливаются вечные сумерки, и только природа, занятая собственным выживанием, равнодушно сосуществует рядом:

Покой земли тяжел и зрим
Над ним звезда печальная
Мы что-то резко говорим
На языке молчания.

Мысли о вечном или прошлом, воспоминания, «мысленные мысли», неосуществимые мечты — все это относится к разряду «вечно старых игрушек», что стареют вместе с нами. И вроде бы мы подросли и успели состариться, и дети давно играют в иные игры, но выбросить — жалко, сердце сжимает грусть, необъяснимая тоска. Так посидишь в тишине, посмотришь — и оставишь. Оставишь эти вроде бы ненужные излишества во имя собственной внутренней свободы, во имя своей непохожести на других. И все, казалось бы, как у всех, но старые игрушки в темной комнате — мои, только мои, потому что ни у кого нет таких точно воспоминания связанных с серийными, стандартизированными предметами. Одушевление вещей, выдержанное в акмеистической традиции, становится важной составляющей поэтического мира Годины:

Мои слова прозрачны
как оконное стекло.
Ты должна разглядеть,
что я говорю.
Держись за слово
и не дай ему разбиться.
Иначе не сможешь
приблизиться ко мне
босиком.
(Забота)

Тонкое, лирическое стихотворение — разговор с любимой, поэт погружает в сумерки тихой квартиры, когда «никого не будет в доме» (кстати, следующая книга поэта «1 + 1» полностью посвящена любовной лирике). Для Годины главное — понимание, коммуникабельность, именно поэтому и

нужно «держаться за слово», хрупкое существо, способное соединить людей.

И еще об одном. Поэтический герой Николая Годины достаточно прочно сидит на этой земле. Он не парит в заоблачных эмпиреях, как ему диктует штампованное представление о стихотворчестве и стихотворцах. Он не над нами, он с нами. И это очень важно — разговор с современником о самом главном, самом насущном, — смерти, свободе, любви — ведется на равных. Как раз об этом стихотворение, впервые опубликованное «Новым миром»:

Отмаясь, отмаясь от черной субботы,
Приду, упаду, где шесть соток свободы.
Глаза в небеса сфокусирую, душу
Настрою слегка не вовнутрь, а наружу.

Как-то один студент, вероятно, очень прогрессивный, спросил у Василия Васильевича Розанова: «Что делать?» (времена, как мы помним, были достаточно беспокойные. Прямо, как наши). «Как что делать, ответил лукавый философ — летом варить варенье, зимой пить с этим вареньем чай». Вот так. Я бы еще добавил: и играть в игрушки, старые и новые. Но обязательно расширять горизонты своей души, настраивая ее «не вовнутрь, а наружу».

Михаил Фонов

Проба прозы¹

Поэт Николай Годины подарил мне свою книжицу «малой» прозы миниатюр. Книжица называется «Причём здесь эти шуточки?». Я прочитал книжицу и не узнал поэта. В стихах он другой. Например:

Интересен штрих в пейзаже
и конструкция жука...
Где они, семнадцать наши?
Может, грустно, но слегка.

В стихах он ювелир, график, эстет. Слова в простоте не скажет. Все тексты с подтекстами. Понимай как хочешь. Расчет на знатока, на интеллект, на тонкий вкус, на чувство образа. Уж тут, это точно, шуточки не при чем. Почти, простите меня, Николай Иванович, салонный поэт.

А в прозе что? Слова, заметьте, какие: бадог, пороз, свороб, орясина, шеперя, налыгач, бузуй. Пожалуйста, глаголы — понужать, булгачить, уросить, гундосить. И еще примите: вертоголовый, полоротый, слепошарый, хайластый, а также — бежливые ноженьки и сопатая шишколда. Есть и такие слова, которые считаются принадлежностью к сугубо устной речи.

В своей прозе поэт — балагур, шутник, любитель соли и перца, в доску свой среди простонародья, иронический свидетель всякой грязи, темноты и дури. Салоном и не пахнет.

¹ Челябинский рабочий. 1995. 18 мая.

Изба! Избяной получился прозаик. Даже и деревеньку вычислить легко — Чудиновка некая, легкий набросок с нее.

В поэзии Година поэтичен, в прозе прозаичен, на что, согласитесь, возразить нечем, хотя возможен и обратный вариант.

Теперь про миниатюру вообще. В предисловии к книжице Годины сказано, что миниатюра читателю удобна в наше быстрое время (коротка потому что), а для писателя — трудна, по той же причине. Пожалуй, не соглашусь ни с тем, ни с другим. Коротка-то миниатюра, коротка, да читать ее долго. Как ни мала книжица, чуть более ладони, сто страничек, а в один присест ее не одолеть. Больше времени тратишь не на чтение, а на проникновение, на раздумья. В том-то и суть.

И второе: трудны ли миниатюры автору? В самом деле, что труднее — роман написать (а то и трилогию) или сборничек миниатюр? Я думаю, это разные вещи. Каждому свое.

Миниатюры пишет тот, кто бережнее к слову, кто продаёт его дорого, на вес золота. А кто более всех ценит слово? Поэт. Чуть-чуть даст он себе воли, в результате — белый стих. Еще чуток — миниатюра. Потом — рассказ, повесть. И роман не исключен. Но во всех случаях проза поэта прекрасна, что, впрочем, давно не новость.

Не то удивительно, что Николай Година пришёл к миниатюре, а то, что в ней открылась грань творческого облика, которая в стихах не проявляется.

Книжица, уже не раз сказано, мала, а «жителей» в ней на роман хватит. Кто в том тереме живет? Извольте. Сухая, но не трухлявая баба Стеша, старуха Извергиль, бабка Меланья, которая обкладывает самыми фольклорными словами животины, пастырей, соседей, сельсовет и далее, дед Сахно, сосед хромой Стюрки, сухопарая Авдотья, старуха по прозвищу Ковальдашлеп, благо дуроватая старуха Маришабель. А еще Вьюхов, который скалкой лечит поясницы, Варька Бухатова, в землянке которой собираются парни и девчата, Иван Домненко, который сунул пчелу «в самое пыряло» задиристого кобеля, лоботряс Гошка Батуев, «телепаты» Толян и Колян, Кукушкин, исполнивший «танец живота» в «Караван-сарая»

в Стамбуле, горный мастер Андрей Кабаков, от которого в ночном пути убежал мотоцикл, алкаш Обдиркин, а так же той-терьер Кона, которой искали породистого жениха, а она полюбила дворового Цыгана.

Проза Николая Години тугο начинена прозой жизни, той самой, которой он в юные годы был несказанно богат и от которой прятался в поэзии.

Есть, однако, в книге и такие миниатюры, которые с головой выдают Годину-поэта. Например миниатюра «Огород». «Огород похож на газету. Поверху, от угла до угла, актуальным лозунгом стоят крупно набранные подсолнухи. Справа в двух колонках зеленеет морковь. Слева — небольшие грядки с луком, бобами, укропом и прочей мелочью»... И так далее.

В миниатюре «Золотая розга» узнаю такой абзац: «Хожу по краю опушки, по краю уральского лета. Собираю здоровье, которое порастерял в другую пору, в другом месте».

Поэтична миниатюра «Межень».

Не знаю, где «настоящий» Година, в прозе или поэзии. Были бы новые книги, легче судить. Но будут ли? Не книжное время на дворе.

Илья Фояков

Может быть, кого-нибудь спасу¹

<...> Держава поэзии, вообще говоря, чрезвычайно демократична. Помнится, звёздной ночью в Эгейском в виду островов, самые имена которых звучали как музыка, между участниками писательского круиза завязался извечный спор о назначении и ответственности поэта, о том, в какой мере его творчество преднамеренно, в какой — безотчётно. Вспоминали Гомера (как же тут без него!), Гёте, Пушкина, поэтов Серебряного века, старших современников. В какую-то минуту к слову вспомнилось:

У меня забота небольшая:
Распеваю песни, как в лесу.
Может быть, кому-то помешаю.
Может быть, кого-нибудь спасу.

— Чье это? — заинтересованно спросил Олег Чухонцев.

— Это Николай Година, очень хороший поэт из Челябинска, — ответил я.

Очень хороший поэт и, добавлю, незаурядная личность, с необычной судьбой. Ну, к примеру, не каждый день встретишь человека, которому однажды предлагали пересесть из кабины экскаватора в кресло директора издательства. Николай Година тогда отказался: просто потому, что любил свою рабочую специальность, товарищей, даже усталость, сопутствующую физическому труду:

¹ Литературная газета. 1996. № 35. 28 авг.

До Америки не докопаюсь,
До воды, как пить дать, доберусь.
Вылезу, отдавший все, что нужно,
Упаду у полдня на пути.
Будет солнце рисовать веснушки
И трава сквозь волосы расти.

Это из его ранних стихов.

Но дело еще и в том, что Николай Година никогда не был тем показательным «поэтом в рабочей спецовке», которому в свое время прощались корявость и подражательность стихов за его «рабочее» происхождение. И пост руководителя издательства ему предлагали вовсе не зря: он литератор с широким кругозором, его стихи изначально отмечены интеллигентностью и эрудицией. «Помолимся господу Баху» — эта его строка не одной фонетической игрой (Богу — Баху) продиктована, в токкатах и фугах он толк действительно знает. И слову тоже знает цену, потому и лаконичен, и нередко афористичен в своих стихах. Вот двенадцатистишие «1941-й»:

Соседка щедро нагребла
Углей, спросила: «Писем нету?»
А писем не было — могла
Не бередить болячку эту.

Стояла намертво Москва.
Зима стояла у порога.
Я дул в подтопку, голова
Кружилась оттого немного.

Чурбак потрескивал сырой.
Сочились, набухая, рамы.
И долго ссорились с сестрой
Мы из-за места возле мамы.

Здесь ни одного слова лишнего. И вся эпоха как на ладони — с её теснотой, холодом, побуждавшим людей жаться

друг к другу, и драгоценным человеческим теплом. А вот «1945-й» — без фанфар и знамен. На дворе март, скоро Победа, но еще не до конца ясно, кто доживёт до нее:

Орел и решка. Чёт и нечет.
Смеялась девочка в бреду,
Изломанная, как кузнечик,
Уже у Бога на виду.

«Над кроватью карта, вроде скальпа / с маленького глобуса, висит» — это, конечно же, из стихотворения «Воспоминание о Фениморе Купере». А вот восьмистишие о ягоде малине, которое могло быть написано только человеком, которому повезло жить на стыке двух континентов. И только в наше — сейчас убедитесь — время:

В Европу ходим за малиной,
Тут недалеко прямиком,
За речкой узкою, но длинной,
За озером Тургояком.
Дочь хвалит ягоду: мол, эта
Вкуснее, чем из наших мест.
Другая все-таки часть света.
Почти как импортную ест.

Сладка, наверное, малина. А в стихах — легкая, чуть уловимая горечь: от вьезшегося в подсознание — и, увы, далеко не всегда обосновательного — представления, что импортное — всегда лучше, качественнее, вкуснее. А может быть, это все-таки иллюзия, как с той малиной?

Книга Николая Години «Избранное для друзей» включает стихи, «малую прозу», переводы с украинского и сербско-хорватского. Она издана в Челябинске за счет благотворительных средств администрации, Главного управления искусств и культуры, Главного управления профтехобразования, Уральского информационного центра Челябинской области, АОЗТ «Южуралстрой и К^О». Уф! Вот сколько раз-

номастных ведомств должны в наше время объединить свои усилия, чтобы вышла в свет поэтическая книга! Хорошо хоть в данном случае средства эти нашли достойное применение. В книге Николая Години, конечно же, есть вещи сильные, есть и послабее, но читать ее, как и книгу Зои Эзрохи, интересно, и это главное. Ибо все, что связано с реальным человеческим бытием, никогда не наскучит. Всяческие изыски, туманно именуемые концептуализмом, метафоризмом, равно как и вечная новинка — отказ от знаков препинания и шокирующая эпатажность, по-своему тоже интересны и необходимы в известных дозах, но у них короткое дыхание, они быстро себя исчерпывают, их носители надоедают сами себе, и вот уже им кажется, что литература — не только бывшая советская, но теперь и литература вообще — изживает себя, кончается.

Правда, пишет в «Общей газете» Вик. Ерофеев, «в бабушке-России процесс деградации литературы может затянуться. Наша бабушка не только медленно ходит, но и болеет медленно, она у нас беспомощная и с сюрпризом». А может быть, не о вялотекущей болезни тут говорить надо, а о глубоких ресурсах внутреннего здоровья? Жизнь-то человеческая продолжается, люди любят, ненавидят, бьются за хлеб насущный, растят детей, выясняют отношения, и все это неисчерпаемо и вечно ново. А значит, неисчерпаема и поэзия, питаемая из этого источника. Так что, слава Богу, не всегда и в наше время стыдно издать книжку стихов.

Что же касается возрастных ограничений, опасливо налагавшихся замечательным поэтом Александром Межировым, то есть ведь и другое мнение:

Поэзия — дело седых,
Не мальчиков, а мужчин,
Израненных, немолодых,
Покрытых рубцами морщин...

Это Варлам Шаламов.

Михаил Фонов

Берестяная грамота поэта¹

Ох, и скуп на слово поэт Николай Година...

Вышла у него книга белых (свободных) стихов «Берестяная грамота». Освободившись от рифм, поэт, казалось бы, даст волю мыслям и словам. Нет! Опять у Годины десять — пятнадцать слов — и произведение.

Посмотрите, как он с нами обходится:

Однажды
я увидел улыбку
Бога.
Но об этом
Лучше не рассказывать.

Каково! Только подразнил и умолк. А почему, собственно, не рассказать? Не каждый день, однако, мы видим улыбку Бога. И если уж выпал случай — расскажи. Тем более что — поэт.

Или Бог «не так» улыбался?
Или это вообще не рассказываемо?
Или все-таки, все сказано?

¹ Сибирские огни. 1976. № 5; Соловьиный остров // Южный Урал в этюдах, 2001.

* * *

Чтобы нарисовать себя (автопортрет), Николаю Године достаточно девяти слов:

В зеркало глядя,
Сквозь слезы матери
Вижу улыбку отца.

Ключ — в этом «сквозь». Не себя видит поэт в зеркале, а лицо матери со слезами на глазах, а сквозь эти слезы — улыбающегося отца. Сам он и есть смесь плача и смеха.

Портрет, согласитесь, был бы на много беднее, смешайся он из двух плачей или двух «смехов».

* * *

Иногда слов нет. Совсем. Ни единого.

Лучшее,
что можно сказать
о весне,
сказала птица,
неизвестно откуда
появившаяся
на дереве.

И верно, какая весна без птицы, без птичьего голоса? Никакие слова не помогут, если весна — без трелей, щебетания, тиньканья, щелканья и всякой другой птичьей музыки.

Но заметьте это, казалось бы, лишнее — «неизвестно откуда появившаяся...» Вроде можно было бы обойтись без этих трех слов. Если тебе неизвестно, откуда появилась птица, то не заговаривай об этом. Неужто поэт в этом случае согрешил болтливостью?

Нет. Не зря эти три слова. Представим: вдруг кто-то щелкнул вверху, вы подняли голову и увидели на ветке дерева первого весеннего скворца. Откуда он? Не скажешь ведь: из Африки. Вот именно «неизвестно откуда».

Не было — и вот он. Из ничего, из ниоткуда.

Между прочим, у поэта Николая Годины на ветках сидят не только птицы, но и кое-что другое:

Тише,
не спугните.
Пусть поет
На ветке одинокой радости
серенькая душа
человека.

Какие, однако, грустные стихи!.. Серенькая душа, будто воробышек, на ветке одинокой радости... Глянешь на воробья — чего-то он радуется, чирикает себе... Так и мы. И наша радость такая же — серенькая, одинокая.

* * *

А про экологию, по-годиновски, короче некуда:

Слабый курс реки.
Закисшие глаза озер.
Горячий лоб пустыни...
Что с тобою,
Земля?

* * *

Свободный стих? Один из образцов:

Режим свободного неба
для птицы.
Режим чистой воды
для рыбы.
Режим заповедного леса
для зверя.
Режим справедливого мира
для человека.

Да, рифмы нет. Как будто. Зато есть ритм. Ритм, переместившийся с конца строки в ее начало. Это четырежды повторённые «режим» и «для», эти четыре совместные конструкции, их абсолютное подобие...

Да и в концах строк ударения ритмичны, мерны. Кроме последнего слова, в котором не два, а три слога. Чтобы поставить смысловую точку.

А теперь выпишем прилагательные — свободный, чистый, заповедный, справедливый. Не правда ли, поэт Николай Година — идеалист и мечтатель?

Он это скрывает, а тут — выявилось.

* * *

Знаете, что больше всего любит поэт Николай Година? Играть словами. Путать их значение. Например:

Зазеленела,
казалось,
давно уже засохшая ветка
железной дороги.
Или еще:
Извлекаю корень.
Не извлекается:
земля твёрдая,
а дерево старое.

А то взять и столкнуть мир с его отражением. Допустим, так:

Открываю Урал
В белой январской обложке.
Или:
Зачитываюсь Миасской долиной,
спотыкаясь на дорожных знаках препинания.

И что она значит, эта игра словами? А то и значит, что поэт, однако, любит слово. Что живет он в мире слов и ни-

когда из него не уйдет, если захочет. Что он упивается мастерством жонглирования словами.

— Ну и что? — скажете вы. А только то, что поэт подготовил себя к тому, чтобы, наконец, сказать о самом главном.

Не переиграть бы.

* * *

И загадочку не прочь загадать поэт Николай Година. Чтобы не голый смысл, а чем-то прикрытый. Чтобы ясно, да не совсем. Что-то вроде есть, а не уловить сразу. И не сразу — тоже.

— Поразвелось зверья, —
ворчит старая,
прислушиваясь к темноте,
где бродит по окрестностям Вселенной,
вся в звездах, как в репьях,
Большая Медведица.

Картина сочная, красочная, вперемешку земная и небесная, натуральная и абстрактная, но, кроме налёта едва уловимого настроения, от нее ничего не оседает в душе. Еще чуть-чуть — и настроение не уловить.

Можно подумать, что поэт Николай Година сам себя настораживает таким стихом:

Спросили,
зачем он приделал хвост
велосипеду.
И он
с достоинством ответил,
как тот египтянин:
— Чтоб не знали зачем!

В современной поэзии к велосипеду приделывают не только хвост...

Что говорить: загадка прекрасна, когда есть загадка.

* * *

При всей любви к слову поэт Николай Година живет в ощущении, что, кроме русского и вообще человеческого, есть еще другие языки.

Слышишь,
о чем говорят
птицы?
Понимаешь,
на что намекает
вечер?
Догадываешься,
куда клонит трава?
Время — любить.

И те, и другие языки не хуже, а то и лучше словесного. Например, «прекрасен язык, на котором говорят деревья». То и дело поэт завидует языку красок и линий. Или языку мелодии. А еще у него есть такие строки: «Я трижды нарисовал одно и то же: красками, звуками, словами». Прекрасная, не правда ли, идея: одно и то же выразить живописью, музыкой и поэзией...

Поэт знает: у любви свой язык.

* * *

О любви. Это: по-крестьянски грубовато, надёжно и довольно —

Я — пахарь,
ты — земля.
Выпахал глубоко
и высеял семя.
Теперь
будем ждать
урожая.

В нашей поэзии любовь все чаще холостая, бесплодная, не результата для, а процесса во имя. А тут — ожидание урожая...

Впрочем, и другая любовь не чужда поэту Николаю Године:

Ты — волна,
которая не топит,
но и не спасает.
Сквозь туман
мятежных глаз
слабо теплятся огоньки.
Господи,
Не дай силы добраться до берега
и стать таким же, как все:
немного усталым и немного
довольным собой.

Надеюсь, понятно, что стихи написаны человеком, который хотел бы утонуть в море любви. Простите, я ошибся. Не утонуть, а остаться в море любви. Не доплыть до ее берега. Берег далеко — где-то там «слабо теплятся огоньки». И пусть. Подальше бы в море. Без усталости качаться на волне любви. А не как все — вылюбить и опустошиться «немного усталым и немного довольным собой...»

* * *

Скуп на слово поэт Николай Година. Невероятно, чтобы он написал поэму.

Может, он и прав. В наше время урывистого чтения чем короче, тем лучше. Не знаю только, ко времени ли прислушивался поэт, к себе ли.

Павел Басинский

Николай Година. Графоман¹

Не удержусь, чтобы не процитировать одно стихотворение Николая Годины полностью, хотя и длинное. По-моему, это прекрасный образец гражданской лирики, извините за немодное определение:

Не забуду марксистские лекции!» —
Так бы выколол тушью на лбу.
Часовой в состоянье эрекции,
Вождь сушёный в стеклянном гробу.

Марширует, пыля, комсомолия.
Где-то я топочу належке.
Путеводит звезда, будто молния,
Грубо скомканная в кулаке...

Так мы жили бесправые — правые
В том, что жизнь эта нашей была.
Ну а вы, телепузики бравые,
У чьего суетитесь стола?

Как их кличут, господ ваших: лидеры,
Шефы, боссы — поднесь паханы?

¹ Година Н. Графоман. Новые стихи. Челябинск : Центавр, 2002; Октябрь. 2004. № 2.

Мы их знаем в лицо, мы их видели,
Промышлявших судьбою страны.

Не к тому я, что прошлое — праздники,
Настоящее — будние дни.
Просто пьесы у нас с вами разные,
А вот роли, как видно, одни.

Кирилл Шишов

Из истории культуры Челябинского края¹

«Шестидесятники» — поколение, буквально пропитанное поэзией, которой буквально были увлечены студенты и техническая интеллигенция, рабочая молодежь и люди творческих профессий. «Оттепель» 60-х годов — время возвращения поэзии от навязанной роли «идеологического оружия» к осмысливанию и прочувствованию мира во всей его многомерности, время прихода в литературу плеяды выдающихся поэтов (Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Рождественский), время поэтических вечеров, собирающих громадные залы и стадионы.

Художник первородный
Всегда трибун.
В нем дух переворота.
И вечно бунт.
1959 г.

А. Вознесенский. Мастера

Дано нам слово не для слова.
Для дела слово нам дано...
1967 г.

Н. Година. Слово

¹ История культуры Челябинского края. Челябинск : Каменный пояс, 2005.

Время, когда каждый, взявшийся за перо, стремится решить для себя традиционную проблему назначения Поэта и поэзии:

Себя старательно понять.
Себя найти упрямо в чем-то!
Неорганичен и свинцов
От всяких дум осадок в теле.
Потратить век в конце концов,
Но разобраться в этом деле.

Н. Година

Поиски смысла происходит не от наивности (характерной для многих «деятелей культуры» первых послереволюционных «призывов»), а оттого, что приходит осознание: искусство — сфера не деклараций и ответов, а вечных вопросов и проблем.

Наивен — да, но не убог,
Невинно в детство впавший снова,
Любой поэт — немножко Бог,
Когда он произносит слово.
Когда он произносит слово,
Воспользовавшись тишиной.
Мир предстает настолько ново.
Как будто этот мир иной...
1972 г.

Н. Година. Поэт

Не каждому дано увидеть проясненным, «незамыленным» взором одухотворенность и осмысленность окружающего, подметить парадокс в привычном, затеять собственную импровизацию в мировой какофонии звуков и слов:

Все, как в первый день после сотворения мира:
тихо подрагивая,
деревья привыкают к разноцветным птицам.
а птицы,
вопя не то от страха, не то от восторга.
привыкают к деревьям.
На сократовском лбу морёного валуна
от тщетных попыток осмыслить окружающее
выступили крупные капли
росы.
Ты — еще восставшая, но уже усмиренная.
Я — уже победивший, но еще пленный.
И перед нашими глазами маячит
похожая на бельмо
миасская сорока.
А может быть, Поэзия потеряла
представление о своей
сути?
1973 г.

Н. Година. Импровизация

Так по-новому зазвучал на Урале свободный стих (по-французски *verlibre*) форма, с которой экспериментировали И. В. Гете и Г. Гейне, В. Л. Жуковский и А. А. Фет, А. Рембо и П. Неруда. Всегда связанный с потребностью в обновлении стихотворных систем, он так и не получит точного определения в литературоведении, не уложится ни к какие рамки, будет постоянным поводом к обвинению поэтов в формальности поисков и бог еще знает в чем.

Автор приведённых выше строф — Николай Иванович Година, поэт и прозаик, заслуженный работник культуры РФ (1996 г.). Родившийся в 1935 году на Полтавщине и с детства живущий в Челябинской области, он сроднился с южноуральской землей. Первые его произведения публиковались в «Кронштадтской правде» (1958 г.) во время службы на Балтийском флоте, позднее в журналах «Юность», «Новый мир», «Сибирские огни», «Урал», альманахах «День поэзии»,

«Поэзия» и других изданиях. Признание пришло к поэту в начале 70-х годов (о нем был снят фильм), а в 1987–1998 годах он возглавлял областную писательскую организацию.

«Мастеровитым» подходом к творчеству в чем-то сродни поэту-архитектору А. Вознесенскому, он пишет:

Обтачиваю,
шлифую.
ровняю по горизонтали,
подгоняю по вертикали,
выбиваю последнюю
точку.
Стихи — тоже ручная работа.
1985 г.

Творчество

Лаконичным верлибром подводит горький итог эпохе юношеских обольщений (вспомним ручьёвское: «...жил я словно в сказке»):

Когда честность
еще не была
синонимом глупости,
мы верили
сказкам,
у которых счастливый конец.
1985 г.

Воспоминание

В 60-х годах появились книги почти неизвестной читателю М. Цветаевой, многотомное собрание сочинений А. Блока, по рукам ходили машинописные копии стихов О. Мандельштама и раннего Б. Пастернака («...а в наши дни и воздух пахнет смертью: открыть окно, что жилы отворить» — о событиях 1918 г.). Из страны еще не уехал Н. Коржавин (Мандель), отправленный в ссылку за строки:

А там в Москве, в пучине мрака,
В шинели он смотрел на снег.
Не понимавший Пастернака
Сухой и жесткий человек...

Через три десятилетия Година напишет:

Петля Есенина, Цветаевой петля
Сдавила горло, воздуха лишила...
Сквозная рана вывернет закат,
Степь осолит, измажет жутким цветом,
Звезда сорвётся с неба наугад
И поразит смертельно рикошетом.
1991 г.

А когда, в 60-х, мир расширил свои границы географические и космические. И «трещины мира проходили через сердца поэтов» (Г. Гейне), побывавших за «железным занавесом» В 1965 году в Венеции Година писал:

...Меня тревожат те мальчишки.
Что задыхаются в чаду.
...Все одинаковые дети.
— Гагарин?! — лезут напролом,
Забыв про постные спагетти
В дешёвом баре за углом...

Ощущая себя не провинциалом, а представителем Евразии, заглядывал в пражский бар:

...Любопытство азиата
В пивную Швейка занесло
На огонек меня когда-то.
1968 г.

Валентин Курбатов

Человек, похожий на меня¹.

Полуоткрытое письмо

Дорогой мой Николай!

Я получил твою книжку (Николай Година. Творительный падеж : стихи. Челябинск : Цицеро, 2010). Обрадовался, заторопился «повидаться», и уже скоро читал «привет»:

Синее небо в розовом цвете.
Ест насекомое, гложет семья.
Что-то не любят меня те и эти.
Вот и Курбатов, к примеру, В. Я.

Да люблю, люблю я, Коля! Но ты ведь, поди, тоже читал что-то у меня и мог догадаться, почему я не пишу о тебе «вслух» (а ты ведь про «нелюбовь-то» как раз в это молчание метнул, потому что «простые-то» мои письма к тебе нежны и постоянны).

Уж больно у нас словарь и способ мысли разные. Я пришёл из своего крестьянского сословия в литературу с детской немотой восхищения ею, уверенный, что там прекрасные люди в прекрасных одеждах говорят о прекрасном. Там Тургенев и Пушкин, там Тютчев и Толстой, там Андрей Белый и Саша Черный. И вот странность! — проживя в ней уже не один десяток лет и давно узнав, что там хватает всякого народу, и даже не без подлеца, я в основном своем восприятии не переменял своего отношения. И все, как за стол, так за-

¹ Литературная Россия. 2010. № 34—35. 20 авг.

стегнусь и осмотрюсь в лучшем словаре, чтобы Чехов и Блок, Астафьев и Распутин не укорили, хотя Виктор Петрович нет-нет и посмеивался над этой моей осмотрительностью.

Но уж тут ничего не переменишь. Я и в чтении больше оглядываюсь на то, чего не умею, на мир, которым не жил, но который, может быть, именно тем и заманчив — как по-видать чужие края. С какой жадностью читал когда-то (на флоте!) Марселя Пруста и Сартра, а уж потом Олдоса Хаксли и Айрис Мердок, Хорхе Луиса Борхеса и Эсу де Кейроша, Кавабату и Акутагаву, да и сейчас Милорада Павича и Милана Кундеру, дивясь, что чужие психологические тонкости можно выразить на русском языке, и, следовательно, есть где-то и во мне эти неведомые чувства. Очевидно, это исподволь сказывалось на словаре и способе миропонимания, так что потом я и родное видел острее и чуть остраненнее.

И раньше бы, наверное, даже озлился, прочитав у тебя вот это:

Кобылий ссец, надсадный пупник,
Пикан моржовый, толстосеря...

(компьютер заметался, недоуменно подчеркивая),

Или:

С какого переляку выпал снег
На голых африканцев в понедельник?
А в среду вихрь винтушный будто шнек,
У нас в саду немало понаделал,

или:

Вляпался в мокрое дело обыденно
День — мироточит хибара заёмная.
Жизнь меня, надо сказать, не обидела,
Хоть и нишком обижала суёмная.

Не знай я тебя, твою родную матросскую и деревенскую, малороссийскую душу, я бы тут и отложил чтение из-за неряшливости слова и слишком поспешной записи чувства. Тут с досады и музу скорее Гапкой или Явдохой назовёшь, слыша, как они кричат слова через забор, не очень их выбирая. Они — дома, чего им особенно церемониться — чай, не в гостях. Да и мир в стихах так буднично беден, что я не всегда понимаю причину, по которой ты взялся писать эту бедность:

Голодный птах, проклюнувшись едва,
Уже кричит поносные слова
И с недобором шариков в мозгах
Бренчит сосед — с ранья, глядь, на рогах.

Или:

Мается в касатиках косарка.
В загнанной кобылке на стожок мощей.
Продоль колеи вода — не жарко
Жутко скрытным обитателям хвощей.

И когда бы в стихах только это и было, так бы и промолчал, довольствуясь светом житейского дружества и почтовых переключек. Но вот в этом же малом последнем сборнике я с восторгом вижу, что не все раздолье Гапкам и Явдохам, а часто стучится у порога и милая Муза и, зная, к кому стучится, тоже чуть нарочито «мужичится», не кисейничает и говорит с родной тебе прямою. И тут уж я не удерживаю радости и горожу на полях частоколы восклицаний:

Года к суровой клонят прозе,
Как хорошо сказал поэт.
Так и живем в наклонной позе
На неудобном склоне лет.

*

Погладил глобус по головке
Пустой, где челкою к виску
Страна приклеилась неловко
Со всем народом на боку.

А с Музой явится и искренность, и нежность, и поздняя
печаль, просвеченная светом сердца, которую мне так от-
радно делить с тобой:

День в изображении цветном,
Несмотря на серую погоду.
Я жалею только об одном:
Слишком долго жил другим в угоду.

Стало быть, пора и для себя,
Для тебя, для нас двоих, наверно...
Вот и солнце радует, слепя,
Вот и слева под рубахой скверно.

*

Мать с отцом уже не приголубят.
Будущее с прошлым по нулю.
Не люблю, когда меня не любят,
Хоть и сам не каждого люблю.

И с нею же дорогое мне в тебе мужество взгляда на род-
ные беды, с нею несчастная наша гражданственность, от
которой никуда, потому что Родина же — матушка, неве-
ста, жена, как ее, может, только русские поэты и чувствуют.
И тут и злое слово не ранит меня, потому что на оскорбление
сердца только и можно ответить оскорблением:

Страна торчком, народ ничком, свобода раком.
Валите все на Пушкина с напрягом
Ему, любезному, не привыкать.

И с Музой легче не уступить родного, не предать своей истории, где, может, горя было больше, где и лжи хватало, и пошлости человеческой, но где и беда была человеческой, соединяющей сердце, а не разрывающей его:

Страна-то подвывала, то гнала
Но Родиною — Родина была.

Может, мы, посреди своего пионерства и комсомольства, видели все и не так глубинно, как надо бы видеть, но глаз не опускали, и сейчас нам их опускать не перед кем.

Так мы жили, бесправные — правые
В том, что жизнь эта нашей была.
И, а вы, телепузики бравые,
У чьего суетитесь стола?

Я скоро по братству возраста завожусь с тобой и тоже вот-вот готов не выбирать слов, но и спасаюсь, и лечусь у тебя тоже, у твоей защитной иронии, у там и там порой из совершенного сора глядящих золотых утешительных строк, которые вернее всего и обнаруживают настоящего поэта:

За пряслом лес, где, прячась з деревья,
Минувшее не хочет миновать.

Сладно выкузнечивает поле,
Складно высиничивает лес.

Часы на стене еле-еле
За временем тащатся вслед.

В конце сборника ты (поэт же!), предчувствуя укоры, торопишься с «официальным заявлением»:

Я другим не буду никогда,
И судить меня за то не надо.

Да и не надо, не надо другого — это уже будешь не ты. А от что до «судить не надо», так уж в этом ты, брат, в нас не волен. Живые мы все-таки. А то ты, значит, выговорился, а мы молчи. Тем более, когда ты обиды не удерживаешь на Курбатова, к примеру, В. Я. а он, значит, ничего Године Н. И. и не скажи.

А поговоришь — и все развяжется.

Обнимаю тебя.

Твой КУРБАТОВ

Валентин Лукьянин

**«Не путайте меня
с лирическим героем»¹**

Не путать автора с лирическим героем учат еще в средней школе, так что в строке, которую я вынес в заголовок, просвещённый читатель не обнаружит новизны. Поэт на то и не рассчитывал — не поместил ее на «витрину», а начал ею одно из стихотворений где-то в середине книги: напомнил простую истину как бы исподволь. Мог бы и вовсе не напоминать, если б она была нужна читателю лишь «для общей эрудиции». Но здесь это, простите за казенный оборот, системообразующий принцип, на нем держится вся художественная конструкция новой книги поэта.

На поверхности-то в стихах, составивших книгу, подчеркнута обыденная жизнь. Природа, сад, огород: «Сели воробьи рядком»; «Дождь поновил за оградой траву»; «На морковкино заговенье дивно / Натрусило, как из крупорушки...»; «Ополоснув глаза слезами, / Июнь стоит пред образами»; «Некультурные растенья / Портят облик огорода»; «Не просыхая, две недели квасит. / Прозорный сад почти одно с округой»; «Похоже, назад не вернётся тепло. Свалялись в кошму плотно тучи»; «Хроническая стадия зимы»... В «вялотекущем реализме отчизны» просматриваются и люди: «Народу развелось — не посчитать», «Крестьяне, яко обезьяне, / С утра до вечера в бурьяне». Но общая масса

¹ Година Н. и: новые стихи. Челябинск : Циперо, 2013. 62 с.; Урал. 2013. № 6.

населения состоит из отдельных персонажей: «Нетрезво бродит по селу / Парторг, как призрак коммунизма»; «Старик, худой как богомол, / Почти похож на черта лысого, / Одно отличие — комол»; «Сосед с высоким индексом «ку-ку», / Из поколенья пепси и попкорна, / Вбить гвоздь в бетон старается упорно» и т. п.

В этом будничном контексте место лирического героя подчёркнуто ординарное: «Грехами средней тяжести нагружен»; «То же самое я делаю, / Что и ойкумена вся»; «Особых видов на меня / Господь, похоже, не имел»; «Отбиваю принудиловку на грядках»; «Народ стучит, бренчит, шумит немножко, / И я народом быть имею честь».

Тональность общей картины откровенно минорная: «Сюда не ходят поезда / И не придут уже, наверно»; «За улесью в кустах обглоданная ферма, / Скелет бетонный, прах под сенью лопуха»; «Когда-то в этой деревне была школа, / Но не было пива в сельпо...»; «Глубокого, даже в доступно простом, / Знамение вижу упадка»; «В глубину небес гляжу напрасно, / Никакого мне оттуда знака»... В общем, «скрипит арбой или телегой / На кочках жизнь уклонная моя»...

Состояние души лирического героя созвучно моему, а может быть, и вашему, читатель, настроению, ибо кто же сегодня не замечает, что жизнь стала какая-то неяркая и мелко-травчатая: «Вместо зари кумачовой / Серые дали видны... / Кроме проблем Пугачёвой, / Нету проблем у страны»; «На пробу воздуха вдохну, / В нём недостаток кислорода. / Охватом высмотрю страну, / Но не увижу в ней народа»; «Жизнь течёт в отрыве от морали»; «Вот родина, а я не узнаю, / Как в зеркале себя, её идею». Каждый из нас все это видит и посвоему переживает: «Рубахи рвать, пупы царапать / Мы с малолетства мастера», — но что толку? «Допекли претензии и жалобы — / Ни по ночам покоя, ни по дням». (У Александра Кушнера было нечто похожее: «Большей пошлости на свете / Нет, чем клянчить и пенять».)

Но что для лирического героя (и для меня, читателя, вслед за ним) жизнь, то для поэта («не путайте меня...») — пред-

мет художественного осмысления. Речь не об извлечении морали, а о поисках опоры для души. Это не декларируется в книге, это ясно, как говорится, по определению. А если б кто вздумал поискать разделительную черту между автором и лирическим героем в самих стихах, он был бы, вероятно, озадачен тем, что лирический герой, оказывается, тоже поэт, тоже пишет стихи, причём так же буднично, как «отбывает принудиловку на грядках»: «Наскрёб десяток слов душе в угоду, / Но дождь пошёл — испортил всю погоду... Все заняты обыденным и важным: / Дождь мокрым, умник шумным, аз бумажным».

Чтоб не запутаться в трех соснах, оставим теорию для теоретиков и примем во внимание тот непреложный факт, что мы не реальную жизнь через окошко наблюдаем, а читаем книгу стихов об этой жизни. Авторское начало в ней не просто присутствует — оно всемерно подчёркнуто и работает примерно так же, как рамка для картины или коробка сцены для спектакля. Рамкой ли, коробкой выделяется фрагмент жизни, внешне, казалось бы, ничем не отличимый от той жизни, что вне рамки, но тут она в поле пристального внимания, а потому в ней обнажены связи и смыслы, в повседневности не замечаемые.

О багете где-нибудь на вернисаже рассуждать не принято, но «рамка» в книге Годины достойна особого внимания. Изысканное оформление (дизайнер С. В. Андрусенко): заметно удлинённый по вертикали формат, неожиданный — на обложке крупно одна лишь буква і (исключённое из русского алфавита без малого сто лет назад і десятиричное) — красным и черным по благородно-серому. И фамилия автора прописана с теми же і десятиричными: Ніколай Годіна. (Отличный дизайн; типография только подкачала: прочитал, вслед за тем пару раз пролистал насквозь — и изящная книжечка стала рассыпаться по листочкам.)

Раскрываешь книгу — и внутри і с точкой все время на виду: каждое стихотворение предваряется этой буквой вместо заглавия или традиционных звездочек. Несомненно, і — деталь «рамки»; изящная деталь и для автора очень значи-

мая. В издательской аннотации разъясняется: поэт, мол, «в своей афористической манере продолжает расставлять точки над і». Для красного словца можно сказать и так, а все ж выражение «расставить точки над і» означает внести полную ясность, договорить до конца, — так разве ж к этому стремится в своих стихах «Николай Годіна»? По-моему, как раз наоборот: договаривать до конца Николай Иванович не любит, предпочитает намекнуть, упрятать смысл где-то между строк, между слов, чтоб читатель радовался, неожиданно наталкиваясь на яркие крупицы: «На столбе ворона спит / Сном верховной власти»; «Ещё топчусь потешней, чем мураш, / Заслуженный строитель коммунизма»; «Теперь бы пива — требует природа, / И душевого для души дождя»...

Так зачем же он чудит с буквой і? Затем, я думаю, чтобы чуткий к слову читатель не пытался логически выводить из поэтических стереокартинок житейские премудрости, не клевал на злободневные наживки, а погружался бы в атмосферу стиха, где важны уже не детали, а самый строй души. Возрождённая из небытия «старорежимная» буква — именно намёк, она побуждает обратить внимание на то, что в книге немало и слов не из каждодневного обихода:

Всё-то у русских не как у людей,
Все перед всеми во всём виноваты:
То за рассаду бесплодных идей,
То за цветы ядовитой навады.

К слову, буква і в этой книге явно от «багета», но ведь и буква ё, которую поэт восстанавливает в правах на каждой странице, в каждом слове, где ей положено быть, поддерживает тот же тон. Но в приведённых строчках я хочу обратить внимание на другое: слово навады вам знакомо? Если нет, обратитесь к Далю: навада — это «повадка, соблазн, послабление, поблажка».

В другом стихотворении: «Щекочат грубо залестные речи». Залестный, опять-таки по Далю, — «к светской вежливости, пустословию, комплиментарности относящийся». Щекочат:

грамматически правильной, пожалуй, было бы щекочат, но с залестными речами щекочат как-то созвучней.

А дальше будет «жирный лёд, как лой» (лой — «топленое сало, свиное сало»), будет «скатистое небо»...

В общем, как каламбурит сам поэт: «Родная речь: за Далем — Даль».

Но он не стал бы, я думаю, так опрометчиво шутить, если б на самом деле все эти лексические пряности черпал, как антисоветский классик, из Даля. Однако в книге множество невесть из каких тайников извлечённых словечек, которых у Даля просто нет: «помушнев лицом», «Мазною ночью взабыль лихо», «метушливая кошка»... Что примечательно: и те слова, которых за пределами Далевых закровов вы сегодня не встретите, и те, которых даже там нет, звучат в стихах Николая Години так же уместно и естественно, как совсем недавно вышедшие из широкого употребления «коммунизм», «комсомол», как пришедшие в живую речь примерно тогда же «мобильник», «пепси», «попкорн», как новосозданные, но из отечественного материала и по извечным законам русского языка (потому и понятные без обращения к словарям) «взадых», «скалдырничают», «жудёжь», как околонуачные «кинематика планет», «антропоморфный сосед» и т. п.

Потому как понабрался всякого
Мусора на вихревом веку,
Уважаю дедушку Аксакова,
Кланяясь родному языку.

Для лирического героя это, может, и «мусор», а для поэта — тонкодисперсные краски, позволяющие передавать нюансы смысла, иного выражения подчас и не имеющие. В словесную ткань стихов Николая Години они введены так органично, что вовсе не кажутся экзотическими приправами, а лишь выявляют параметры вполне современного языкового пространства, в котором работает поэт. Не удержусь от сравнения: вот о языке Бажова говорят: народный; а сопоставьтека его с тем, что постоянно звучит вокруг вас в быту! Между

прочим, Бажов в одном из писем признавался, что иногда случается ему полдня мучиться в поисках единственного слова, да оно так и не находится, приходится обойтись приблизительным.

Вот и лирический герой Николая Годины изъясняется вроде простонародным, а присмотришься — авторским, ювелирно обработанным языком. Поэт при случае может словечком и поиграть: «Выходит Тургояк на берег / Не столько гулом, сколь гулом»; «У расторопной расторопши / Изгульный вид, но суть притина» и т. п. И все же главная забота автора — не отдельные выразительные слова, а обозначенное, проявленное с их помощью ментальное пространство, в котором уместны и объяснимы какие-то движения души; а сокровенного словечка для их выражения, может, и не нужно.

И буква *і* с точкой, и восстановленное в правах *ё*, и все эти самоцветные словечки, вытесненные нынче из живого языка в запасники, вместе выполняют единую художественную задачу: они раздвигают духовный мир лирического героя вширь и особенно вглубь, воссоздают присутствие в нем «вихревого века», который прожит, но не изжит. «Я помню время — вся страна пылила, / Мела и тёрла, мыла и скребла» — это о Ленинских субботниках. «У ног полулежим на щелистом полу, / Мне стиснул руку Миша Новосёлов» — это детство, которое сохранилось, поскольку «в бумагу заглянцовано счастливо». «Полистать того же Фета» — духовный опыт. «Смотрю, “быть знаменитым некрасиво”» — закавыченная цитата, хотя Пастернак не назван — читатель и без подсказки знает. А вот почти цитата, и опять известно, откуда:

Дубок подрос, имеет вид и стать,
И дрыхнет кот под ним почти ученый.
И лука море, и горох в усах.
Направо песни и налево сказки:
Один сосед запил, другой в отмазке.
Русалки — так, а лешие в трусах...

Вроде бы запечатлён взгляд лирического героя, но ведь это именно поэт заставляет читателя увидеть, какие метаморфозы претерпевает житейский уклад, продолжаясь из былинно-сказочных времен в наши дни. Когда извечное проявляется в форме актуального, это может выглядеть даже забавно:

После передела собственности скворечник
Перешёл во владение воробьиной пары.
И теперь вместо припевок остросердечных
Базарная пря, досужие растабары.

Птичья возня напоминает о человеческом неустройстве: «Нашли страну, которую не жалко, / Где пошлая певичка — «наше всё»»; «Междуусобная борьба / По принципу «мочить в сортире»»... (Тоже ведь цитаты из неназванных источников, но побуждающие задуматься.) В общем: «Всё меньше человека в человеке»; «Вопросов больше, чем ответов»; «У Бога что ли попросить совета / Какой дорогой двигаться вперед».

Лирический герой Николая Годины (и тем паче автор) не богоборец, даже готов заявить себя «православным славянином» и признает: «Божия коли будет протекция, / Одолеть эту жизнь до конца я смогу». Однако Бог его как-то так обытовлен, что обращаться к нему то ли неловко, то ли бессмысленно. И он находит душевную опору в другом (лично для меня, автора этих строк, куда как более понятную и надёжную):

Язычник я — в лесной кумирне:
Деревья, птицы и зверьё...
И небеса в прозорах смиренны,
И сердце благостно моё.

Его «духовное убежище» — «страна деревьев — вольная страна»:

Обменяюсь чувствами с берёзою,
На которой весело, навзрыд
Пушкинским стихом, лесковской прозою
Голосная птица говорит.

Не буду спорить: природа как извечная и непреходящая антитеза житейской суете — очень традиционная поэтическая идея. Но у Николая Годиной она расцвечена той интонационной краской, которой и названия-то сразу не подберёшь: юмор — не юмор, ирония — не ирония. Вернее всего, пожалуй, — чувство возвышения над той «плохой прозой», которую «пишут времена»: «Но в снах берёз и в воробьином жесте / Ещё моя земля не умерла».

Интервью. Беседы

Ирина Моргулес

А вот так — самим собой!¹

Беседа с Николаем Годиной

Волшебствует луна, вчерашним светом
Коснувшись грани звёздного венца.
То новый день идет, а я и в этом
Еще не разобрался до конца.

Трех сошедших с ума начальников карьера Година не видел, а сумасшествие четвертого — Шапиро — произошло уже при нем. Начальник стоял посреди посёлка на коленях с непокрытой головой под палящим солнцем и что-то бормотал, возможно, молился...

Пятым начальником карьера предстояло стать ему, двадцатилетнему выпускнику Коркинского горного техникума, и он знал, что не выдержит. Было это в середине пятидесятых годов в Кара-Кумах, близ границы с Ираном. Рабочими серных карьеров были сплошь недавние заключенные, в подавляющем большинстве — наркоманы. Время от времени они требовали денег, добывали наркотики, кололись, накуривались и некоторое время работали, как звери. Потом начинался кошмар ломки, и все повторялось. Поскольку наркомании у нас официально не существовало, помощи ждать было неоткуда. Начальник карьера один отвечал за план и порядок...

Вот в такой угол загнала судьба мальчика из трудолюбивой крестьянской семьи, примерного настолько, что его по

¹ Вечерний Челябинск. 1989. 19 мая.

ходатайству комсомольской организации села Чудиново, что в Октябрьском районе, приняли в комсомол в тринадцать лет. Мальчика, публиковавшего стихи в школьной стенгазете и получившего письма из «Пионерской правды» с пожеланиями побольше и повнимательнее читать Пушкина.

Вырваться из Каракумского ада можно было только одним путем. Година пошёл добровольцем во флот. И попал, как говорится, из Огня да в полымя, причём в буквальном смысле. Четыре с лишним года он служил на Тральщике, очищавшем Балтику ОТ мин двух войн. Не всем кораблям удавалось вернуться. Не всем служившим на тральщиках матросам довелось остаться живыми при разминировании...

Короткая справка. Година Николай Иванович. Родился в 1935 году в гоголевских местах: на хуторе близ Сорочинец. В 1939 году семья переезжает на Урал. Окончил Коркинский горный техникум. После службы на флоте 13 лет работал экскаваторщиком Тургоякского рудоуправления. Член КПСС с 1958 года. В 1968 году стал лауреатом областной комсомольской премии «Орленок» (вторым после Бориса Ручьева), с 1970 года — член Союза писателей СССР. Третий год ответственный секретарь областной писательской организации. Автор пяти поэтических сборников.

Не люблю
восклицательные знаки.
Зачем кричать!
Давай поговорим спокойно.

Хорошо помню Николая Годину с середины шестидесятых годов, часто приезжавшего в газету «Комсомолец» из Миасса. Молодёжная газета тех лет, ее редакторы Леонид Вялов и Леонид Доброхотов помогли обрести голос не одному начинающему поэту.

Година удивлял: он не козырял тем, что он — рабочий. Считаться «рабочим поэтом» тогда было чрезвычайно выгодно, и тот, кто перекантовался в цехе с годик, выработав стаж для поступления в институт, гордо вещал в стихах от имени молодого рабочего класса, воспевал мастерок с тормозком, не всегда, впрочем, представляя себе, как они выглядят, и требовал публикаций по праву гегемона. А Година писал лирические стихи, и у него не находилось урапатриотических строк, какими принято было тогда открывать любой сборник. Ни к каким группировкам не примыкал, держался особняком. Жил в общезитии, жену нашёл в комнате рядом, стал отцом двух девочек...

И очень много ездил. По стране и за рубежом — в двух десятках стран.

Все, что я тех долго рассказываю, сам Година уложил в несколько строк верлибра:

География — моя биография:
полтавское небо,
уральский мороз
и первый шаг по земле,
и узкая тропинка до школы,
каракумский ад
и запарка в серном карьере,
балтийский шторм
и стихи об учебной тревоге,
миасская долина
и нулевой цикл семейного счастья.
Города, дороги
и растущая радость возвращения...
География — моя биография.

Вообще-то гладко было на бумаге... Та биография которой может сейчас искренне и заслуженно гордиться Николай Година, совсем не гарантировала ему возможности стать Порядочным человеком.

Мальчишка мог сломаться, стать наркоманом в самом ее начале — в Кара-Кумах. Мы знаем, что этой страшной страстью заболевают и в куда более благополучных условиях. Година спасался книгами.

Четыре с лишней года на минном поле тоже не каждый выдержит. А он для того хотя бы, чтобы иметь возможность выходить за пределы части, поступает в двухгодичную партийную школу, занимается в литературном объединении при газете «Кронштадтская правда», где многому учится у руководителя — капитана Григория Котницкого...

Что, не мог он спиться, как многие его товарищи, когда работал экскаваторщиком? Не год ведь, не два — 13 лет.

Не без соли, не без пота,
Не без праздника души,
Не романтика, работа.
Как ее ни опиши.
Пыль с ковша слетает роем.
Каждый день иду в забой
Не лирическим героем.
А вот так, самим собой.

Лирические герои профессиональным болезням не подвержены, а у Годины естественное следствие сидения в продуваемой кабине экскаватора — больные почки.

Он занимается под руководством писателя Владислава Ромуальдовича Гравишкиса в литературном объединении Миасса, а потом и сам руководит им. Пишет, публикуется, ездит на поэтические семинары.

Вскоре после успеха на 5-м Всесоюзном совещании молодых литераторов, где с поэтами занимались Владимир Соколов, Юрий Левитанский, Евгений Долматовский, он был принят в Союз писателей. Рекомендацию ему дал Василий Казин. Сам предложил, просить такое — не в правилах Годины.

Дано нам слово не для слова,
Для дела слою нам дано.
Беру тетрадь, перо, и снова
Мне нужно позарез оно.

— Знаешь, чем, мне кажется, характерно наше время? — спрашивает Година. — Наступлением хама. И причину этого я вижу не в социальной системе, а в отсутствии нравственно-интеллектуального подхода к жизни. Мы всегда ставили себе задачу произвести как можно больше металла, добыть нефти и т. д., жертвуя при этом культурой, а в итоге — нравственностью. И не хотели задуматься о том, почему, несмотря на все усилия, и нефти мало, и металл плохой. А безнравственный человек не может создавать ценности. Вот возьми хотя бы стол, — и Година энергично бьет по полированной поверхности дорогого, но абы как сделанного стола из гарнитура своего секретарского кабинета. — Мы уж забыли сегодня, как хорошая вещь делается. Отговорки всегда есть: дерево плохое, станки старые... Но я убежден: культурный человек не может сделать плохую вещь. Он не может сознательно сделать что-нибудь плохое. Поэтому сначала — забота о душе, а добыча нефти уже на втором плане должна быть. Сначала — духовная жизнь, от нее и мастерство пойдёт, и трудолюбие.

— Мы разрушили нашу морально-нравственную культуру, — продолжает Година, — увязли а этническом бескультурье. И свою-то нацию плохо знаем, а уж о тех, кто рядом, и подавно ничего не ведаем. Надуманный это лозунг, мертвый: «Все народы — братья». Люди — единое целое.

Година вспоминает, как встретился с генеральным секретарем компартии Канады Уильямом Каштаном. И тот, в частности, спросил:

— Почему ты, украинец, пишешь на русском языке?

Зная, что Каштан родом из эмигрантов, Година пошутил, что он тоже эмигрант, только в другую сторону.

Година может, чтобы избежать затяжного спора, сослаться на свое «хохлацкое упрямство», но когда читаешь его стихи,

понимаешь, что он ощущает себя человеком Земли. Нет, не в том смысле, что не помнит своих истоков, они-то как раз в его творчестве очень заметны, а в ТОМ, ЧТО чувствует себя наследником всех культур, с которыми ему довелось соприкоснуться. Он много видел. Он бывал в лучших музеях мира, бродил по улицам древних и новейших городов. Он читал, наконец, и неотделим теперь от всего, что прочёл, увидел, прочувствовал.

Ищу мысль,
которая никому еще
не приходила
в голову.

Но каждый раз
натываюсь на головы,
в которые никогда еще
не приходила
мысль.

— Я люблю абстрактную живопись, — говорит Година, — мне интересен и такой художник, как Сальвадор Дали. Там, где все ясно, мне неинтересно. И в Поэзии — те же самое.

Николай рассказывает о давней — более 20 лет — дружбе с югославским поэтом Изетом Сарайличем.

— Это ведущий поэт в Югославии, лауреат многих премий. Старше меня на пять лет. Он перевел меня, я стал его здесь переводить. Он очень близок мне по Духу, по складу. И я ему стал близок.

— Увлечение верлибром — от Сарайлича?

— Не только. Я перебрал кучу размеров. Получается нечто формальное, пошлятина, банальщина. Нужна мысль в стихах, а рифмы уведут: мыслишка маленькая, а стихотворение длинное. Верлибр восхитил возможностью экономно высказаться. Мечтаю издать книжку верлибра.

Мучительно для глаз
смотреть на такую красоту.
Нет, чтобы как у всех нормальных,
порадовался — и пошёл себе дальше.

— Нас не учили думать, — повторяет Година.

А я, глядя на него, считаю, что тот, кто хотел научиться,
тот научился.

Сам. Отыскивая себе учителей, поднимаясь по ступеням,
порой слишком крутым для того, кто идет без посторонней
помощи.

Мальчик, не ходивший в школу до девяти лет потому, что
не а чем было выйти из дома, стал поэтом, стал человеком
обширных знаний, твёрдых, но не закоснелых убеждений.
Человеком, тонко чувствующим прекрасное и стремящимся
создавать его...

Он сделал себя. Наперекор судьбе, бросавшей его в такие
условия существования; что, казалось бы, неминуемо должны
были загасить огонек творческого начала в нем. Он вполне
мог стать одним из таких «хамов», которых Година считает
главной опасностью нашего времени.

Не ругаюсь, сажу не глотаю,
Не потею — жизнь моя легка,
С дураками время коротаю,
С умными валяю дурака,
Так и жить по-махоньку б, не спору
До того назначенного дня.
Только руки подло, как у вора,
Чешутся без дела у меня.

Это из ранних — ну совсем юношеских стихов.

Юрий Богатенков

Нет слов, только слезы¹

Вчера ночью в Красноярске на 78-м году жизни умер русский писатель Виктор Петрович Астафьев, последний классик минувшего века. Даже когда соцреализм уже задыхался в душных объятиях постмодернизма, новые русские издатели видели в нем свою надежду и опору. Даже литературные критики не могли найти в его нехитрых книгах изъянов! Зато, очевидно, и баловали изредка премиями и почётными званиями. А он себе посиживал в таежной глухомани, писал с утра до ночи, да изредка «давал прикурить» залётным репортерам — что ни интервью, то чистый динамит. Здесь тебе и дерзость суждений, и мудрость много пережившего человека, и сам язык — богатый, смачный и простой. Нам будет не хватать этих разговоров с Астафьевым.

В Челябинске живет Николай Иванович Година, тоже писатель и поэт. О его давней дружбе с Виктором Астафьевым наслышаны многие, и поэтому наш звонок к Године был вчера далеко не первым. Сам Николай Иванович только вернулся с почты, отправил в Красноярск короткую телеграмму с такими словами: «Слов нет, только слезы». Пять дней назад он увидел грустный пророческий сон: «Приснилось мне, что Астафьев умирает, а я плачу. Потом он чудным образом выздоравливает, и на этом сон кончается. Утром я сразу к радио, новости слушать. Однако все нормально, живой он».

— Николай Иванович, вы когда в последний раз в Красноярск звонили?

¹ Уральский курьер. 2001. 30 нояб.

— Три дня назад разговаривал с его женой Марией Семёновой Карякиной. Как раз в «Аргументах» вышла статья про их семейную жизнь, вот я и позвонил узнать, как дела. А она очень крутая женщина, на четыре года старше Виктора, его ангел-хранитель и личный редактор. Тоже член Союза писателей. Так она ругалась на газетчиков — что-то они по своему обыкновению перевернули. Рассвирепела, пригрозила им судом. А потом сказала, что дела плохи: Виктор Петрович в больнице лежит и начал слепнуть...

— Говорят, что его 1 декабря хоронят, в родном посёлке?

— Да, на кладбище рядом с дочерью. Он в 2000 году церковь в Овсянке построил, взамен той, что до войны разрушили. Я тогда приезжал к нему, и Виктор Петрович сказал: «Здесь меня крестили, здесь будут отпевать». Первый-то инсульт случился 1 мая прошлого года, когда узнал, что какие-то бродяги сожгли его домик в Быковке. Это где он раньше жил, в Пермской области. А второй инсульт позже был, когда приехали какие-то репортеры к нему в Овсянку. Зашли с видеокамерами, давай ходить по ограде, снимать на пленку. А он как раз работал. Вспыллил, взял дрын и выгнал их за ворота. Те тогда на кладбище поехали снимать — а там как раз два овсянских мужика кувалдами рушат ограду и в машину грузят. Один — милиционер, местный. А могила-то была дочери Астафьева...

— Николай Иванович, любят Астафьева у нас в Челябинске? Много у него поклонников?

— Думаю, что много. С утра звонят. Литераторы звонят, просто книголюбы.

— А какой он в жизни был? Неистовый, как и в творчестве?

— Максималист он был. Душевный мужик, но дискомфортный — беспокойство витало вокруг него. И в книгах всем от него досталось — и русским, и евреям, и грузинам, и даже маршалу Жукову — когда написал, что тот клал тысячи солдатских жизней за какой-нибудь пригорочек. Точка зрения рядового фронтовика... Хотя в жизни хорошо

относился хоть к евреям, хоть к грузинам, не говоря уже о русских.

– **Легко с ним было общаться?**

– Легко. Очень он был сентиментальный. Жесткий, но сентиментальный. И язык обычный, но ни на кого не похожий. Никто так больше не напишет и не скажет. Помню, в Москве пришли на съезд писателей, когда противостояние с коммунистами началось, с Бондаревым и другими, когда Астафьев вышел из президиума. Вышел он, значит, из президиума и говорит мне: «Пошли, Коля!» И пошли мы в ресторан ВТО, там его дожидались издатели. Пришли, Виктор и говорит: «Знакомьтесь, челябинский поэт Коля Година. Вы же знаете — г... с собой не привожу». А потом пошли в театр к Алеше Петренко на спектакль. После спектакля — к Алеше домой, водки выпили с салом, какое Петренко сам солит... И еще говорил: «Ребята, не лезьте в политику!» Но сам, когда спрашивали о политике, не юлил и свою точку зрения высказывал.

Михаил Фонов

Годы и години поэта¹

Когда к поэзии приходит старость, если она приходит к ней? Несмотря ни на что, Николай Година выпустил новую книгу стихов. Она — «другая». В ней другая мелодия, другая музыка и другие слова. Что случилось?

— Николай, твоя последняя книга стихов называется «Музыка легкого поведения», но легкого в ней маловато, преобладает тяжёлое.

— Это лукавство. Обыгрывая легкую музыку и легкое поведение, я отрицаю и то, и другое. Я отрицаю «легкую музыку» сегодняшней жизни.

— Не потому ли в твоей поэзии стало так много грубой прозы? Напомню: «Хорошо в краю родном, пахнет... тем и этим. Этим как-то больше днем, ночью тем, заметим». Или: «Опузырели мужики от пива, шпикачками напругли на жаре». Или: «В огромном, чуть сползшем набок, животе урчит, гудит, шевелится и вздрагивает, как в болотной трясине, изредка с громким выхлопом вырывается наружу». Вообще в книге много стариков, шерудящих в помойках, тухлых баках, охламонов и тяглых до выпивки шараг. Да, это написано выразительно, но слишком прозаично. Что скажешь?

— Раньше критики считали меня лириком. Так оно и было. В моих стихах нет ни паровозиков, ни партии с правительством. Я был лириком. В стихах предпочитал выра-

¹ Интервью XXI века : сборник интервью. Екатеринбург : Лазурь, 2008. 328 с.

жать свое отношение к природе и к человеку через душу и сердце. С перестройкой нагрязнула такая жуткая эпоха, что и я взбунтовался, выплеснул свои эмоции на злобу дня, в ответ на чернуху нашей жизни. Это бунт против сегодняшней ситуации. Я не нашёл лирических слов, чтобы сказать об этих помоях, воровстве, пьянстве, пошлости. Теперь я вновь ухожу в лирику. Пыль оседает в моих стихах.

– У тебя есть такая строка: «Надо ли весной писать стихи?» Прости, но я спрошу тебя по аналогии: надо ли в старости писать стихи?

– Я думаю, от поэзии вылечиться трудно. Когда-то я написал стихи, смысл которых сводился к тому, что сегодня внутренне мы те же, внешне до обидного не те. А было мне тогда 24 года. Теперь, как оказалось, эта формула заработала. То есть я, старый ломоть, все так же люблю природу. И женщиной люблю так же. Планка красоты не снижается.

– Александр Межиров сказал, что писать стихи до тридцати – почёт, а после тридцати – срам. Я с ним не согласен.

– Но это же почти закономерно: в зрелом возрасте поэт переходит на прозу. Я стал писать прозу еще в молодые годы. Малую прозу. Малую, потому что я ленив до ужаса. Мне не хватает терпения, чтобы много писать. Хотя известный критик Владимир Огнев и тоже известный Александр Михайлов говорили мне: «Николай, попробуй прозу, у тебя получится. Только не пиши тургенизмы». А я как раз, пожалуй, тургенизмы и пишу. Это проза поэтическая.

– Все-таки с годами у человека неизбежно пропадает запал оптимизма, все явственнее нотки обреченности, близкого конца. Но поэзия: имеет ли она право ввергать своих читателей в уныние, в безысходность? Хочется сказать: говори, поэт, если внушаешь надежду, а если нет надежды – умолкни.

– Я думаю, поэзия имеет право на все. В том числе и на грусть-печаль. Как ни странно, люди любят, когда им сыплют соль на рану. Особенно читатели моего возраста. Одна читательница говорила мне о грустных стихах: читаю

и плачу. Поэзия необязательно должна быть светлой. Она должна быть нравственной. Все, что нравственно, светлое или тёмное, я принимаю. Я боюсь быть безнравственным.

— **Очевидно, что тема леса в твоём творчестве — особая. Можно даже сказать, что без леса не обходится ни одно твоё стихотворение. Лес у тебя «соборный», «исполненный высшего смысла». Деревья у тебя танцуют: «Берёз, почти воздушных, классический балет». Деревья у тебя красноречивее людей: «Прекрасен язык, на котором говорят деревья». И «лес мыслит, как поэт». И «я слушаю молчанье леса». И нет ничего прекраснее леса: «Слежу за тихой красотой, условно названною лесом».**

— Лес для меня — народ. Народ, к которому я больше тяготею.

— **А что, ты не любишь людей?**

— Так прямо сказать нельзя. Но лес я люблю больше, чем людей.

— **А что, лес — это не люди?**

— Это люди, но другие.

— **Инопланетяне?**

— Нет, они земные существа. Я иду к ним, как к своим друзьям. Мне приятно быть с ними.

— **Наверное, приятно: они молчат...**

— Они не молчат.

— **И водку они не пьют. И животы у них не урчат.**

— Я об этом не задумывался. И я их ни с кем не сравниваю. Бывает, в одной семье мне хорошо, а в другой — нет. Или так сказать: лес для меня — храм. Я хожу туда очищаться.

— **Были и есть пустынники, которые уходили от людей в одиночество. Они уходили от людей, потому что не любили их? А те, которые с удовольствием возвращаются среди людей, которые на балах, банкетах, приёмах, презентациях и тусовках как рыба в воде, они любят людей больше, чем скитники?**

— Не знаю, кого они любят, но я их не люблю.

— **Так те или эти?**

– Не те и не другие.

– **Но для тебя лес — тот же скит.**

– В какой-то степени. Точнее, мне лес не мешает жить, а люди — мешают. И часто. И когда они меня достают, я иду к деревьям.

– **Ты уходишь в лесное одиночество от обиды на несовершенство человеческого рода?**

– Это скорее на уровне подсознания. У меня нет никаких конкретных претензий к людям.

– **На этом и сойдемся. А в заключение я прочитаю тебе годининские стихи. Точнее, одно стихотворение. Короткое. Но, так сказать, классическое:**

Взглянул, будто вынул занозу.
Серебряной рощи кольцо,
Где каждую, с детства, берёзу
Я знаю не только в лицо.
Колодец у бани; как буки,
Два пугала по-над межой...
Здесь родина с маленькой буквы,
Здесь Родина с буквы большой.

Ты нарисовал простенький, скупой, приземлённый пейзажик: берёзовая рощица, колодец, баня, пугало. Особенно характерно это пугало. Это чучело, «манекен», нечто клоунское. За клоунским кривляньем ты прячешь свою боязнь впасть в сентиментальность. Ты, как водится, при-
нижаешь, чтобы возвыситься.

– Для меня природа и родина — одно и то же. Когда-то меня «били» за то, что у меня, мол, нет стихов о родине. А я отвечал: смотрите, стихи о берёзке — это и есть о родине.

– **Будем надеяться, Николай, что жизнь повернется к лирике и повернет к ней тебя. Годам вопреки.**

11 октября 2003 г.

Эльдар Гизатуллин

Николай Година: «Мне среди деревьев уютнее, чем среди людей»¹

Следует признать: южноуральская земля богата ценным камнем и рудами, но вот на писателей и поэтов оказалась скуповатой. Однако даже из этого правила есть исключения, тем более ценные своей самобытностью.

Из известных имен прошлого можно назвать в качестве примера, пожалуй, Бориса Ручьёва, а из ныне здравствующих — Николая Ивановича Годину. Судьба у него оказалась столь необычной и богатой на впечатления, встречи с известными и интересными людьми, что, наверное, не стать поэтом он просто не мог. Впрочем, надо сказать, что хоть и прожил он почти всю жизнь на Южном Урале. А родом все-таки из совсем других мест — еще ребенком приехал сюда из Украины.

— Как вы оказались в уральских краях?

— Это случилось в 1939 году. Сам-то я родом из «гоголевских мест» — недалеко был Миргород, Сорочинцы, Диканька. По Украине прошёл страшный голод, мне отец рассказывал, как ездил по деревням, собирал на телегу трупы. А однажды к нам приехали вербовщики с Урала, обещали землю и дом. Подумали мы, погрузились в вагон, ехали целый месяц и в итоге оказались в Октябрьском районе Челябинской области, в селе Чудиново.

¹ Аргументы и факты Челябинск. 2005. № 14 (585). Апр.

В школу я пошёл только в 10 лет, хотя умел и читать, и писать. Рано пристрастился к книгам — у меня за печкой даже целая библиотека была. 15 книг — это по деревенским меркам прилично. Помню, были там «Сказки дядюшки Римуса», «Дети капитана Гранта», Купер. А самый ценный экземпляр — огромную книгу Шолохова — я выменял на радиоприемник «Комсомолец».

— Тогда и начали писать, еще в детстве? О чем были первые произведения?

— Да, с детства еще писал — и стихи, и даже романы. А романы о чем... Все просто было: посмотрел фильм про войну — вот и сел писать о войне. Были и басни, и пьесы. Однажды с ребятами во дворе поставили пьесу, собрали самые настоящие деньги, на которые сходили на фильм «Чапаев».

— Ну, вам, вероятно, прямая дорога в Литературный институт была!

— Нет, не все так просто оказалось. Я поступил в 16 лет в Коркинский горный техникум. Я же о горах мечтал — кто же знал, что после учебы придется не в горы лезть, а, наоборот, под землю спускаться! Поначалу определили меня на титановые рудники — я и понятия не имел, чем это опасно. Слава богу, нашлись добрые люди, отговорили! Но взамен меня послали на серные рудники в Каракумы.

— Поменяли шило на мыло, так сказать...

— Конечно! Так еще и работники все сплошь наркоманы! До меня четыре начальника смены с ума сошли — сказался безумный коктейль из опиума, водки и жары. Знаете, как там опиум курили? Разводили костёр, раскаляли какую-нибудь железяку, помещали туда горошины сырца, крутили из газеток кульки и через них вдыхали образующийся дым. После этого шли весёлые на работу — и жара была нипочем! Правда, потом точно мёртвые валялись.

— Интересно, где же они в пустыне опиум-то брали в те времена?

— Как где? В Афганистане, он же относительно рядом был! Снаряжали раз в три дня гонца, он пешком туда и топал. Граница же вообще не охранялась. В общем, по-

работал я несколько месяцев, а потом написал заявление о приёме добровольцем в армию.

Из пустыни попал на море — вылавливал мины, оставшиеся после войны, в Балтийском море. Служба была трудная, многие погибали, только об этом тогда не сообщали, разумеется. На флоте познакомился с Сашей Ивановским, внуком знаменитого режиссёра Ивановского, который поставил «Укротительницу тигров», другие картины. Мы с Сашей как-то даже письмо Хрущеву написали — просились в Египет воевать. Но не успели на войну, демобилизовались, а наши корабли, я слышал, после продали Албании. А в Египте я все-таки побывал, но много позднее.

— Неужели продолжали писать стихи даже на серных рудниках?

— К стихам я вернулся только на море. В Кронштадте стал ходить в литобъединение. Кстати, именно режиссёр Ивановский одним из первых похвалил мои творения. Начал публиковаться с 1957 года. Но существовал всегда как бы в двух ипостасях — поэт и обычный рабочий. Я же вернулся в Миасс и работал на экскаваторе, надо было семью кормить, дочек.

Однако я продолжал публиковаться, а в 1970 году был принят в Союз писателей. Попутно возглавлял миасское литобъединение, им руковожу вот уже 40 лет. Удалось и попутешествовать немало — от того же Египта до Каналы.

— Как же это удавалось на зарплату экскаваторщика?

— Зарплата, между прочим, была неплохая, но ведь я вскоре стал секретарем Союза писателей. Но я не только стихи писал, еще и переводами занимался — с польского, украинского, боснийского.

А вообще язык — это моя страсть. До сих пор собираю исконно русские слова, о значении которых многие и не помнят. К примеру, слово «охриять» значит выздороветь, «муторошь» — тоска, «средокрестие» — перекрёсток, «спрят» — тайник, «стрекнул» — прыгнул, — «печливый» — заботливый, «мешкотун» — медлительный человек. Я многие слова еще по деревенской жизни помню. Очень они мне помогают в творчестве.

– **Знаю, что многолетняя дружба связывала вас с Виктором Астафьевым...**

– Да, я познакомился с ним еще в 1966 году на совещании молодых писателей в Кемерово. Возили нас по всяким заводам и шахтам, после обязательный банкет, на котором иные классики «угощались» так, что их потом в гостиницу на носилках отвозили. Астафьеву понравились мои стихи и он обычно меня первым выпускал на сцену. После, когда я возглавил областную писательскую организацию, неоднократно встречались мы в Москве. У нас появились и общие друзья, среди которых и весьма известные люди — например, актер Алексей Петренко, родившийся в тех же местах на Украине, что и я. Бывали вместе у него дома и в театре.

Астафьев два раза гостил у меня в Челябинске, ночевал вот в этой квартире. Я его возил на Тургояк и в Златоуст. По Челябинску он гулял в телогрейке и резиновых сапогах. Жена ему, конечно, уложила в чемодан и костюм, и туфли, но он боялся. Что потом так красиво все обратно не уложит, и потому ходил по городу настоящим сибирским мужиком.

– **Какой он был человек в общении?**

– Неоднозначный был человек, конечно. Пел хорошо, любил анекдоты рассказывать, мог частенько и крепкое словцо вернуть. Его жена, когда он сильно разойдётся, говорила: «Ну, пылит пехота!» мне постоянно говорил: «Коля, главное, не лезь в политику!», а сам был очень задиристым. Самая глубокая тоска его была по тому, что все меньше остается в нас исконного, национального. Однажды на одном совещании в курилке стояли мы все вместе, и Василий Белов жаловался: «Купил дочери сарафан. А она его не носит, джинсы предпочитает!» Астафьев ему ответил: «Этому противостоять — все равно что влезть в середину реки пытаться остановить ее течение!» Он, кстати, сильно рассорился потом с другими так называемыми почвенниками — и с Распутиным, и с Беловым.

– **Да, известно, что совсем по-иному оценивали перемены в стране, крушение советской власти...**

– Да, а Астафьев коммунистов просто ненавидел! И со всякими секретарями обкомов всю жизнь воевал! Тому есть

и личные причины. Когда он жил в городе Чусовом в Пермской области, его жена потеряла талоны на питание, а у них была маленькая дочь. И в результате девочка умерла, можно сказать с голоду. Так что, когда кто-то начинал говорить о добром советском времени, когда все были защищены советской властью, Астафьев, конечно, выходил из себя.

В тогдашнем времени было много абсурдного, даже идиотского — я в этом с ним согласен. Например, присылают нам на рудоуправление орден с наказом — наградить женщину до 30 лет, чтобы ударница была обязательно, с безупречным моральным обликом. Вот и ищем ее — то ударница, но старше 30 лет, то младше, но с обликом подкачала... В итоге спихиваем этот орден какой-то техничке! Маразм! Или эти ограничения в деревнях: 5 куриц можно держать, а больше — плати налог; 10 деревьев — нормально, а больше — себе дороже! Зачем?!

— **Сейчас, конечно, совсем другие проблемы.**

— Я в этом отношении пессимист. Ницше прав: человек развивается по нисходящей. Мне среди деревьев уютнее, чем среди людей, хотя Астафьев меня за это критиковал в предисловии к моему сборнику стихов: «От людей никуда не деться, так что пусть тебе будет среди них так же хорошо, как и среди деревьев».

— **Понятно, что Астафьев для вас наивысший авторитет. А какие еще писатели вам близки?**

— Андрей Платонов, Сергей Довлатов, Виктор Конецкий. Валентин Распутин мне не нравится — слишком правильный, как пионер, у которого и уши чистые! И наперед знаешь, чем у него там все кончится, никакого интереса читать. Не люблю Сорокина, Ерофеева — как Виктора, так и Венедикта. По поводу «Москва — Петушки» могу сказать, что это гениально написано, но вот зачем? Литература должна улучшать, возвышать человека. Это задача трудная. Мы ведь, россияне, как тельняшки — сплошные контрасты, тёмное и светлое.

Михаил Фонов

Ты о чем поешь?¹

Разговор о поэзии с известным уральским поэтом
Николаем Годиной

Очень хочется, чтобы культура вышла из своих переулков-закоулков на широкую дорогу, чтобы жизнь, творящаяся вокруг, ее трогала и волновала, чтобы не парила она над толпой, а была в ней, но не терялась в толпе, чтобы была она полезна и необходима людям, уважаема и почитаема ими, чтобы чаще поднималась она к своему высокому рангу, к своему поприщу — уникальному, никем не постигнутому умению входить в души, разжигать в них огонь и варить в нем бессмертную кашу доброты.

Неужели культуре не стоит посягать на то, чтобы изменить мир? А что следует ей тогда? Неужели не культуре быть властительницей дум? Если не ей, то кому? Неужели не культура — совесть народа? Если не она, то кто? Вот — поэзия. Почему она — в дальнем обозе? Кто в том виноват? Иногда думаешь: сами поэты. Иногда: все, кроме них. Иногда: само время. Иногда: никто.

— Николай Иванович, сразу же, в самом начале разговора, я хочу тебя спросить о главном: сформулируй, пожалуйста, одной фразой, что ты хотел сказать людям своими стихами, своим творчеством.

— Я хотел спровоцировать читателя на мир, который вижу своими глазами. И все.

¹ Челябинский рабочий. 2009. 19 ноября.

– Спровоцировать?

– Да, привлечь его к моему миру.

– Зачем?

– Чтобы он, после меня, увидел мир — своими глазами.

– **То есть ты своему читателю прямо не хотел сказать ничего?**

– Только одно: обрати внимание. Например, на лес. Я хотел бы разбудить творческое начало в человеке.

– **Но почему ты не хочешь что-то сказать читателю прямо без околицы?**

– Прямой контакт не интересен.

– **Значит, «слушайте, товарищи потомки» — не для тебя?**

– Это другая поэзия. Я к ней не принадлежу. Да, я могу назвать себя социальным лириком. Я заведомо лирик, но не отрываюсь от жизни. Я от мира сего.

– **Почему я завёл этот разговор? Меня интересует смысл поэзии. О чем она? Ее содержание. И соотношение содержания с формой. Скажи, пожалуйста, ты о форме своих стихов думаешь? Если думаешь, то когда? Перед стихом или после?**

– Меня она заботит в малой степени.

– **Я прошу прямого ответа.**

– Прямой ответ: я форму не выбираю. Она сама приходит. Как выльется.

– **А какая выльется? Хорошая или плохая? Какая форма хорошая? И какая — плохая?**

– Мне неважно, какая она. А для Андрея Вознесенского, наверное, — важно.

– **А почему тебе не важно?**

– Я вообще редко использую технические приёмы.

– **Бывают стихи — четыре строки, а в них восемь образов, пять сравнений, россыпь эпитетов... Это хорошая форма?**

– Скажу о себе. Я не представлю будущего стиха без мысли.

– **Значит, ты знаешь: если тебе очень хочется что-то сказать и сказать хорошо, так, чтобы «дошло», если ты сам**

взволнован и наполнен эмоциями, то о форме можно не беспокоиться.

– Да, если мне есть, что сказать, то форма меня не интересует.

– **Прекрасно. Значит, надо иметь, что сказать. В каждом стихотворении. А во всех вместе?**

– Да. Но я не люблю любовных решений.

– **Хорошо. Возьмём поэта, который «идет с ярмарки». Позади годы, хочешь не хочешь, надо подводить итоги. А что в итоге? Зачем написаны и изданы тридцать сборников?**

– Наверное, этого делать не надо.

– **Не надо подводить итоги? Пушкину надо, а тебе – нет? Не надо самого себя спросить: зря или не совсем? Или, может быть, все – в пустоту?**

– А кто знает? Может, и так...

– **Как? Поэт совсем-совсем не знает себе цены?**

– Не знает.

– **И все равно пишет?**

– Это трудно сформулировать.

– **Тогда спрошу иначе: ты больше обращаешься к природе и меньше – к человеку?**

– Да, с этим у меня, как известно, проблема. Мне лес ближе людей.

– **Ты разочарован человеком?**

– Я им и не очаровывался. Я воплотил человека в природу. Природа – основное. А человек – всего лишь ее элемент.

– **Но ты неизбежно очеловечиваешь природу. Кто для тебя берёза? Женщина.**

– Да, конечно.

– **Но «воспевать» человека не хочешь?**

– Не хочу.

– **Почему?**

– Проще сказать, что у меня это не получается.

– **Ты его не любишь?**

– Меньше, чем природу. Я от него не в восторге. Он – что-то рядовое.

– Может быть, это обида на человека? На то, что он не такой, как хотелось бы?

– Не обида.

– Может быть, так: я тебя, человека, хотел любить, но ты мне этого не позволяешь. И поэтому я ухожу от тебя в природу. Так?

– Человек мне не интересен. Он примитивен. Дерево интереснее.

– Ну, знаешь... Дерево сложнее человека?

– Сложнее. Я подобен всем людям. Я знаю себя. Я знаю тебя — через себя. Знаю его — через себя тоже. Я знаю всех. И все. Больше ничего интересного. А травинка — тайна. Человек — не тайна. Я его постиг.

– Ты постиг человека, сплетённого из противоречий, в которых никто никогда не разберётся? Человек потому и непостижим, что в нём есть все. И все перемешано.

– Это философия.

– Тогда — о другом. У меня такое впечатление, что некоторых пор поэты стремятся к сложности. Чтобы было малопонятно. Чем сложнее, тем будто бы мудрее, тоньше и все такое.

– Что значит сложность? Сложность — это препятствие перед простотой. А современные поэты не могут писать простых стихов. Или в их стихах так много личного, конкретного, мимолётного, что их надо расшифровать.

– Я так думаю, что каждый поэт должен заботиться о том, чтобы быть понятным. Если ты пишешь и тебе безразлично, понят ты или нет, — не абсурд ли?

– Абсурд, но многие успокаивают себя тем, что их поймут в своей тусовке.

– Но если поэту неважно, сколько его читают и понимают, то, согласишься, это позиция. Это общественная позиция. «Мне наплевать, сколько вас там». А иным читатель и вообще не нужен.

– Это лукавство. Или соревнование, кто покучерявей скажет.

– Или признание: мне нечего сказать. Поэзия отказывается сама от себя. Она согласна на самоуничтожение. Она ничего не хочет. Содержания – никакого. Если что осталось, то – форма. Одна. Без содержания.

– Это ходьба по кругу. Сам себя догоняй. Примерно так.

– Но если в тупике не только поэзия, а вся литература и все искусство, то значит, нечего пенять на то, что культура в обществе не ценится, что культура – нищая? Что заслужили, то и получили.

– Это, скорее всего, политика. Кому-то надо, чтобы оторвать человека от культуры. И дать ему другую, «новую» культуру. Выставить писсуар и сказать: вот искусство.

– Но, может быть, кризис культуры, все ее перекосы не зависят ни от поэтов, ни от политиков, ни от кого, а от времени? Какое время, такая и поэзия. Попал в безвременье, и поэзия ни о чем. Когда смута и анархия, поэт не понимает, куда ведет его рок событий. То ли ему говорить, то ли молчать, то ли сходить с ума.

– Да, наверное, мы работаем на время, в которое попали.

– В конечном итоге, как я думаю, поэт может сказать одно: я люблю человека и все человеческое. И только. Ведь он голос человека. Голоса бывают разные, но суть одна.

– Еще раз скажу: человек мне интересен, но не напрямую.

– Я не сомневаюсь в том, что человек тебе интересен. Но ты стесняешься сказать об этом прямо. Всю жизнь ты уходил от дидактических, датских, прямолинейных, любовных стихов, которых требовало советское время. И ушел слишком далеко. В лес. И разговариваешь с деревьями, как с людьми.

– Может быть, и так.

Михаил Фонов

Поэт Николай Година и обозреватель
«Челябинского рабочего» Михаил Фонов
выясняют вопрос:

Есть ли у нас писатели?¹

– С чего начнём? С «утки»?

– Да, прошла такая «утка». На собрании писателей Нина Пикулева вдруг встает и говорит: «А вот Година был у Юревича, и Юревич будто бы спросил: разве у нас есть писатели?»

– Хорошая завязка. И что дальше?

– Я сразу объяснил присутствующим, что у Юревича никогда не бывал на приёме. Также, кстати, как у Сумина, хотя отношения у нас были хорошие.

– Но откуда эти разговоры?

– Я предполагаю, с той встречи, когда мы собирались в «Челябинском рабочем» по поводу литературного музея. Тогда тоже прозвучал тот же сокровенный вопрос: есть ли у нас писатели?

– Вопрос-то, однако, насущный.

– Я вспоминаю, как-то, давно уже, мне позвонил вице-губернатор Андрей Николаевич Косилов и попросил популярно ответить на все тот же вопрос: есть ли у нас писатели. И я по списку, субъективно, конечно, на свой вкус, сказал ему, кто чего стоит.

– Такая консультация, скажем так, по специальному вопросу, наверное, необидна?

¹ Челябинский рабочий. 2011. № 29. 17 февр.

— Согласен. В самом деле, если Михаил Юревич не знает писателей области, то прежде всего надо разобраться, что мешает писателям и губернатору познакомиться и кто должен сделать первый шаг.

— **Да, конечно, но как им познакомиться?**

— У меня было такое предложение: издать книгу о писателях Южного Урала, которая бы ответила на этот вопрос. И я говорил: прежде чем просить помещение для литературного музея, надо доказать, что мы существуем, что музей нужен как раз для того, чтобы о нас узнали шире.

— **Значит, тогда речь шла о музее. А для кого? Для писателей? Или для читателей?**

— Кто его знает. Что касается моего мнения, то музей, конечно, нужен. И не для того, чтобы там выставить пишущую машинку и письменные принадлежности. Музей должен вести какую-то научную работу. Ведь это общая беда: южноуральцы мало знают о своих писателях. От самых первых до ныне здравствующих. Так что вопрос о том, есть ли у нас писатели, могут задать многие.

— **А все-таки есть ли они?**

— Есть. Были и есть. Мы можем назвать пять-шесть имен, а если поднатужиться, то можно и десяток набрать — настоящих писателей, известных в области и не только здесь.

— **Имена?**

— Я не хотел бы называть имен, потому что, это очень субъективно.

— **Но если ты назовёшь поэта Михаила Львова, то возражений, я думаю, не будет.**

— Из старых писателей я могу назвать двоих. На первое место поставлю Бориса Ручьёва, а на второе — Михаила Львова. А в запасе останется еще десяток имен, которые пользуются заслуженным успехом и известностью.

— **А как быть с остальными? Их куда?**

— Я считаю, что у нас литераторы делятся на две партии — профессионалы и любители. С некоторых пор стало известно, что у нас в России всего четыре профессиональных писателя, тех, которые зарабатывают на жизнь своей

профессией: это Илья Резник, Андрей Дементьев, Лариса Рубальская и Игорь Губерман. Критики с большой долей иронии относят их к профессионалам. Это — в России. Что говорить о Южном Урале? Я много лет занимаюсь с писателями-любителями в Центре народного творчества и литературных объединений. Читаю горы их произведений. Это — любительство, самодеятельность. А почему нет? Из них очень редко выходят серьёзные писатели. Редко, но выходят. И пусть люди пишут стихи, если им это нравится. Так было и раньше, в советские годы: где-то раз в пять лет мы принимали в союз писателя, который преодолел уровень самодеятельности.

— **А сегодня как?**

— Сегодня, по-моему, у нас около 80 членов Союза. Недавно мы приняли сразу 11 человек. При этом и такса в члены Союза поднялась до столичной — с трех до пяти тысяч рублей.

— **Это плохо?**

— Плохо. Потому что такими приёмами мы уронили авторитет писателя ниже некуда. Берем количеством. Прихожу, смотрю — выходит батюшка с крестом, его принимают в союз. Рекомендующий первым делом доводит до сведения, что батюшка пожертвовал тысячу рублей в писательскую казну.

Вот и я спрашиваю: как губернатору вести себя с такой писательской организацией? Как он может помочь 80 писателям?

— **Хорошо. Допустим, 10 писательских имен у нас есть. А сколько наберется самодеятельных?**

— Думаю, не десятки, а сотни.

— **В том-то и дело, что никто не считал. Не нашлось такого человека, который бы занялся местным литературным процессом. Как-то его собрать в кучу. А собрав, взвесить. Расставить по полочкам. Впасть в анализ... Но чего нет, того нет. Дальше было бы интересно узнать, сколько всего тех, кто посещает какие-то литературные кружки. И прикинуть, сколько тех, кто никакие кружки не посе-**

щает, но пишет что-то «для себя». Сотни их, или, может быть, тысячи. А сколько тех, кто читает нашу поэзию и прозу? Их, может быть, тоже тысячи. Наконец, сколько тех, кто покупает книги? Кто держит их в своих библиотеках? А сколько проводится встреч с писателями, вечеров поэзии в клубах и библиотеках? То есть никто не знает какова наша литературная среда, как и чем она наполнена. Может быть, если ее мало-мальски изучить, окажется, что есть что сказать губернатору. И есть необходимость в музее.

— Не знаю, кого винить в том. Наверное, все виноваты. Приведу такой пример. В одном из городов области я выступал в библиотеке. А после меня попросили подарить библиотеке книги. Я им, конечно, подарил. И спрашиваю: «А что вам не выделяются деньги на пополнение фондов?» «Выделяются, — говорят, — но мало. В этом году 500 рублей всего». «И что вы купили?» «Дарью Донцову». Потому что спрос на нее. Значит, теперь уже и библиотекарь пошёл на поводу у спроса. Кстати, в свое время при губернаторе был создан редакционно-издательский совет, который рекомендовал администрации, какие книги местных авторов достойны издания. Почему бы не возобновить эту практику?

— Ты говоришь о диктате спроса. А как относиться к спросу? Отвергать? Подлаживаться к нему? Молиться на него?

— В свое время проводились читательские конференции. Вышла книга — конференция. Люди собирались и обменивались мнениями. Ничего подобного теперь нет. Теперь все — на рынке. Посмотри в книжном магазине, в каких роскошных томах выпускается «поэзия» Ильи Резника. Но разве это литература?

— Илья Резник пишет тексты для песен. А челябинские поэты пишут тексты для песен?

— Наверное, кто-то пишет.

— Но кто?

— Я не знаю. Во всяком случае, я сам не пишу. Много ли радости, если композитор написал на мои стихи плохие песни? От меня требовали чего-то лирического. Или псевдо-

народного. Или к съезду партии. Из всех песен мне самому понравился романс, который написал Андрей Крамаренко на мои стихи. Но не хочу винить композиторов, виноват я сам, потому что мои стихи не песенные. Правда, сегодня пишут музыку на стихи Мандельштама, а их песенными тоже не назовёшь.

— Когда на каком-то концерте, на котором присутствует, как говорится, цвет области, в том числе и местная власть, объявляют песню о Челябинске (музыка Александры Пахмутовой, текст Михаила Львова), это, согласись, звучит, это и есть создание известности, полезности и спроса. Вся область узнает, что есть на Южном Урале поэты! И именно они делают то, что никто кроме них не сделает, — прославляют свой край. А иначе зачем они? Чтобы прославлять вечные ценности, о которых никому неизвестно? Пушкин с Лермонтовым нисходили для текста для песен, а наши писатели выше этого. Точно также они всегда относились к сотрудничеству с прессой. А ведь газеты имели тиражи в сотни тысяч экземпляров. Писатели должны были штурмовать редакции, чтобы выйти на их страницах к читателям. А они ждали, когда к ним придут с поклоном. И чего дождались?

— Но ведь нигде же стихи не печатают, в том числе и в «Челябинском рабочем».

— Не убедили. Но зайдём с другой стороны. Сейчас каждый город, каждый район имеет свой гимн. Кто написал тексты для них? Наши признанные поэты?

— Есть и наши.

— Может и есть, но мне попадались беспомощные тексты именно самодеятельных авторов. А почему так? Я думаю, потому, что местные писатели не принимают близко к сердцу местную жизнь. В таком случае какую жизнь они принимают близко к сердцу? Соседскую? Столичную? Заграничную? Или какую-то абстрактную? Они хотели бы быть выше злобы дня?

— Тут с тобой можно поспорить. Пушкин с Лермонтовым не писали тексты специально для песен. Чайковский прочи-

тал «Евгения Онегина» и написал оперу. Но, конечно, надо идти на встречу друг другу. Надо быть активнее.

– Давно надо было выйти из лирических окопов.

– Ты прав, но сегодня уровень литературы так упал...

– Досиделись. Не упал, а уронили сами. В атаку бросились другие.

– Но ведь есть и такие авторы, которые не опускаются до уровня бульварного чтива. Им-то и требуется помощь властей. Не все же кинулись на рынок.

– Но, может быть, можно работать талантливо и на рынок? Боюсь, что такой мысли и не возникало. С рынком или без рынка, но надо, чтобы было интересно. Чтобы захватывало. Надо зацепить, если на то пошло, с первой же страницы, с первой же строки. Писатель должен уважать своего потенциального читателя. А не обижаться на него, если не увлётся произведением. И не уболаживать себя тем, что читатель пошёл никудышный, не дорос до писателя.

– Конечно, возник новый спрос, новая мода. Появилось какое-то фэнтези. Иные бросились писать под фэнтези. Или переделывать Чехова, Достоевского. Но главное, не ударить в чернуху. Иную книгу прочтёшь — и жить не хочется. А ведь литература должна настраивать на позитив.

– Надо поспевать за временем. Как делали себе имена Рождественский, Ошанин, Матусовский, тот же Дементьев. Через песню. Недавно был концерт к юбилею Арно Бабаджаняна. Да, прекрасная музыка, но и тексты — не те, что сейчас поют.

– Да, у Рождественского каждая песня — стих. А у Резника?

– Нет, у Резника есть тексты, которые благодаря музыке, оркестру, голосу — живут. Но вернемся на Южный Урал. Скажи мне, есть ли у губернатора возможность встретиться ненароком с южноуральской литературой? Или, может быть, вы сами наводите его на свой след? Может быть, вы приносите ему свои книги? Что вы делаете, чтобы как-то ввести его в свой круг. Он же, по сути, изолирован от вас.

— И мы от него. И то, и другое.

— К сожалению, писатели не способны собраться вместе и выработать какую-то стратегию своего поведения. Да, они непрактичные, непробивные, самолюбивые, впечатлительные, обидчивые, но неужели все так безнадежно? Без патрона — никак? Ведь не только наши начальники не знают, есть ли у нас писатели, сами литераторы только об этом и спорят: кто писатель, а кто не писатель.

— А я бы на месте того же губернатора потребовал, чтобы наши филологи создали книгу о южноуральских писателях, а в ней показали бы кто есть кто. Я все-таки считаю, что нужна такая книга. Ее-то и принести Юревичу, чтобы он мог свериться, узнать имена, произведения.

— Видишь ли, я думаю, чтобы произвести впечатление на власть, надо показать ей, как успешно идет литературное обслуживание, сопровождение нашей жизни. Это — ваш сектор.

— Согласен, что есть и такая наша обязанность — не только витать в облаках, но прежде всего показывать реальную жизнь.

— В любом случае писатели должны как-то проявлять себя. Они должны знать жизнь, которая бурлит вокруг них, и знать лучше других. И вмешиваться в нее. Я знаю примеры, когда жизнь заставляла писателя бросать толстые романы и браться за горячую публицистику. Как ни странно, но писатели забывают, что в руках у них перо — оружие очень сильное. В конце концов, дело не в том, чтобы быть любезными властям, надо как-то помогать людям жить. Ведь писатель — их голос! Сейчас все, в том числе и администрация говорят, что надо менять имидж области. Не ваше ли это дело?

— Наше, конечно, но я все же считаю, что власть должна помогать нам. Другое дело, как помогать такой ораве?

— Если доложить власти, что у нас пять или десять настоящих писателей, то это может ее разочаровать: мало вроде того. Но наша литературная среда не может ограни-

чиваться несколькими именами. Это — обширный сектор общества. А пять имен — это на вершине пирамиды.

— Но и на вершине несладко. Даже те книги, которые мы выпускаем на средства спонсоров, а то и на свои гроши, никому не нужны. У меня весь балкон в книгах, а в библиотеках их нет. Как же о нас узнают? Нет, мы не просим, чтобы нам платили зарплату. Хотя в Орловской или Кемеровской области писателям зарплату платят — 10 тысяч рублей. Завидно, но не о деньгах речь. Какая-то помощь, какое-то внимание возможны. Ведь и мы можем спросить: есть ли у нас власть? Согласен, мы не проявляем активности, и власть не проявляет к нам интереса. Хорошо бы сделать шаги навстречу, чтобы убедиться, что у нас на Южном Урале есть власть и есть писатели.

Янис Грантс

Некруглая дата¹

Он дружил с Виктором Астафьевым, был знаком с Юрием Левитанским, Евгением Долматовским, Робертом Рождественским и многими другими знаменитостями. Валентин Распутин для него «просто Валя», а Евгений Евтушенко — Женя. Он и сам — знаменитость и знаковая фигура региона. Его зовут Николай Иванович Година.

— Приходи, конечно. Только сегодня или завтра. После-завтра я уеду в сад. Надолго, — сказал он мне по телефону. «Отлично», — подумал я. Если он собирает крыжовник и борется с древесными вредителями, значит — здоров. Ему вот-вот исполнится 76 лет. Почему-то считается, что в этом почтенном возрасте человек становится немощным, больным и апатичным. Только это не про него. Он в гуще литературного процесса. Он пишет, рецензирует, редактирует, составляет, издаёт, ищет юные (и не очень) дарования. А еще — возделывает сад.

Его званий, наград и биографии хватило бы на десятерых. Он родился на Полтавщине, работал в Каракумах, служил на Балтийском флоте. Он заслуженный работник культуры РФ и почётный гражданин Миасса. Его имя занесено в энциклопедию «Лучшие люди России». Он награждён знаком отличия «За заслуги перед Челябинской областью».

Радужный хозяин пригласил нас с фотографом Анастасией Богомоловой в свой кабинет. Самая большая стена в

¹ Факты недели. Южный Урал. Литпространство. 2011. № 33 (233). 25 авг.

нем — сплошной книжный шкаф. На столе — рукописи. Под ногами вертится низкорослая беспородная собачка с мордой лайки. Она тьякает, лижется, встает на задние лапы. «Кузя, фу! — командует Николай Иванович, а нам говорит: — Вот, год назад брал карликового пинчера, а выросло это чудо».

Поэт выглядит гораздо моложе своих лет. Ну на 60 без хвостика. Нам не удастся толком наладить разговор, потому что все время звонит телефон. Оказывается, у Николая Ивановича сейчас горячее время не только в саду: осенью планируется выпуск очередного номера альманаха «Графоман». Это последнее детище известного поэта уже приобрело в городе и области репутацию добротного, качественного издания.

— Николай Иванович, что-то вашей любимой печатной машинки не видно. Вы пересели за компьютер?

— Невозможно купить ленту для пишущей машинки! Так что переход на компьютер вынужденный. Вообще-то он мной не освоен. Например, электронных писем я не пишу. При подготовке очередного «Графомана» ведется большая переписка. Я по старинке бегаю на почту, принимаю рукописи на дисках, еще пользуюсь телефонной связью. Сейчас делаю третий номер альманаха. Но хочу до конца года составить еще один — четвертый.

— А название никого не отпугивает?

— К слову «графоман» надо относиться спокойно. Все мы графоманы, и у каждого графомана случаются гениальные строчки. В таком названии читается не только доля хитрости, но и рациональный расчёт. Ведь на страницы попадают произведения самого разного уровня: от хорошего до слабого. Вот живет в глубинке человек. Всю жизнь он пишет, пишет и пишет. Он литературным премудростям не обучен, получается у него не очень хорошо. Но все же что-то получается и он попадает в альманах «Графоман». В соседях у него — стихи и проза Олега Павлова, например, или Владимира Черноземцева. Это же другой уровень! Наш «писатель» читает произведения своих соседей и что-то важное для себя открывает. Так что альманах выполняет и учебную функ-

цию. К тому же печататься ведь решительно негде. Возможно, скоро появится сайт «Графомана». Его разрабатывают в Ассоциации творческих союзов.

– Николай Иванович, 25 августа наступит день вашего рождения. Расскажите об истинных виновниках этого события – о ваших родителях.

– Я чистокровный хохол. Мои предки переехали когда-то из Запорожья в Восточную Украину, где я и появился на свет. Мама, Надежда Ивановна, была абсолютно безграмотной. Она росла в семье среди пятнадцати сестёр и двух братьев. Восемнадцать детей! Ее мать умерла рано, отец женился на другой. Поэтому моя мама уже лет с двенадцати работала по чужим домам: нянчила, убирала. О таких говорили: пошла в люди.

Отец, Иван Кузьмич, имел образование два класса. Роста в нем было 1 метр 98 см. На хуторе Шамайково родители пережили страшный голод тридцатых годов. Отец тогда ездил на арбе и собирал по округе трупы. А потом стали земли распахивать, хутора сносить, всех объединять в колхозы. Это удивительно, но людям разрешали уезжать в Канаду и Австралию. А мои родители послушали вербовщика с Урала. Он зазывал тем, что там очень много земли, а пахать некому. Так семья оказалась в Октябрьском районе Челябинской области. Первую зиму перезимовали в Ваганово, а уж потом нам дали домишко в Чудиново. Пол у нас был земляной. Да и домишко был полужемлянкой. Это называлось «саманкой». В 1941 году отец ушел на фронт. При форсировании Днестра он застудил ухо и практически потерял слух. Его комиссовали, но направили в трудармию в Архангельскую область. Там было очень голодно. Отец опять попросился на фронт. После нескольких неудачных попыток он как-то обхитрил комиссию и был призван повторно. Но дослуживал уже не в боевой части, а в охране авиационных складов. После войны он решил не идти в колхоз. Хотел работать сапожником или парикмахером. Но из колхоза не отпускали, паспорт не давали, из дома нас выселили. Сложное было время. Но потом отец все же устроился на промкомбинате.

Детей у моих родителей рождалось много. Но все они умирали в раннем возрасте. Только мы с сестрой остались.

— А то, что вы школьником стали только на десятом году жизни, — правда?

— Да, в школу я пошёл в 1944 году, потому что раньше у меня даже одежды не было приличной. Правда, к этому времени я умел читать и писать. Неграмотной маме читал письма отца, отвечал ему. В школе начал писать стихи. Откуда это взялось — сам не знаю. В семье не то что писателей, но и шибко грамотных людей-то не было. В третьем классе сочинил самое первое стихотворение. Оно называлось «Елка». Его я не помню, но помню саму школьную стенгазету. Заголовки были написаны зелеными чернилами.

В домишке за печкой я облюбывал маленькое пространство. Там на обоях я писал лозунги. «Книга — друг человека!», например. Еще я сделал себе полочку. И было у меня пять книг. Первая — «Сказки дядюшки Римуса» Джоэля Харриса с гравюрами Гюстава Доре. Вторая — большая книга Михаила Шолохова «Тихий Дон». Все четыре тома в ней уместились. У меня единственного в деревне был приемник «Комсомолец» челябинского завода «Полет». Вот его-то я и обменял на Шолохова. Третья книга — «Зверобой» Фенимора Купера.

К нам привозили кино. Как правило, про войну. Так я стал писать «романы»: за ночь сочинялась история по мотивам увиденного фильма. В четвертом классе я написал пьесу, которую мы поставили, продали на спектакль билеты, а после премьеры сходили на вырученные деньги «в кино». Смотрели «Чапаева». Еще я был горнистом. И в комсомол меня приняли в 13 лет, хотя по Уставу ВЛКСМ членство было возможно только с 14. Для этого бюро Октябрьского райкома комсомола принимало специальное решение. Почему? Потому что в школе не было комсомольской организации. С меня она и началась. В райкоме подумали, что я уже созрел для взрослой общественной работы.

— Как получилось, что вы уехали работать в Каракумы?

— После семилетки встал вопрос: куда идти? Тут появилась афиша: Коркинский горный техникум приглашает... Ну, думаю, горы — это здорово, это тебе не степь. Форму красивую опять же пообещали.

Приехал поступать. Поселили больше двадцати абитуриентов в одну комнату. В первую же ночь мне, спящему, натолкали бумажек между пальцами ног и подожгли. Это называлось «велосипед». Обожгли мне кожу до пузырей.

Пока учился в техникуме, стихов не писал. Специальность моя называлась «открытая разработка карьера». По окончании меня распределили на свинцовую шахту в Узбекистан. Я решительно отказался. Тогда пришлось согласиться на второе предложение: Северный рудник в Каракумах. В Ашхабаде в 1947 году было страшное землетрясение. К моменту моего приезда в 1951 году город все еще лежал в руинах, под землей — люди ходили по крышам домов. Попасть на рудник можно было только самолетом. Радости мало: привозная вода, жара до 54 градусов по Цельсию, скорпионы, фаланги (пауки размером с блюдечко), стрелки (маленькие ядовитые змейки). А еще — самум. Как подует — три дня ничего не видно.

Дальше — больше. Начальник карьера по фамилии Шапиро (уже четвертый при мне!) сошёл с ума от ашхабадской водки и опиума. Я работал начальником смены. Подчинённые — наверное, 99 процентов — наркоманы: отпетые кололись, начинающие курили опиум. Мне было 20 лет, а меня хотели назначить начальником карьера на место Шапиро. Наверное, чтобы я повторил его судьбу. Но тут приехала армейская комиссия. Призвать меня в армию не имели права, ведь молодой специалист получает трехлетнюю бронь. Тогда я написал заявление: хочу пойти добровольцем... вероятно, комиссия не справлялась с планом призыва, поэтому вскоре я пополнил ряды Вооружённых Сил...

— Ваша первая публикация пришлась как раз на годы службы в ВМФ...

— Да, последние два года я дослуживал в Кронштадте. Там, в газете «Кронштадтская правда», и появилось стихотворение «Новичок». Было это в 1958 году. Но сначала я

окончил военно-морскую школу в Лиепае по специальности «машинист трюмный». Потом служил на тральщике. Мы тралили мины обеих мировых войн. Был и такой эпизод: когда началась война на Ближнем Востоке, я записался добровольцем в Египет. Хорошо, что дело не дошло до нашей отправки в чужую страну. А еще я фехтованием занимался. Рапирой. Имел спортивный разряд.

Я призывался на пять лет, но Хрущев сбросил год службы. Так что отслужил четыре года и три месяца. Хотел жить и работать в Сибири. Но двоюродный брат, у которого я гостил в Миассе, уговорил меня остаться в этих краях.

– Так начались самые плодотворные творческие годы...

– Я работал на экскаваторе, в ковш которого могли поместиться «Жигули», и писал. За столом я никогда не сочинял и не сочиняю. У меня все складывается в голове. И вот я захотел издать книжку. Директор Южно-Уральского книжного издательства ходил по кабинету из угла в угол и говорил: «Сколько вас поразвелось! Вот бы взять и всех выкинуть из этого окна!», а его кабинет был расположен на седьмом этаже! Но вскоре меня пригласили на Кемеровское зональное совещание молодых писателей, по итогам рекомендовали издать книгу. Бумагу с рекомендацией подписал знаменитый писатель Леонид Соболев. После совещания нас распределили по группам для поездок по региону. Со мной были Илья Фоняков, Роман Солнцев, еще кто-то. А руководил нашей группой Виктор Астафьев. Именно там, в Горной Шории, зародилась наша дружба.

– А среди ваших наград есть самая важная, самая памятная и любимая?

– Я получаю удовольствие от самого творчества. Меня больше радуют не звания и награды, а удачный образ, точно подобранное слово.

А еще я хорошо представляю себе «иерархию» литературы. Я знаю, где Пастернак, где Вознесенский, где Носков, где Сорокин, где я. Я знаю, кто чего стоит.

– Правда ли, что верлибры (стихотворение, свободное от регулярной метрики и рифм) были при советской власти чуть ли не под запретом, и вы первый, кто стал здесь писать такие стихи?

– Не было такого закона, что верлибры под запретом. Но негласно их все же запрещали. Не только в Челябинске, но и на всем Урале никто не писал свободным стихом до меня. Во всяком случае мне такие факты неизвестны. В 1970-х годах я стал переводить своего друга, югославского поэта Изета Сарайлича. И вдруг сам стал писать нерифмованные строчки. Я переводил Сарайлича на русский язык, он меня — на сербо-хорватский. Мои переводы и верлибры печатали в газете «Миасский рабочий». Изет подшучивал надо мной: «Конечно, это важнее, чем печатать переводы в журнале «Иностранная литература».

– Пишется ли вам сейчас?

– Ровно год я писал только прозу. И написал «Царёнка» — лучшую свою прозаическую вещь. Она о деревне, о детстве, и состоит из коротких рассказов, среди которых есть и смешные, и острые, и бытовые. «Царёнок» издан отдельной книгой.

Сейчас вернулись стихи. Почитать вам новые, нигде не опубликованные? (Мы закивали головами: конечно, конечно.)

* * *

Выёживаясь, как небритый кактус,
От холода и злости — в тон гитаре
Бренчу на тех, с которыми я, каюсь,
Сидел когда-то на одном гектаре.

Грехами средней тяжести нагружен,
Хочу взнестись, но не по тяге сила.
У Господа сейчас, наверно, ужин
При звездах — у господ всегда красиво.

Цыганским солнцем опалило древо,
Прижатое ко мне спиной коряво,

Где речка убежала долго влево,
Пока не оказалась скоро справа.

– Спасибо за стихи, Николай Иванович. Скажите напоследок: вы счастливы?

– Я написал и издал 28 книг. Или даже больше. Моя жизнь была и остается насыщенной и интересной. С женой, Валентиной Ильиничной, мне невероятно повезло. Она великолепная хозяйка и мать. Я ведь был моряк, «первый парень на деревне», девушки вокруг меня так и вились. Но я выбрал Валентину, а она — меня. Работала она в нашем рудоуправлении старшим экономистом. Потом две дочки у нас родились — Оксана и Жанна. Сейчас у меня трое внуков. Двое старших — офицеры. Так что все замечательно!

Изет Сарайлич

Парни из Челябинска¹

Валерий, как бы шофер, водитель-испытатель. Какой-нибудь другой шофер с таким именем, знакомясь, мог бы представиться тёзкой известного футболиста или просто сказать:

— Валерий, как Брумель. Есть такой атлет в России.

Но русский шофер Валерий представился так, как могут представляться только в России:

— Валерий, как Брюсов!

Да. Шофер, который свою жизнь не может представить без поэзии — такое возможно только там, у них.

Вообще-то Валерий похож на молодого Пастернака. И можно подумать, что автор «Близнецы в тучах» привёл с собой своего приятеля из «Центрифуги»!

А на самом деле Николай Година, молодой поэт из Челябинска, привёл своего друга Валерия, шофера, влюблённого в поэзию.

У Николая Годины только что вышла первая книга лирики. Он еще не член Союза писателей. И он счастлив, что живет не за счет литературы, ради которой живет, а благодаря своим рабочим рукам.

Даже если Николай Година никогда не станет великим поэтом, эта моя заметка о нем все равно имеет свое оправдание. Николай Година четыре года расчищал Балтийское море от немецких мин. Только за это одно он достоин настоящей статьи.

¹ Эхо. 1967. № 19–20. Окт.

Кстати, Николай Година из тех краев, из той глубинки откуда вышли многие известные современные поэты. Леонид Мартынов, Степан Щипачев, Василий Федоров, Евгений Евтушенко... если имя Николая Годины зазвучит в советской поэзии, то эти строки будут первой публикацией о нем за пределами Челябинска. А что, разве невозможно такое?

Стихи Николая Годины очень русские и больше от жизни. Он приехал в Сараево туристом и пока группа ходила по музеям, Николай с Валерием разыскали сараевского поэта.

Година не поверил, когда я сказал:

— Не удивляйся, если однажды твой челябинский почтальон принесет югославскую газету с твоими стихами в моем переводе!

Година не поверил моим словам, а Валерий, видел я, уже представил того почтальона у дверей Николая. Валерий страшно обрадуется, когда его друг, поэт Николай Година позвонит по телефону и скажет:

— Нет, Валера, Изет действительно молодчина, прислал все-таки газету с моими стихам!

Я тоже порадуюсь.

Дмитрий Ковалёв

Тут мы не ошиблись¹

Николай Година — машинист экскаватора. Окончил горный техникум. Работал начальником смены на серном руднике в Каракумах. Служил на кораблях Балтфлота. Словом, уже успел пожить на свете, испытать себя жизнью, хотя ему еще не так много лет, едва перевалило за тридцать. Для поэта это уже далеко не юность. Но, по нашим сложно постигаемым временам, и не поздний возраст. В поэзию он вступает зрелым человеком. Стихи, правда, его еще не всегда совершенно зрелые с точки зрения мастерства. Еще нет-негда и встретится не наполненное поэтическим смыслом, хоть вроде бы и точное слово, не образное, а рассказывающее. Но что стихи его отмечены и образным видением и поэтическим мышлением, в этом нет никакого сомнения. И это видение его собственное, что также немаловажно. Это залог того, что он может найти себя как поэта своеобразного, т. е. настоящего.

Сегодняшнее понимание в его видении. Это тоже немаловажно. Сегодняшнее, но не только на сегодня. Потому как это не мелко, а на уровне времени поэтично.

Особо хочу сказать о чувстве природы у Николая Годины. Природа у него, если можно так сказать, по-сегодняшнему целеустремленная, нет, не заданная, а, именно, целеустремленная. Вот два примера:

¹ Година Н. Белое, синее : стихи. Челябинск : Юж-Урал кн. изд-во, 1967.

Сидим в траве, запоминая лето.
Подробно, как разведчик на войне.

Или:

Часиками тикает кузнечик,
Не пойму: в траве ли, в голове?

Или уже несколько другого порядка:¹

Снежинки падают на плечи,
На землю падают снега.

Это очень точно. Ну вот опять (я беру ведь почти подряд, произвольно) пример того же, первого плана:

У меня забота небольшая:
Распеваю песни, как в лесу.
Может быть, кому-то помешаю.
Может быть, кого-нибудь спасу...

Как видит читатель, я не просто хвалю ему Николая Годину. Разве стал бы я это делать, если бы стихи были правильные, но стихи, а не поэзия. Стихов всегда, а теперь тем более, видимо-невидимо, а поэзии негусто, она — драгоценность. Здесь она присутствует. На Кемеровском совещании молодых поэтов Урала и Западной Сибири Николай Година порадовал не только меня, а и моих и своих товарищей, и, думается, тут мы не ошиблись.

г. Москва

Сергей Баруздин

О Николае Године¹

Впервые я познакомился с Николаем Гоудиной в 1969 году на Пятом всесоюзном совещании молодых писателей. Передо мной был коренастый, явно рабочей внешности молодой человек, и стихи его покоряли уральской суровостью и сдержанностью, лиризмом и простотой.

И все было так.

Николай Година — уралец, приехал на совещание из Миасса, где работал машинистом экскаватора.

Но уже потом я узнал, что родился Николай Година на Полтавщине, и лиризм, задушевность его стихов, видимо, оттуда, из детства, хотя в четырехлетнем возрасте он попал с родителями на Урал, с которым и связана теперь вся его жизнь.

Первое стихотворение его появилось в 1958 году. Называлось оно «Новичок»:

Видно, он недавно из села,
Робко прячется за спину строя.
Родина на службу призвала,
Дав ему оружие другое.
Раньше он рубанком воевал
С досками большой колхозной стройки,
Так же рано утром в шесть вставал,
Но не с этой двухэтажной койки.

¹ Баруздин С. А. Писатель. Жизнь. Литература: литературные заметки. М. : Советский писатель, 1985. 288 с.

Не шагал он, вытянув носок,
По брусчатке, шаг штампуя четкий,
Не ложился в топтанный песок
И не полз, срывая с ног подмётки.
Не стоял часами у ворот,
В шорохах лова чужие звуки.
Разве что в деревне парень тот
Ожидал шаги своей подруги.
Полюбуйтесь, он и ростом мал,
Угловат в своей шинели черной.
Ну, а нас другими, что ль, сигнал
Заводил впервые в класс моторный?
Не беда, что он споткнется чуть
В первый день, шагая шагом новым.
Ведь и мы когда-то этот путь
Называли чуть ли не терновым.

Конечно, наивные и плохо скроенные стихи, но есть в них определённая непосредственность, наблюдательность, чистота.

Ныне Николай Година — автор четырех книг стихов («Белое, синее», «Дерево любви», «Неожиданность души», «Осенины») и многих публикаций в периодике. Пишет он немного, но его стихи всегда можно отличить от всего другого читанного и перечитанного, ибо в них есть своя, как говорится, искра божья и свой взгляд на окружающий мир и явления жизни. А главное, что в них есть, — это сама жизнь, суровая и счастливая, противоречивая и радостная.

Поэт неотделим от своей биографии, а биография у Николая Годины прекрасная. Он закончил горный техникум, работал в Каракумах, плывал на кораблях Балтийского флота, а затем трудился в Тургоряжском рудоуправлении. Занимался и общественной работой в наших профсоюзах.

В 1967 году за книгу «Белое, синее» он был удостоен премии Челябинского комсомола.

«Николай Година, — писал В. В. Казин, — порадовал меня, порадовал добротной лирикой, где теме труда уделено столь

серьезное и столь необходимое в наше время внимание. Николай Година — настоящий поэт. У него зоркий художественный глаз, у него большей частью полновесная мысль, выражаемая весьма лаконично, а порой даже афористично, отчего стихи его легко и прочно запоминаются».

Мне по душе в Николае Године его скромность, и высокая требовательность к себе, и еще желание и умение заинтересованно, с душой помогать молодым литераторам.

Вместе с прекрасным уральским писателем Владиславом Ромуальдовичем Гравишкисом он много доброго сделал для литературной жизни Миасса и всей Челябинской области. Миасское литературное объединение — одно из лучших на Урале, и в этом прямая заслуга Владислава Гравишкиса и его преемника Николая Годины.

Николай Година прекрасно знает современную поэзию. А его собственные пристрастия — Александр Кушнер, Олег Чухонцев, Глеб Горбовский, Владимир Соколов, Давид Самойлов.

Совсем недавно я прочитал новое маленькое стихотворение Николая Годины:

Каждый по-своему
Увековечивает себя.

Один расписывается на храме:
«Здесь был Вася».

Другой — на рейхстаге:
«Проверено. Мин нет. Иванов».

Хорошо!

Айвар Валеев

Чувство жизни в парадоксах¹

Писательский труд — ремесло, чреватое массой побочных явлений, начиная от алкоголизма и заканчивая всяческими психозами вроде верноподданнического лицедейства или националистического мракобесия. Поиски пресловутой духовности зачастую сопровождаются всплесками ярости по поводу несовершенства мира, идеальную модель которого каждый писатель ваяет сам в своих прозе или стихах.

В этом смысле Николай Година — человек, сумевший не просто реализоваться как замечательный поэт, но и удержавшийся на вершине таланта от многих дьявольских соблазнов. Причин тому несколько. Одна — здравый смысл и житейская мудрость, позволившие Године 11 лет, рекордный срок, возглавлять Челябинскую писательскую организацию. Другая причина — крепкая человеческая природа. Родившись на Полтавщине, прожив много лет на Урале, он неспроста особо уютно чувствует себя среди своих друзей-сибиряков. И в первую очередь ценит Виктора Астафьева — своего давнего друга и любимого современного писателя. Не забудем и о суровой «школе жизни», в которой были и «классы» на серном карьере в Каракумах, и служба матросом на Балтике.

Николай Иванович в литературе ценит непосредственное чувство жизни. Это своего рода критерий и для членов миасского литобъединения «Ильменит», коим наш герой руководит более 30 лет, помогая пишущим, как сам говорит, научиться читать.

¹ Челябинский рабочий. 2000. 25 авг.

«Мне нравится от жара уставать. И медленно, как солнце, остывать». Книга «Избранное для друзей», вышедшая пять лет назад, открывается строчками, относящими нас к эпохе «рабочей темы» в литературе. В самой теме ничего предосудительного быть не может, тем более, когда молодой и здоровый человек пишет искренне. Много хуже, если на этом спекулируют. И когда нет движения вперед.

Година всегда считал, что нет ничего более унижительно-го, чем ходить строем или просто находиться в толпе. Поэт априори носитель индивидуального опыта, потому столь же естественным, как раскрытие внутреннего мира человека, попробовавшего мускульного труда, стал интерес к «книжной» литературе. И, в частности, к верлибру, чем в ту пору занимались немногие. Година считает основными движущими силами своего творчества «быстрое зажигание» и еще, как ни странно, лень-матушку. Отсюда, вероятно, точность неожиданных наблюдений и лаконичность текста.

Сегодня Година стихов не пишет. Зато из-под пера выходят очень симпатичные прозаические миниатюры, в которых узнаешь натренированные глаз и руку поэта, но еще и глубину человеческого опыта. Таких миниатюр у Николая Ивановича собралось на целую книгу, которую он назвал «Поцелуй меня с разбегу». Парадокс, столь ценимый модернистской эстетикой, оказался весьма близок Николаю Ивановичу через русские «нескладухи», откуда и взято название книги, которая, надеюсь, увидит свет. Мы выбрали из нее один фрагмент.

Счастлив, кто ко стихам не чувствуя охоты...

С чего бы и когда у меня началось писательство, не знаю. В шутку на подобные вопросы отвечаю: «Еще сосунком уронился со скрыни, сундука по-русски, и что-то там стресс в голове». Действительно, такой случай, по рассказам, имел место и чуть не закончился неизбывным лихом. Во всяком случае, заделье не наследственное, поскольку родители были крайне безграмотными. Мать даже читать не умела, хотя

буквы узнавала. Отец, неплохой сапожник, письмо кое-как освоил. На многих семейных бумагах остались его первобытные автографы. Например, на моем «свидетельстве о рождении» карандашом и от всей души выведено: «Корова Зорька обгулялась 7-го травня».

Творить и вытворять я начал со стихов, но не гнушался рассказами, пьесами и даже романами. Годы были военными и послевоенными. Естественно, и тематика пахла порохом. Но первое стихотворение, напечатанное в стенгазете Чудиновской неполной средней школы, несло запах хвои, праздника и называлось просто, как все гениальное, — «Елка». К сожалению, ни одной строчки, ни одной елочки не сохранилось.

Пьесе повезло больше. Я ее с друзьями поставил в четвертом классе году в 1948-м в одном из дворов, а точнее, во дворе бабы Меланьи. На скамейках сидели наблюдатели: школьники, родители, соседи. Продавались билеты. На вырученные деньги мы после ходили в кино. В школе о нас долго говорили, ехидничали, даже прозвали артистами погорелого театра.

И вот через много лет я вижу на второй странице «Кронштадтской правды» от 30 марта 1958 года стихотворение «Новичок», подписанное моим именем:

Видно, он недавно из села.
Робко прячется за спину строя,
Родина на службу призвала,
Дав ему оружие другое.
Раньше он рубанком воевал
С досками большой колхозной стройки,
Так же рано утром в шесть вставал,
Но не с этой двухэтажной койки.
Не шагал он, вытянув носок,
По брусчатке, шаг штампую четкий,
Не ложился в топтанный песок
И не полз, срывая с ног подмётки.
Не стоял часами у ворот,
В шорохах лова чужие звуки.
Разве что в деревне парень тот

Ожидал шаги своей подруги.
Полюбуйтесь, он и ростом мал,
Угловат в своей шинели черной.
Ну, а нас другими, что ль сигнал
Заводил впервые в класс моторный?
Не беда, что он споткнется чуть
В первый день, шагая шагом новым.
Ведь и мы когда-то этот путь
Называли чуть ли не терновым.

Да-а, чертовски сильно сказано! Помню, моряки поздравляли, хлопали по плечам. Каплей Кидин чуть было лычку не кинул из уважения. С этого дня мои опусы появляются в печати. Литературная группа при военной газете, возглавляемая Григорием Котничким, стала первой литературной школой. Занятия, конкурсы, творческие вечера. В журнале «Советский моряк» № 8 за 1959 год в статье «Молодые поэты Балтики» известный ленинградский поэт Всеволод Азаров писал: «Хорошо начинает старший матрос Николай Година. Его стихи “На рейде”, “Старый форт”, “В последнем походе” проникнуты суровой романтикой морских походов, воспевают будни военных моряков.

Когда в походе — жаркая работа,
Соленый привкус моря на губах,
Порою землю целовать охота,
Листок письма, что сушею пропах...

Вот такая охота была, которая пуще «неволи».

Однажды при мне спросили Роберта Рождественского о том, как становятся писателями. И матёрый поэт отреагировал примерно так: «В определённом возрасте практически все пишут стихи, рассказы, песни. Потом большинство, у кого хватает воли, бросают эти излишние потуги и становятся хорошими учителями, инженерами, врачами... а остальные так и остаются писателями».

Леонид Быков

Под диктовку души¹

- ...А критик, стило выбрав тоньше:
– О чем, – грозно спросит, – стихи?
– О том же, – скажу, – все о том же.

Стихи Николая Годины, действительно, все о том же, о чем стихи и пишутся. О жизни. Той, что подразумевает конкретную и непридуманную человеческую судьбу, и одновременно той, синонимом которой выступает все живое, «без начала и конца».

Уверенно владея стихом повествующим, поэт все же к рассказам в стихах не склонен. Но и к лирике исповедальной он тоже не тяготеет, хотя своего «я» не прячет, как не избегает и прямых обращений, к памятным событиям собственной биографии. Поэт и мир соотносятся между собой как часть и целое:

«Тут – жизнь от первого лица». И о чем бы ни писал стихотворец, от какой бы конкретности ни отталкивался, он всегда стремится подчеркнуть, насколько этот мир многообразен и вместе с тем целостен.

Стих, с тезисной категоричностью формулирующих такую направленность творчества, у Н. Годины раз-два и обчёлся. Он вообще не жалуется письмом курсивом. Красноречивы тут строки, что называется, рядовые, в глаза не бросающиеся:

¹ Година Н. Ручная работа : стихи. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000.

На душе, как на поляне,
Свет, цветы и сбоку лес...

...И тихо старятся от грусти
Две ивы за крутым бугром...

Лес мыслит, как поэт...

И действует музыка рядом
Так славно, как облик берёз...

Изъятые из контекста, эти цитаты особенно не впечатляют. Но автор и не думал впечатлять — думал он о родстве всего, что привычно сводится под «старое и не совсем понятное название — Жизнь».

Диалектика родственных в мире связей и метаморфоз открывается уже «с высот семейного порога». Казалось бы, давно ли «мир был крохотным селом и называлось время — детством», а пришла пора, и вчерашний «грустный мальчик», сам став отцом, с понятным умилением наблюдает: «Дочь зовет куклёнка пить, мыслью заболев упрямой: очень трудно папой быть, лучше быть, конечно, мамой». Эстафета родства не прерывается во времени, и «цифры генетического кода» связуют тех, кто жил прежде, с теми, кто живет ныне и будет жить завтра.

Но ведь и все человечество вынянчено в колыбели, у которой стояла Мать-природа. Так что поэт вправе считать мир живого одной большой семьёй. Ну, а меж своими, меж близкими и родными, к чудачествам и выкрутасам не прибегают — в цене здесь не изощренность, а подлинность. Ею и поверяет Николай Година свои строки. Чувства и мысли здесь «обыденно земны». Но не приземлённы. Пафос этой поэзии — именно в беспашфности.

Своей естественностью стихи этой книги ориентируются на естественность самой жизни. Но и о требованиях поэтического искусства автор неизменно помнит. Оно понимается им как одно из проявлений бытия, и обращения к Тютчеву, Фету, Блоку, современным лирикам столь же необходимы для стихотворца, что и обращения к лесу, реке, облакам.

Поэтические реалии по справедливости уравниваются в правах с реалиями природными.

Известно, что звучание каждой лирической строки существенно не менее, чем ее значение. Мелодика стиха Годины рождается как бы между прочим и вместе с тем обнаруживает несомненную конструктивность. Добываясь от строки изящности и весомости, поэт равно внимателен и к ритмико-синтаксическому ее облику, и к звуковой инструментовке. Напомню хотя бы некоторые из зачинов его стихотворений:

Река устала быть рекой...
У вечности есть время и терпенье...

Лес именем твоим пропах...
Расшевелила сумерки звезда...

Такие зачины притягивают, заставляют вслушиваться в задаваемую ими интонацию. Благодаря стиху авторское чувство концентрируется и тем самым возвышается над бытовым, житейским, в недрах которого возникло.

Страницы этой книги побуждают размышлять о той роли, какую в современной поэзии играет рифма. В большинстве стихотворений она себя не выпячивает, хотя неизменно стремится быть не только точной, а и глубокой. Но в версификационном арсенале челябинского автора органичен и стих нерифмованный, свободный, когда поэтическая энергия рождается благодаря уплотнению и заострению «чувствуемой мысли». О верлибре подчас говорят как о переводе с неизвестного языка. Опыты Годины свидетельствуют, что это переводы на русский — с языка поэзии.

Много лет назад Николай Гумилев, размышляя о перспективах развития отечественной поэзии, подчёркивал необходимость «словесной экономии»: «Новая поэзия ищет простоты, ясности и достоверности». Длющиеся уже четвертое десятилетие творческие искания Николая Годины осуществляются именно в этом направлении, убеждая, что миру, «где небо пахнет землей, а земля пахнет небом», поэты, к счастью, еще требуются.

Ирина Моргулес

Отдельно стоящий в толпе¹

У Николая Годины в более молодые, чем сейчас, годы, было лицо человека с плаката. Кто не верит, пусть посмотрит на снимок: вот он — экскаваторщик на фоне разреза Тургорякского рудоуправления.

Такой типаж (волевое лицо плюс молодецкий разворот плеч и мускулистые натруженные руки, сжимающие флаг) плакатисты советского времени любили рисовать в центре сплочённой шеренги сурово-жизнерадостных людей, уверенной поступью шествующих к светлому будущему.

А внизу лозунг типа: «Теснее сплотим ряды вокруг рабочего класса — передового отряда советского народа — строителя коммунизма!».

Или стихи:

Горняк, металлург и строитель,
Идем мы в шеренге бойцов.
Товарищ, дороги открыты,
Весенний ветер в лицо!

А Николай Година как раз горняк, то есть представитель одной из основных профессий нашего края. Так что тут все совершенно оправданно.

У Николая Годины идеальная советская биография. Пролетарское происхождение. Босоногое в буквальном смысле детство (в школу пошёл лишь в девять лет — не в чем было

¹ Деловой Урал. 2000. 24 авг.

ходить). Трудовая юность, проведённая там, куда Родина направила. А Родина направила мальчишку после окончания техникума в Каракумы, на серный рудник Дарваза, где догивали недавние уголовники-наркоманы, потому что здоровым отсюда через пару лет выйти было невозможно.

Непременный атрибут такой биографии — служба в армии. У Годины это четыре года утюжки на минном тральщике нашпигованного «эхом минувшей войны» Балтийского моря.

И — работа машинистом экскаватора на известковом руднике, где Николай выработал горный стаж и, лишь получив полный набор профессиональных заболеваний, перешёл сначала на инженерную должность, потом на профсоюзную.

То, что с флотских времен начал писать стихи и это продолжалось все годы, проведённые за рычагами экскаватора, такую биографию, безусловно, украшало. Помните мечту Маяковского о новом человеке, который «землю попахнет, попишет стихи»? Година «пахал» и писал.

Урал, начиная с 20-х годов, считался главной кузницей рабочих поэтов. Литературные объединения Магнитостроя (Борис Ручьев!), Тракторостроя и далее везде. Те, с кого начиналось это великолепное дело, как правило, не пережили конца 30-х годов, а если пережили, то в местах, крайне удалённых от какой бы то ни было поэзии.

Но традиция не прервалась. Сотни, а может быть тысячи, молодых рабочих по всей стране собирались после трудовой смены в заводских Дворцах культуры, знакомились с основами стихосложения, делали первые робкие попытки рифмовать строчки. Опыт уникальный, существовавший только в странах социалистического лагеря. Литературные объединения существуют кое-где и сейчас (Година, например, до сих пор ведёт литературное объединение в Миассе), но в советские времена дело было поставлено на конвейер государственного масштаба.

Да, как часть системы была и цель промывки мозгов, желание господствующей идеологии безгранично контролировать и направлять все проявления творчества. Но тем не

менее происходило знакомство этих ребят с культурой. На семинарах они имели возможность общаться с по-настоящему образованными людьми, с талантливыми литераторами. Например, тот же Николай Година в 1969 году на пятом Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве занимался в семинаре, который вели Владимир Соколов, Юрий Левитанский, Евгений Долматовский. После чего был рекомендован, а годом спустя принят в Союз писателей СССР.

Судьбы «рабочих поэтов» складывались по-разному. Кто-то оставался рабочим, пописывающим на досуге стихи, что заслуживает, кстати, всяческого уважения.

Кто-то увидел в этом возможность вырваться из предначертанной судьбой участи всю жизнь заниматься тяжёлой физической работой, в чем тоже нет ничего плохого. Такие поступали в вузы.

Кто-то сделал карьеру общественного деятеля — рабочее начало биографии тому способствовало.

Кто-то, чья надежда стать поэтом не оправдалась, сникал, спивался, были и случаи самоубийств.

Судьбы разные. У кого какая «ухватистая» сила была.

Из довольно большого числа «рабочих поэтов», жизненный путь которых удалось проследить, Николай Година — единственный, кого я могу с чистой совестью назвать рабочим поэтом. Действительно рабочий. И, безусловно, поэт.

Дело не в четырнадцати книгах, вышедших у него (первая — «Белое, синее», отмеченная областной премией «Орленок», появилась в 1967 году). Мы знаем поэтов, у которых за десятилетия не вышло в печати ни строчки, но они — поэты. Хотя бы Борис Чичибабин. А есть люди, издававшие одну книгу за другой, где поэзией и не пахло.

Мальчик, родившийся на Полтавщине, лишь в четыре года услышавший впервые русскую речь, оказался не только талантливым, с душой, готовой для настройки на поэтический лад, но и сильной личностью, способной сохранять и преумножать свое, отличное от других восприятие мира.

Фраза «быть самим собой» давно стала банальной. А ведь дорогого стоит. Это самое трудное в любом обществе.

А в нашем недавнем удавшемуся такую попытку надо приравнять к подвигу.

Николай Година, передовой рабочий, в жизненных своих интересах от окружающих таких же передовых представителей авангарда советского общества отличался. Он не стремился построить дом, завести и обиходить сад-огород, купить машину (цели, надо сказать, достойные всяческого уважения). Година деньги, заработанные горбом, тратил на поездки. По стране и за границу, благо был «выездным». В скольких странах он побывал, сам точно сказать не может, со счету сбивается.

Таким образом «приобщался» к культуре. Ведь образования Николаю получить не удалось. Посылали, правда, на Высшие литературные курсы, но жена не пустила. И права была: те начинающие литераторы, что попадали туда, искали зацепку, чтобы остаться в Москве, а тому был простейший путь — женитьба на москвичке.

Година же учился, читая, работая со словарями (любимое занятие), просто живя и осмысливая жизнь.

В 60-х — начале 70-х годов литературные объединения в Челябинске были горячей точкой идеологической борьбы. На одной стороне молодые поэты металлургического завода, на другой — члены литературного объединения «Экспресс» при Дворце культуры железнодорожников. В чем была причина битвы, сегодня вспомнить трудно. Вроде бы первые претендовали быть главными полпредами рабочей поэзии и отказывали в этом «экспрессовцам», упрекая их в интеллигентском «душке». Те защищались, как могли, и в свою очередь...

Смешно? Но какие идеологические битвы велись, сколько судеб в самом начале пути сломано, подрублено под корень...

А Година?» Он из Миасса. И у него верлибры. В тех боях не был, не состоял, не участвовал. Он уже в последнее десятилетие, возглавив Челябинское отделение Союза писателей в самое время раскола этой организации во всероссийском масштабе, делал, что мог, чтобы хоть здесь-то избежать

распада, противостояния. Долго держался. Потом устал, ушел.

Вообще-то, честно говоря, Николаю его рабочая биография помогала не участвовать во многих глупостях тех лет.

Ну, например, от него, такого анкетно образцового, не требовали «паровозика». Для далеких от издательских дел советского времени даю расшифровку: «паровозиком» поэты называли идеологически выдержанное стихотворение на гражданственно значимую тему. Оно, открывая сборник, должно было «потянуть за собой» остальные, не столь правдоверные стихи. Без «паровозика» нечего было и мечтать о выпуске сборника. И изобретали паровоз, складывая из готовых клише нечто первостраничное. Например, тончайший лирик Наталья Рябинина для такой цели придумывала себе бабушку — героиню гражданской войны: «Мчится юная бабка на белом коне», — прямо как в той пародии, где «Семен Михайлович Буденный скакал на сизом кобыле.

А Године «паровозик» заменяло краткое изложение биографии, ему достаточно было представить для первой страницы что-то о любви к родному краю, о берёзках, например. А о берёзках он пишет так:

...У берёзки из-под
платьвица видна
Вся в цыпках и царапинах
коленка.

Согласитесь, поэзия.

Есть у Николая Годины боль, вызванная распадом СССР.

— Я очень сердит на своих соплеменников-украинцев. Вот мой друг Ваня Драч — один из руководителей РУХа. Я его люблю, вот его книги, подаренные им мне, подписанные от всей души. Но их сегодняшнее отношение к России... Для меня ясно одно: Россия, Украина, Белоруссия должны быть вместе, это триединство разрывать нельзя.

Чем занят сейчас поэт Николай Година? Кроме того, конечно, что внуков воспитывает.

Пишет. Работает над необычной для него книгой прозы: воспоминания, наблюдения, размышления в коротких фрагментах.

Печатается в нашей «Уральской нови», в выходящем в Красноярске под редакцией Романа Солнцева журнале «День и ночь». В столичном элитарном «Арионе» опубликовано четырнадцать верлибров Годины. Он там в хорошей компании: Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Евгений Бунимович, Игорь Померанцев, Генрих Сапгир...

Главное событие недавних дней — выход книги стихов. Называется сборник «Ручная работа». Издан в Екатеринбурге в серии «Библиотека поэзии Каменного пояса» ассоциацией «Бассейн республик Большого Урала» и ассоциацией муниципальных образований «Города Урала» под эгидой Министерства культуры России. Заказан сборник администрацией Челябинской области.

Книга издана хорошо. Оформлена Еленой Щетинкиной, фотография работы Леонида Оболенского. Твердый ламинированный переплет, отличная бумага, 450 страниц, тираж 3000 экземпляров. Некоторое предварительное подведение итогов перед шестидесятипятилетием.

Године повезло на дружбу с яркими, значительными людьми. Среди них Давид Самойлов, с которым никогда не виделся, но переписывался, прекрасный сербский поэт Изет Сарайлич, стихи которого Николай многие годы переводил, актер Алексей Петренко...

Самая большая драгоценность — давняя и глубокая дружба с Виктором Астафьевым.

В одном из стихотворений, посвящённых Годиною Астафьеву, есть такие строчки:

Вот он, посредине Отечества,
Отдельно стоящий в толпе.

В какой-то мере это можно сказать и о самом Николае Године.

Михаил Кураев

Человек, способный на поступок¹

Если бы новую книгу стихов читателю представлял критик, он, наверное, обязательно сказал о том завидном месте, какое в современной отечественной поэзии занимает ее автор, Николай Година.

Случись поэту быть автором предупреждения, открывающего сборник стихов отмечающего знаменательный юбилей коллеги, он, как я предполагаю, пусть сдержанно, но непременно сказал бы о завидной судьбе поэта Николая Годины, нашедшего своего читателя, издателей и даже библиографов. Об этом свидетельствует выпущенный в Челябинске пять лет назад Библиографический указатель, своеобразный путеводитель по «многогранной деятельности Н. И. Годины» как сказано составителями.

Для рифмы, как-никак речь идет о поэте, и мне надо бы позавидовать... Ну что же, и есть чему. Я был свидетелем поступка Николая Годины, поступка значительного, бескомпромиссного, совершенного во имя поэзии и правды так легко и естественно, что позавидовал этому человеку, с которым только лишь познакомился.

«Литературные встречи в русской провинции», на которые Виктор Петрович Астафьев собрал пишущих людей со всех далей и весей, проходили во встречах, заседаниях, и выступлениях в Овсянке, Дивногорске и Красно-

¹ Година Н. И. Венера Миасская : стихотворения. Челябинск : Цицера, 2006. 207 с.

ярске, это днем, а вечером мы продолжали знакомиться друг с другом на загородной базе отдыха. Долгие вечерние застолья располагают к откровенности. Может быть чуть-чуть превысив норму, а может быть опьянённый своей домашней славой любимец провинциальных издательств, одаривший нас накануне толстенным сборником своих стихов, с бесцеремонностью, граничащей с наглостью, стал поносить поэтов, чьи имена и в XVIII, и в XIX, и в XX веках составляют славу отечественной культуры. Я пытался как-то остудить закусившего удила стихотворца, с надеждой поглядывал на Николая Годину, еще едва знакомого, но вызывавшего своей естественностью повадки и точностью в слове доверие и симпатию. Наконец, добрался автор толстой книги стихов и до Державина, прибегнув к сравнению с веществом, за столом не упоминаемым. И здесь я увидел, что Година наконец-то поднялся, но не для произнесения отповеди, а просто встал и двинулся на выход.

«Да, пожалуй, — решил я, — за столом оставаться уже неловко».

После недолгого размышления и я вышел на свежий воздух, где территория берёзового парка утопала в лунном свете. Я увидел, как Николай Година вышел из своего домика с подаренной книгой в руках, подошёл к пожарному щиту, снял выкрашенную в цвет малинового пламени лопату и направился к высокому берегу речки Маны, широкой серебряистой подковой изогнувшейся вниз. И тут я понял, какой ответ на скверную, непозволительную выходку коллеги-стихотворца задумал Николай Година. Я тоже принёс подаренный мне фолиант, следом к нам присоединился, оценив замысел Годины, известный критик из Пскова, и мы после краткой «гражданской панихиды» придали земле книги великовозрастного озорника.

Герой этого прискорбного события поспел к самому финалу, все понял и на предложение бросить горсть земли в открытую еще яму только отрицательно помотал головой.

С тех пор прошло десять лет, и за эти десять лет я мог, и общаясь с Николаем Ивановичем, и читая его стихи,

убедиться в том, что этот человек обладает цельной натурой, прямой.

Читая Николая Годину, я видел, что и стихи для него тоже поступок, а не поза и фраза, это сохранение памяти, сохранение времен в ее живых чертах.

Читателя, знающего творчество Николая Годины, ждет встреча со старым другом, верным, прямым, талантливым и в жизни, и в поэзии. Те же, кто знакомится с поэзией Годины впервые, как мне кажется, обязательно почувствуют искренность и незыблемость убеждений человека, укоренённого в нашу землю, прочно на ней стоящего.

Виктор Астафьев

Среди деревьев мне уютней¹

Жизнь одарила меня нечаянными, счастливыми совпадениями. Задолго до того, как взять в руки перо, я уже соприкоснулся с пишущими людьми — в школе учителем литературы был красноярский поэт Игнатий Рождественский. В госпиталь в Краснодаре приходил в общую палату писатель Степанов.

Живьем увидать писателя человеку, который с детства читал запоем и пробовал сочинять стихи, — дело радостное и важное. Но с удивлением оглядываясь на жизнь свою, обнаружил, что судьба ко мне была щедра, затаскивала обязательно в творческие места. Воевать я начал в тургеневско-бунинских местах и, постепенно по фронту перемещаясь, угодил на Полтавщину, к Гоголю, аж в Миргород.

Читая биографию Николая Годины, обнаружил, что и в его родные места меня заносило, может, и огневые артиллерийские позиции доводилось копать на окраине его, тогда еще живого, хуторка.

Много лет спустя занесёт меня в Сараево, к поэту Изету Сарайличу в гости. Горячий, отважный человек, смелости набравшийся противостоять культу Тито и наглой титовщине, посидел в тюрьме Изет, где читал и переводил нашего горлана — поэта Маяковского. Все же страны разные и культуры разные, в наших тюрьмах не только читать и писать в ту пору, но и дышать не давали. Недаром все же Броз Тито

¹ Година Н. И. Избранное : стихотворения. СПб. : Маматов ; М. : ИД «Вече», 2008. 432 с.

поссорился с когда-то им боготворимым отцом и учителем Сталиным.

Так вот, потихоньку-помаленьку две судьбы двух работяг, начавших на Урале сочинительствовать, перекрестились однажды в Кемерово на семинаре молодых писателей. Я уж, значит, в силу возраста и опыта, руководил прозаическим семинаром. А Николай Година в качестве семинариста выслушивал комплименты в свой адрес. Получить же комплименты от Ярослава Смелякова или Василия Федорова было непросто. Они достаточно глубоко и сильно любили себя и любовь эту делили с другими поэтами очень неохотно. Но слушать их, внимать им, особенно Ярославу Смелякову, было большой наградой для любого человека, а уж для молодого сочинителя это было и редкостной школой. Хотя сочинять стихи и прозу научить трудно, почти невозможно, повысить же квалификацию читателя, осознать всю чувственную гибельность слова — поэзия, под руководством таких сложных поэтов, памятливых, умных людей, вполне возможно.

Не знаю, как и что воспринял Николай Година на этом знаменитом семинаре, он только и может рассказать, но на люди его вывели, на вид и на суд поставили — теперь уж надо было жить и творить самому, за самого себя и за слово свое тоже отвечать самому.

Ноша тяжёлая. Николай Година, побывавший в писательских начальниках, как и я, в них не бывавший, может назвать не одну, а несколько фамилий людей только на Урале, раздавленных непосильной ношей, не заломавших ответственности творческого труда и отшельничества.

Приходится запоздало пожалеть, что Николай Година не поучился на Высших литературных курсах. У меня дома тоже не все согласны были, чтобы я из города Чусового подался в Москву на учебу. Но я проявил твердость характера и хвалю себя за это.

На курсах были тоже разные люди: одни водку пили, женились «на столице», другие с остервенением, порой с болью соскребали с себя провинциальную штукатурку. За два года я, например, просмотрел весь репертуар драматических мо-

сковских театров, побывал в Большом, на многих выставках, в зале консерватории впервые почувствовал, что есть серьёзная музыка, и осознал, что к ней приучиваться возможно только слушая ее.

Но главное — приобрёл много товарищей, двух-трех друзей, и хотя годы и расстояния разлучили нас, память о них живет, как животворящий родник, избавляет от гнетущего чувства одиночества.

В статье, присланной мне с Урала, озаглавленной строчкой из стихотворения, посвящённого Н. Годиной мне, «отдельно стоящий среди толпы», конечно, почти все верно — так-то оно так, но стояние среди толпы, тем более сосуществование вместе с нею, требует не только духовной, нравственной поддержки, но еще и надёжного плеча требует, чтобы в годы бед и отчаянья было, на кого опереться.

А годы катятся, годы бегут. Николай Година вроде бы и не старится, не поддаётся тяжести лет. Характер его по-прежнему общителен, слово светлое, перемены жизни он как бы и не замечает, но боль за Россию и Украину родимую кого не коснётся? В чьем сердце не отзовется?

Трудно удержаться на гребне той мутной волны, что захлестнула наш народ и землю нашу. Но надо верить, что «там, за далью непогоды, есть блаженная страна» и всем сердцем, пока еще не наджабренным, стремиться к берегам ее.

Пусть слово уральца, с рабочей машины пересевшего за письменный стол, будет, как и прежде, крепкое, самобытное, и раз уже не испортили, не сгубили человека слова «рабочий поэт», пусть он самим собой и остается, а сердце почувет и подскажет ему нужную строку, и пусть будет ему уютно не только среди деревьев, но и среди людей. От них сочинителю никуда не деться.

Красноярск,

18 октября 2000 г.

Письма (избранные)

Дмитрий Ковалев – Николаю Године¹

Москва

1 июля 1967 год

Дорогой Коля!

Получил, наконец, Вашу книжечку. И хоть у меня горе (умер старый друг в Минске), но я порадовался за Вас.

В жизни это всегда так: горе и радость бывают часто вместе. Хуже – когда одно горе. Еще не прочёл, но прочту. Думается, что книжечка получилась. Не могла не получиться. Остановка за теми, кто должен бы оценить. Но я и сам беспомощный в этом. Не как другие некоторые теперь: не стыдятся даже намекать, даже просить, чтобы о них написали, даже обязывать...

Я очень устал. Хочу в деревню. Поеду на днях в Курские края, бросив, как всегда, все дела, которых всегда непочатый край.

Желаю книге доброго пути, а Вам доброго здоровья и новых книг.

Дмитрий Ковалев.

Москва

7.03.1970

Дорогой Коля!

Большое спасибо за книгу. Очень обрадовал. Странно, что ты не знаешь, что принят в Союз. Я – член приёмной

¹ Дмитрий Михайлович Ковалев (17.06.1915, местечко Ветка, Могилевская губерния – 5.03.1977, Москва) – русский, советский поэт-лирик.

комиссии. И не только голосовал сам за тебя, а и выступал за, и, верится, что склонил других голосовать за тебя. Кажется, прошёл ты единогласно. С чем тебя и поздравляю. Отделение должно было тебя уведомить и поздравить.

Желаю новых успехов. Хорошо, что не порываешь с работой.

Что нового?

Твой Дмитрий Ковалев.

Николай Качанов – Николаю Године

Дорогой Николай Иванович!

С большим удовольствием читал Ваши чудесные стихи, которые мне принесли мои дети из библиотеки, и решил написать Вам письмо со словами читательской благодарности. Я – инвалид войны, прикованный к постели, поэтому для меня с хорошей и умной книгой, а особенно с поэзией – это дополнительный заряд бодрости и оптимизма в борьбе за жизнь. Большое вам спасибо и низкий поклон.

Очень Вас прошу сделайте мне подарок: напишите мне, пожалуйста, на листочке свой автограф и перешлите его мне.

Заранее Вам благодарен.

Всего доброго Вам и Вашим близким.

С уважением

Николай Григорьевич Качанов

3.IX.69 г.

г. Ровно

Людмила Татьяничева¹ — Николаю Године

Дорогой Николай Иванович!

Спасибо за «Белое, синее».

Извините, что не сразу отозвалась — была в разъездах. Книгу прочла с интересом. Есть в ней и настоящая поэтическая взволнованность, и свежесть восприятия.

Желаю Вам успешной работы над новым сборником. Очень важно, чтобы он стал для Вас новой и более высокой ступенькой.

С искренним уважением

9.08.67.

Л. Татьяничева.

Дорогой Николай!

Поздравляю Вас и Вашу жену с рождением дочери. Ребёнок в доме — радость и красное солнышко.

Среди присланных Вами новых стихов есть заслуживающие внимания. Всю подборку — для выбора! — послала в «Литгазету» Владимиру Дагурову. Там стихи проходят туго, — но тем приятнее будет, если они появятся под Древом Поэзии.

Напишите, когда Вам удобнее приехать в Москву — в октябре или ноябре.

Всего наилучшего!

28.07.70.

Сердечно

Л. Татьяничева.

¹ Людмила Константиновна Татьяничева (1915, Ардатов Симбирская губ. — 1980, Москва) — русская советская поэтесса, прозаик, общественный деятель.

Алексей Смольников¹ — Николаю Године

Дорогой Николай!

Спасибо за книжку, приятно, что вспомнили, прислали. «Молодая гвардия», кажется, действительно, вежливостью не отличается. Вы уже не первый, кто пишет об этом. Вот управлюсь немного со своим гриппом и, по-видимому, схожу туда поговорить с начальством. И то правда, что нынче очень трудно с бумагой. Да ведь бумажные фонды и вежливость — вещи все-таки разные.

Книжка получилась, я от души поздравляю Вас. Все-таки хочется, чтоб Вы присмотрелись к одной вещи, признаюсь Вам, несколько меня озадачившей. Не знаю, согласитесь ли Вы со мной, но смотрите, что Вы делаете:

Я начинал свою карьеру
В забоях серного карьера.
...
Никакая там не знаменитость,
Я братве рабочей парень свой.

Это начальные строки двух открывающих книжку стихотворений.

Не знаю, почему Вам, серьёзному, тонко мыслящему человеку, понадобились эти звучащие, право же, бравадно, наи-

¹ Смольников Алексей Степанович (р. 24.6.1926 г., г. Сарапул Уральской обл., ныне Удмуртская Республика), русский поэт, переводчик.

гранно заявления. Вы что, в самом деле считаете, что это прилично — в таком вот тоне аттестовать себя? Вы — поэт, это, право, не такая уж малопочтенная работа, чтобы шараться от нее и торопиться оправдать свое существование рабочим прошлым.

Когда-то покойный ныне Николай Анциферов писал о себе-шахтере:

Я работаю, как вельможа —
Я работаю только лежа и т. д.

Это было сказано с улыбкой, хорошо подчёркивающей тяжесть работы в забое, здоровое к ней отношение. А у Вас ведь где-то всерьез получается: «Я братве рабочей парень свой» (все прозвучало бы хорошо, если б о Вас сказал кто-то другой). Вы, как Вам сказать, хвалите себя, что ли. А ведь стихотворение кончается отличной строфой, емко, серьёзно:

Вылезу, отдавший все, что нужно,
Упаду у полдня на пути.
Будет солнце рисовать веснушки
И трава сквозь волосы расти.

Вот Вы где, голубчик, а не там, не в начале. И нечего Вам кокетничать — Вы прекрасно знаете и что такое рабочая гордость, и кое-что еще сверх. Вся книжка выдаёт Вас с головой.

Вот когда Вы пишете:

Мне нравится
До жара уставать
И медленно, как солнце,
Остывать —

Вот тут я чувствую, что Вы действительно поворочали в жизни. Здесь Вы сумели тонко и философски значительно сказать о великости труда рабочего, и мне, читателю, инте-

ресно послушать Вас — бывалого человека, обратиться к Вам, как к солидному первоисточнику.

Повторяю, книжка хорошая. Много прочных, основательных стихов, блистательных строк. Рад.

Извините за кавалерийские наскоки и несносный почерк — пишу в постели.

16.02.70

Ваш Алексей Смольников.

(Адрес на конверте. В справочнике старый, я там не живу.)

Москва

Алексей Еранцев¹ – Николаю Године

г. Курган

Привет автору сборника, подборки в «Молодой гвардии» и строчки «Скала расселась посередь пути». Несмотря на снявшую штаны скалу, я всё-таки запланировал тебя на 69-й. Потому что всё остальное сильно обнадёживает. Тем более я читал твои стихи после опусов потомка и тёзки кровожадного гунна Атиллы. Садыков – верный ученик Сорокина, барабанный, свехвосклищательный, мне сильно не понравился и я его прикончу. Что там помалкивает Миша Лаптев? Делает ли свою повесть? Если увидишь – поторопи, ибо план 69-го находится в состоянии активной варки. Он может не успеть. А в повести были проблески.

Ну, давай, Коля, жми на всю железку!

12.10.67.

А. Еранцев

¹ Еранцев Алексей Никитович (1936, село Павловское Алтайского края – 1972, Курган), поэт, член Союза писателей СССР.

Михаил Львов¹ — Николаю Године

Дорогой Николай Година!

Спасибо за письмо, за стихи, за фото. Извините за задержку с ответом. Я почти не живу в Москве. Книгу Вашу не получал. Впредь все посылайте только заказным. Заходил в «Знамя». Там сейчас Корнилова не работает. Работает мой друг, поэт и критик Проталин Валентин Валентинович. Я ему говорил о Вас. Он обещался найти Ваши стихи, но пока не разыскал. Если же они «пропали» или если Корнилова вернула их Вам — в общем, при всех случаях срочно высылайте стихи снова — на имя Проталина (заказным!). Сошлитесь на меня. Постараемся дать Вашу подборку. Если понадобится и если Вы ничего не будете иметь против, я дам «врезку».

Буду в Москве после 10–15 ноября. Поздравляю Вас с юбилеем комсомола и наступающей годовщиной Октября. Желаю Вам и Вашей семье здоровья и счастья! Поклонитесь от меня Миассу, Уралу, моей юности.

С сердечным приветом,

Ваш М. Львов.

Еду в Сталинград на юбилей Луконина, оттуда — в Москву.

Алма-Ата

24 октября 1968 г.

¹ Михаил Давыдович Львов (имя при рождении — Рафкат Давлетович Маликов (Габитов); 22 декабря (4 января) 1917, Насибаш, Башкортостан — 5 января 1988, Москва) — советский поэт, член Союза писателей СССР.

Дорогой Николай!

Прошу извинить за то, что отвечаю с большим опозданием. В Москве я живу в таком «пожаре», что не имею времени на письма — и отвечаю на них во время отпуска.

Спасибо за книгу. Стихи, к сожалению, не удалось «пустить в дело». В конце ноября — декабре пришлите новые стихи — гражданские, об Урале, о рабочем классе. Я предложу их редколлегии. Я Вам советую купить на месяц путевку в Д/тв. «Переделкино» — и здесь, в Москве, на месте связаться с журналами, с издательствами, может быть следует провести обсуждение Ваших новых работ в СП РСФСР (пусть Челябинское отделение напишет об этом письмо в СП РСФСР).

В общем, в Москве нужно бывать чаще, обсуждаться, «проверить» как бы свою работу, «уточнить» ее и, если надо, и поучиться здесь. Подумайте о высших литкурсах.

Будете в Москве — звоните мне (т. 229-56-92).

С сердечным приветом

М. Львов.

Дубулты

9 сентября 1977 г.

Дорогой Николай!

Посылаю верстку Ваших стихов — они должны пойти в № 9 («Новый мир». — Н. Г.) сейчас читает редколлегия. Правку в четвертую строфу внесли. Свободные стихи возвращаем. Не обижайтесь — к сожалению, очень трудно с местом, портфель редакционный перегружен до отказа.

Надеюсь, в будущем году еще раз вернемся к Вашим стихам.

С сердечным приветом,

М. Львов.

(Если не будет никакой дополнительной правки — верстку оставьте себе).

Дубулты

9 сентября 1977 г.

Давид Самойлов¹ — Николаю Године

Дорогой Николай Година!

То, о чем вы пишете, относится не к судьбе писателя, а к литературной карьере. Это разные вещи.

Три книги в сорок с небольшим — не так уж плохо. Я первую книгу написал в 38 лет. И, наверное, тоже не нравился (Л...).

Зарабатывать на хлеб всем нам, к сожалению, приходится.

Судьбой писателя я называю обязательность поэзии в данной жизни и самостоятельность ее круга.

Думать — и не бояться думать. Писать — и не бояться писать. Поэт не потому поэт, что его печатают, а потому — что он пишет. Не бойтесь небытия. Бесстрашие перед небытием и есть судьба поэта.

Жму руку.

Д. Самойлов.

1975 г.

Дорогой Николай Иванович!

Спасибо за книгу и за письмо. Много в ней понравилось. У вас хороший глаз, ощущение места, погоды, сезона, природы. Человек Вы вполне умелый, так что дилетантом Вас вроде бы и не назовёшь. Вместе с тем, я думаю, диагноз себе Вы поставили верно.

¹ Давид Самойлов (авторский псевдоним, наст. имя — Давид Самуилович Кауфман; 1 июня 1920, Москва — 23 февраля 1990, Таллин) — русский советский поэт, переводчик.

Писатель — это не только судьба вообще, это судьба писателя. То есть обреченность уже от природы, от потребности выражать себя в литературе (это в Вас есть, но это бывает довольно часто) — и обреченность сознательная, обречение себя на то, чтобы быть писателем и ничем другим. Кстати, вы старались побольше увидеть, узнать, побыть в «гуще жизни», а потом уже, обретя опыт, становиться поэтом.

У нас многие думают, что это верный путь. Верный, если бы можно было прожить две жизни.

Все же стандартных судеб в литературе нет. И Вы можете доказать, что для Вас путь, Вами избранный, наиболее верный. Для этого необходимо подняться еще на один этаж высоты — научиться мыслить не поэтическими ощущениями, не метафорами, а высшими категориями человеческого бытия.

Из стихов Ваших мне больше всего нравится «традиционная» пейзажная лирика. Свободный стих и Вам не удастся — он холоднее, рациональнее. Секрета его многие добиваются, но пока без решительного успеха.

Хуже, мне кажется, и стихи «туристские». Они поверхностны и благополучны, как все стихи этого рода.

Вы просили писать без обиняков.

Так я и сделал.

Желаю Вам успеха. Пишите, посылайте стихи.

Д. Самойлов.

Получено 9 июля 1976 года

Дорогой Николай Иванович!

Рад был вести от Вас. Пишите, если захочется, а книжку, конечно, присылайте.

Простите, что сам Вам ее не послал, но здесь у меня нет экземпляров, а в Москве только буду во второй половине января.

С Новым годом. Желаю Вам всего доброго.

Ваш Д. Самойлов.

Получено в апреле 1981 года

Дорогой Николай Иванович!

Ваша книга долго плыла до меня, потому что адрес старый, да и дойдя до нового, она там залежалась — я большую часть года живу в городе Пярну, в Эстонии.

Все же книга дошла. Спасибо за нее.

Книга мне понравилась и по тону, и по поэтике.

Баруздин пишет: «Поэт не отделим от своей биографии». Это верно. Но всегда ли хорошо?

Поэт, мне кажется, должен иногда отделиться от себя в сторону кого-то или чего-то другого. Надо быть сосредоточенным не «на себе», а «в себе».

Я думаю, что Вы и сами (судя по стихам) до этого доходите. Выскажу еще одну мысль (может быть спорную и не очень ясную): биография поэта должна быть не содержанием, а формой его поэзии, т. е. ее органикой, а не простым сюжетом. Поэтому я так не люблю стихи туристские. В них почти всегда наличествует то, что съедено, а не пережито.

Еще раз спасибо за книгу и добрые слова на ней.

Буду рад узнать и услышать Вас.

Ваш Д. Самойлов.

Получено в августе 1981 года

Дорогой Николай Иванович!

Спасибо за письмо и за стихи. Простите меня, но «производственных» стихов я не понимаю. Как, впрочем, и чисто военных. Служба где-то путается со служением. Производство (война) — среда человеческой жизни, а не ее содержание. Нельзя упускать (и великие поэты никогда не упускали) высшие цели бытия, которые выше даже достойных наших проявлений, которыми и гордиться-то незачем, поскольку они естественные для человека. Но все это требует особого разговора.

Лирические же стихи (напр. «Берестяная грамота») мне понравились.

Живу я вполне бессюжетно. Пишу всякое. А вот стихи приходят редко.

В середине января на месяц поеду в Москву.

Пишите. Буду рад.

Будьте здоровы.

Ваш Д. Самойлов.

Получено в ноябре 1982 года

Александр Михайлов¹ — Николаю Године

Москва

Дорогой Николай Иванович!

Простите великодушно: не смог сразу прочесть Вашу книгу и написать Вам из-за своей безумной занятости.

Теперь вот прочитал. Может быть, она и не обладает исключительными достоинствами, но одно я могу сказать с уверенностью, что «Неожиданность души» имеет несомненные признаки наступающей зрелости. Нет в ней — скажу осторожнее — почти нет налёта провинциальности, так явственно отличающего большинство такого рода периферийных (да и столичных тоже) изданий. Умеете Вы изобразить словом, имеете вкус к размышлениям — несуетным, серьёзным и по серьёзным поводам.

Только вот — что дальше? Не видать Вам Олимпа, если начнёте эксплуатировать найденное, достигнутое, если не попытаетесь войти в новое качество — и нравственное, и духовное, и эстетическое.

А все-таки нельзя так писать:

Там, где папоротник древне

Век из кожи к свету лез...

Вычурно, да и не грамотно.

Желаю Вам всего доброго — А. Михайлов

15.01.71

P. S. А почему не подписали книжку — постеснялись? Напрасно. Я был бы рад. А. Михайлов.

¹ Михайлов Александр Алексеевич (1922, дер. Куя, Архангельская обл. — 1994, Москва) — российский критик, литературовед.

Москва

Провалился я тут в больнице, рукописей, книг и дел накопилось много, и Вы простите меня, что я успел только бегло прочитать Ваше «Состояние» (не думаю, чтобы это двусмысленное название книги удачно). Это беглое знакомство, однако, производит впечатление хорошее. У Вас появилась основательность, уверенность, чувствуется, что Вы смелее беретесь за трудное, так и решайтесь еще смелее, так и проявите еще больше дерзости, что ли, когда подступаете к сегодняшним проблемам!

Кое-где, правда, я спотыкался о верлибры или рационалистические строки стихотворений «Язык любви», «Элегия, которую напишу», но в целом книга, на мой взгляд, удалась. М. б. она лучшая у Вас.

Всего доброго.

А. Михайлов.

10.06.85

Евгений Долматовский¹ — Николаю Године

Дорогой Коля,

Возвращаю тебе переводы моего друга Изета Сарайлича. Их надо предложить какому-нибудь другому журналу. Я их прочитал, считаю, что стихи в твоём переводе выглядят неплохо. Но дело в том, что в журнале «Иностранная литература» мы вынуждены, по многим причинам, дозировать публикацию того или иного поэта, той или иной поэзии.

Что касается Югославии, то Сарайлича мы печатали в подборке, а теперь надо, если будем печатать, представить поэтов других республик и литератур этой Федерации.

Приходится лавировать между претензиями и обидами. Я пишу это тебе, раскрывая редакционную кухню, не для передачи Сарайличу, вообще кому бы то ни было, но как товарищу и соратнику. Впрочем, я могу объяснить и самому Изету, но при встрече, а не письменно...

Ты должен простить меня за столь скрипучий и несвоевременный ответ, но, как всегда, у меня есть уважительные причины — сперва я был в Финляндии, потом отсутствовал главный редактор, с которым я мог бы обсудить твоё предложение. Мое и редакции доброе отношение к Изету вне подозрений, ну, а к тебе — и разговору нет.

Твой Евгений Долматовский.

2.04.78

Москва

¹ Евгений Аронович Долматовский (1915, Москва — 1994, Москва) — советский поэт. Автор слов многих известных советских песен.

Владимир Огнев¹ — Николаю Године

Москва

Дорогой Николай Иванович!

Прилетел из одной командировки — собираюсь в другую.

Книгу Вашу прочитал сходу, так как накопилось много писем, рукописей, статей, а быть невнимательным к людям нельзя. Но первое впечатление — всегда приблизительно (а может и нет?)... Отметил такие разные стихи, как «1941», «Мама», «В детстве...», «Прежде и теперь», «Война» (показалось что это — хорошая песня), «Наконец-то мы стали вполне современными...»)

Всё интересно, но стихи делает стихами по-моему только глубокая концентрация, когда они выстраданы. У Вас такие стихи тонут, извините, в остроумных и метких зарисовках состояний. Многие стихи описательны, и так сказать, неударны. Не знаю, понятно ли это? Что касается переводов из Сарайлича, по-моему, это хорошо. Книжку Сарайлича испортили, конечно, в «Мол. гвардии». Я говорил в «Радуге». Но там долго изучают вопрос.

Извините за краткость. Ещё меня заинтересовала Ваша биография. Как Вам удалось поехать по свету? Вы много видели, многое знаете, интересно думаете. А не попробовать (или пробовали?) Вам писать прозу? У Вас цепкий глаз, мысли не банальные. Только я имею ввиду не «тургенизмы». А настоящую современную прозу.

Желаю добра.

1 июня 1985.

Ваш Вл. Огнев

¹ Владимир Федорович Огнев (1923, Полтава) — критик, общественный деятель.

Илья Фоняков¹ — Николаю Године

Город Ленинград

Дорогой Николай!

Письмо твое взволновало меня. Не по поводу премии НН — это как раз меньше всего занимает меня, я как-то с самого начала отношусь несерьёзно к литературным премиям. Может быть, потому что вырос в годы Сталинских премий, когда было слишком очевидно, что литературная ценность играет в этом деле не первую роль. Это, в общем-то, неизбежно — возьми пример, казалось бы, чуть ли не противоположный — Нобелевские премии. Присуждение таковых Пастернаку, а затем — в качестве некоего «противовеса» — Шолохову, — отражает колебание политической температуры по отношению к стране, в которой мы живем, только и всего. Искусство никакими премиями не измеримо, все это ерунда, все это отлично понимают. Так что не очень волнует меня, получит ли НН свою премию. Полагаю, что нет, ибо имя его слишком уж «не звучит» в литературе. Вмешиваться как-то в это дело — задача неблагодарная, да и не вижу я путей к этому. Существенней другое: то, как по твоим словам, издевались над тобой два эти типа. Чего стоит ХХ — я еще с Кемерово знаю. Они не одиноки: поднимается какая-то мутная, гнусная волна в литературе. Иван Лысцов, небесталанный и когда-то, как

¹ Илья Олегович Фоняков (17 октября 1935, Бодайбо Иркутской обл. — 23 декабря 2011, Санкт-Петербург) — советский, российский поэт, журналист, переводчик.

мне казалось, порядочный человек, пишет в книге своей «Доля»:

И уж не удаль сердце трогает,
А всеобъемлющая грусть.
...А кто-то душу править пробует,
Смешно картавя в слове «Русь»!

А в другом месте называет сам себя: «Белокурая бестия строк...» Что такое «белокурая бестия» всем хорошо известно. Вот на это на все — надо как-то реагировать. И творчески, и граждански, и даже, при случае, физически — и имею в виду битые морды, ибо вся эта мерзость сопровождается клятвами в верности Руси и русскому народу. Бестии путают, очевидно, русский народ, к которому все принадлежим, и «Союз русского народа» — известную в свою время черносотенную организацию. Вот так.

Насчёт «Молодой гвардии» — не огорчайся. Это их всегдашняя манера. Зря связался с этой конторой. Лучше «Сов. писатель». Солиднее. Буду в Москве — постараюсь нечто узнать, заручившись, для солидности, поддержкой соруководителей по семинару: Долматовского, Смольникова.

В «Огни» присылай еще. На имя Саши Романова — зав. отделом. Сошлись на меня. Я хотя и не член редколлегии смогу проследить за судьбой стихов. В прошлые разы сделать этого не смог — больше полугода был в отлучке, жил 6 месяцев в Японии как стипендиат ЮНЕСКО. Это особая статья, особый разговор.

Жму руку!

21.01.1970 Илья (Фоняков).

Город Ленинград

Дорогой Коля!

Новогодний привет получил. Спасибо. Рад, что ты «в порядке» — здоров и бодр, побывал у шведов и т. п.

Читал и статью твою в «Правде».

Вдруг задумался: а правильно ли ты сделал, отказавшись от директорства в Южно-Уральском издательстве? Логика твоя мне понятна, я сам не раз отказывался от соблазнительных предложений под тем предлогом, что «чиновник из меня не выйдет». Так же точно поступают и многие мои друзья. И в результате мы отчётливо видим, кто занимает в конце концов «ключевые» кресла: не лучшие люди. Благодарный отказ имеет смысл до определённого возраста, а теперь-то мы уж давно не юноши, пора и ответственность какую-то на себя брать. Это я не только с тобой, это я — и с собой говорю тоже.

Далее. Я не думаю, что тебе следует еще долго оставаться «экскаваторщиком, пишущим стихи», «экскаваторщиком — членом Союза писателей СССР». Это прекрасно, но, наверное, тоже до поры, до времени. Наше время в литературе — это время профессионалов, у тебя есть все данные, чтобы быть им, и никто не посмеет тебе сказать: «Слишком рано». «Отрыв от жизни» тебе не грозит — материала хватит, небось, на три жизни. Конечно, жить одной литературой, наверное, трудно, тем более в Миассе. Я пишу тебе все это отнюдь не для того, чтобы ты завтра побежал с заявлением в отдел кадров. Но, если будут еще какие предложения — подумай... может быть, я не прав. Не знаю. Мне кажется, что прав.

У меня тоже, в основном, все по-прежнему. Пишу стихи. Написал книгу о Японии, где был полгода в 1969 году. По-прежнему в «Литературке».

Жму твою руку, желаю успехов всяческих.

20.01.72. Твой Илья Фояняков.

Не сразу отправил письмо — затерял где-то твой адрес. Посылаю уже в феврале. Илья.

Дорогой Коля!

Рад был получить твою книгу. Рад, что ты нашел возможность издать ее. Читал с удовольствием, сначала ставил «плюсы», не разбирал — знакомое или незнакомое, потом перестал: больно много получается «плюсов». И все вот — любимое и облюбванное: «Помолимся господу Баху...», «Взрыв» («Скала подпрыгнула и села...»), «Уют далек от идеала...», «1941-й» (особенно концовка!), «Малина», «Сумерки» («вся в звездах, как в репьях...»), «Веники», «Заработала орден Сутулова...», «Прежде и теперь», «Немыслимое», «Любить отечество для пользы...», конечно, «Утки прилетели на болото...», «Ниагара», «Обломали радость...», «Зазимок»... Нет, впрочем, остановлюсь: еще много. Интересной неожиданностью для меня была твоя «малая проза», хотя не все в ней кажется мне равноценным. Впрочем, у кого бывает все равноценно?

Хочу написать о твоей книге, хотя бы и в «Литгазету». Но просто рецензии там не любят, надо что-то придумать, «вписать» тебя в какую-то статью, чем (придумыванием) я сейчас и занимаюсь.

С Союзами и издательствами сейчас, по-видимому, везде одинаково. Я нашёл для себя один выход: «Самиздат» при помощи компьютера, образец коего тебе и посылаю.

Будь здоров и бодр.

23.01.91

Твой Илья (Фоняков).

Леонид Григорьян¹ — Николаю Године

Ростов-на-Дону

Дорогой Николай!

Прочел твою рукопись с большим удовольствием, но, увы, слишком тороплив, ибо завал служебных и домашних дел так и не рассосался, скорее, наоборот. Общее впечатление очень хорошее, многие стихи просто прекрасные, но есть и «маловысокохудожественные», как говаривал Зоценко. Но это, конечно, на мой вкус, а он не так уж бесспорен. Это, прежде всего, стихи «заграничные», в которых я не почувствовал внутренней необходимости и вообще поэтического нерва. Затем стихи собственно рабочие, хотя все они сделаны интересно, со всякого рода находками и, если бы не последующая лирика, выглядели бы вполне прилично. Но все это от меня слишком далеко, чтобы вызвало хоть какой-то отзвук. И еще ты, по-моему, злоупотребляешь иноязычными словечками (я сам этим грешу) и иногда жаргоном, но это, может быть, и хорошо — стих звучал непринуждённо, современно, не (...). И вообще, все стихи очень непринуждённые, но к концу чтения возникает ощущение некой избыточной легкости, чуть ли не от лихости от сознания своего умения писать стихи, молодости, силы. Но от этого даже драматические стихи звучат не драматически, не выстраданно. Кое-где мелькают приметы Вознесенского (поэта, чья роль, на мой

¹ Леонид Григорьевич Григорьян (27 декабря 1929, Ростов-на-Дону — 30 августа 2010, Ростов-на-Дону) — российский поэт, переводчик современной французской прозы и армянской поэзии.

взгляд, бесповоротно сыграна, а он никак не возьмет этого в толк и продолжает плодить близнецов и ломаться перед скучающим читателем). Наличествует и Евтушенко, тоже своего рода «мать-героиня» от поэзии. В неостывшей любви к нему ты расписался в своем «Портрете Евтушенко», нарисовав поистине величественный лик пророка и мудреца, а он ни то, ни другое, а всего лишь слабый, тщеславный, очень одаренный, но избалованный не всегда заслуженной славой человек, не оправдавший надежд и смутно понимающий это. Я сам нежно любил этот темпераментный «тандем», и сделали они, конечно, немало, но все же это уже «позавчера», а вчера, сегодня и завтра, как мне думается, Тарковский, Кушнер, Мориц, Самойлов, Глеб Семенов, Чухонцев, Левитанский, Межиров, Соколов, Булат, Белла. Может быть, все еще Слуцкий, который долго еще будет спасать нашу поэзию от греха рафинированности и эстетства, хотя сам всегда будет в тени. Для меня же всегда будет оставаться поэтом номер один Кушнер, очень близкий и родной мне поэт. Но ведь и для тебя тоже? Кстати, стихотворение твое, ему посвящённое, мне не очень-то понравилось — в нем нет дистанции, а есть снисходительное похлопывание по плечу, а это нехорошо. Ведь все мы гораздо ниже него...

Не сердись, что я так разболтался и вроде бы не по существу. Я плохой редактор, но ведь ты от меня и не ждал, наверное, искания поэтических блох. На это я и не имею, кстати, никакого морального права, так как всего лишь дилетант, а это от итальянского «дилетто», что означает «удовольствие», «наслаждение». Поэтому я пишу с удовольствием, читаю стихи с удовольствием и разглагольствую о них с удовольствием. А вот ощущения своего права вещать и поучать у меня, слава богу, нет. Так вот, мне кажется, что сборник твой в целом очень даже удался и, если ты изынешь из него все случайное, облегченное и все то, что вольно или невольно играет на конъюнктуру, он только выиграет, хотя, наверное, станет менее проходным. Однако же, как мне кажется, все же проходным. Кстати, где ты его собираешься печатать?

Не сердись, если что не так.

Будь здоров и благополучен. Твой Леонид (Григорьян)
21.03.1974

И еще. Очень удались тебе переводы из Сарайлича. И, по моему, в рукописи они вполне уместны. Не уверен только, что должны они завершать ее.

Ростов-на Дону

Дорогой Николай!

Спасибо, что помнишь, спасибо за газетную подборку. Вижу, что из тебя, как говорил Пастернак, «лезет книга», и книга отличная. Люблю в твоих стихах, кроме высокого профессионализма, хищную наблюдательность, вещность, плотную конкретность. Вот уж кто поэт не книжный, так это ты. Не нравилось мне в твоих стихах некая легкость и мажорность позиции, в этой подборке такого почти нет. А может быть, я и ошибался: иногда легковёрность была в неудачно выбранных летучих размерах, а они шли от легкости, с которой тебе всегда давался стих как таковой, процесс стихосложения. Да и молодость, да и удачливость. Сейчас не то. Твои незадачи мне вполне понятны — окружающее и окружающие не дают повода для чрезмерного оптимизма. Остается рекомендованная Чаадаевым «приватная нравственность», раз уж мир не поддается переделке. Завидую тебе, что стихи у тебя по-прежнему идут, это, что не говори. Большая радость, компенсирующая наши беды. А раз идут у тебя, то рано или поздно пойдут и в печати. Вот сегодня только прочёл, что в «Новом мире» объявлены твои стихи. В прошлый раз они дали тебе более чем куцо, авось на этот раз дадут попредставительней. А газетка ваша и впрямь суперлиберальная, у нас такое стопроцентно невозможно. О пиитах наших можно сказать словами Светлова: «они получают копейку за вздох и рубль за строку оптимизма». Они эту истину хорошо усвоили и потому никогда не вздыхают. У нас сейчас полная смена поколений, вместо старых и достаточно

гнусных зубров к власти пришли младоподонки, совершенно бесталанные и от того еще более агрессивные. Контакты мои с ним, слава богу, равны нулю. Да и не пишу я ничего. Чтобы хоть чем-то отдарить, прилагаю свой давний, но недавно обнаруженный перевод поэта-армянина, живущего в Швейцарии, Ваге Годеля. В свое время я много переводил и его стихи, и стихи других армян диаспоры, и все это охотно печатала «Лит. Армения», но теперь мои собратья-ростовчане изгнали меня и оттуда. Заодно приложу гениальное, на мой вкус, стихотворение Чухонцева (прости, что заново не перепечатаваю), оно было года два назад напечатано в «Лит. Грузии». Олега я видел только однажды, в Коктебеле, куда приезжал за телом внезапно умершего там своего друга — великолепного прозаика Виталия Семина (ты, наверно, знаешь его в «Семерых и одном доме», напечатанных в свое время еще Твардовским, а может быть и его коронную книгу — «Нагрудный знак ОСТ», которая издавалась многократно в Ростове и Москве, в том числе в «роман-газете»). Слышал, что Чухонцев с Кушнером недолюбливают друг друга, как все большие поэты, я же люблю их обоих. Ты, должно быть, знаешь, что в следующем году «совпи-сом» объявлен второй (!) сборник Олега. Думаю, что на подходе и Кушнер. О его семейных переменах я слышал — значит, не выдумывались его блистательные стихи о любви! О себе написать почти нечего. Много времени и сил занимает вражда с новым моим институтским шефом, законченным негодяем, интриганом и ничтожеством, который ест меня поедом, так что мои литературные супостаты по сравнению с ним грудные младенцы. Ну, будь здоров и благополучен. Жму руку.

Твой Леонид (Григорьян).

1.10.82

Ростов-на-Дону

Дорогой Николай!

Спасибо за новогодние поздравления и пожелания. Прими и мои ответные, прости, что запоздал, — новогодние и рождественские. По разным причинам я в этом году никому,

в том числе и Кушнеру, поздравления не посылал. И болел, и нищенствовал. Неужели я не подтвердил получения от тебя отличного «Избранного для друзей», точно помню, что сразу же ответил — значит, письмецо мое затерялось, что сейчас не редкость. И издана она прекрасно (у нас так не умеют), и чрезвычайно интересна и в стиховой своей части, и в прозаической. Ты молодец, что не поддаёшься безвременью и вообще не сдаешься. Правда, ты меня малость помоложе, а это, как я на опыте уяснил, весьма существенный фактор. В Ростове, кроме ничтожного «Дона» и разномастных газеток печататься негде, да, но по совести говоря, и нечего, так что и в метрополию ничего не посылаю. Как-то поиссяк. Когда-то, лет 17-ти отроду, я написал стишок, где с видом утомлённого мудреца и циника накропал: «Старость ставит свой суровый росчерк, не спросясь ни у каких властей. Все теперь бесстыднее и проще: стих — кормушка, женщины — постель». Как ошибался этот самонадеянный юнец и в первом, и во втором! Стихи уж точно не кормят, а женщины... да о чем тут говорить! Хотя в части первого все обстоит внешне обычно, две-три подборки за год: «НМ», «Дон» да еще «Лит. обозрение» и газетки. Но все какое-то вымученное. Да как правило, и не новое. На очередной сборник нет ни денег, ни стихов (достойных). Коллеги мои как-то выискивают спонсоров, а я не умею. Действует на нервы хроническое безденежье: пенсион не несут по два-три месяца, подработки почти нет, так, иногда случайные уроки. Правда, недавно одно местное шустрое издательство поручило мне составить сборник латинских юридических терминов и поговорок, договор заключен, сборник сдан, в случае выхода этой компилятивной халтурки получу что-то около миллиона. Да еще в третьем номере «Знамени» должны пойти несколько рассказиков Камю, частично в моем переводе. Вот и все ауспicii на предстоящий год. И все же я не кликушествую и нипочем бы не хотел вернуться в советское прошлое, где одно было хорошо — молодость. А окрест все, особенно мои коллеги, плачут и рыдают по коммуне.

На этой сравнительно мажорной ноте и закончу. Надеюсь, твоё самочувствие и твои дела обстоят повеселее. «Не оставляйте стараний, маэстро...»

Всего тебе доброго.

Твой Лёня.

06.01.97

Ростов-на-Дону

Дорогой Коля!

Сегодня получил бандероль с двумя, прекрасно изданными, книгами — одна для меня, другая для Вики Кононыхиной-Семиной (завтра передам ей). Огромное тебе спасибо. Кстати, я недавно послал тебе эпистола, узнав от Инны Борисовой, что Рустам Валеев поручил пересылку тебе. Послал письмишко по давнему адресу Челябинского СПР, хоть и почти не сомневался, что адрес этот устарел — за последние годы наш СП трижды вынужден был переместиться. Всегда радуюсь, обнаружив твои стихи в журнале — жаль, что это бывает редко. А я, брат, стишата почти не пишу — видать, исписался, и, стало быть, никуда их давно не посылаю. Изредка забавляюсь переводами. Впрочем, — 3 брошюрки в новом тысячелетии в Ростове тиснул, а тебе, свинище, не посылал — слабо, автоповторы. А на сегодняшний день у меня осталось по одному экземпляру — тиражи-то были по 100 — 200 штук. Надеюсь. Твой Пегас скачет по-прежнему резво. Дай-то Бог! Я хвораю разнообразными хворями. Опять же надеюсь, что ты бодр и здоров — ты-то меня помладше — мне скоро стукнет 78! А вокруг мрут, мрут... старше меня в СП сейчас только тяжело болеющий Д. Долинский и Н. Егоров. Но хватит о мрачном. Еще раз — огромное спасибо!

Твой Лёня (Григорьян).

Поклон Рустаму и благодарность. Саша его очень любил.

7.11.2007

Юрий Орлицкий¹ – Николаю Године

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

Беспокоит Вас один из Ваших заинтересованных читателей: вот уже много лет я занимаюсь русским свободным стихом и стараюсь собрать все, что ни написано. Естественно, давно в поле моего зрения и Вы с Вашими стихами. Что-то из сборников я сумел купить, с других перепечатал верлибры; так что «досье» на Вас солидное: все свободные стихи из книг «Состояние», «Осенины» и «Белое, синее». Хотелось бы знать, есть ли у Вас еще книги и какие; где еще – в журналах, газетах и т. д. – Вы печатали свои верлибры. Дело в том, что я сейчас завершаю работу над библиографией русского свободного стиха, и Ваша помощь мне очень нужна.

Есть еще одна просьба: ответить на вопросы анкеты, разосланной мною десяткам авторов, пишущих свободным стихом, по ее материалам я буду готовить обзор для одного из столичных журналов, так что тоже просьба – помочь. А то ведь в Москве многие считают, что стихи (и верлибр в том числе) пишут только в столице. А я – сам провинциал – защищаю, как могу, достоинство хороших провинциальных стихов.

И последнее: 27 – 28 апреля в Москве состоится Фестиваль верлибра, в ближайшее время Вы должны получить официальное на него приглашение. Был бы очень рад очной встрече и знакомству.

¹ Юрий Борисович Орлицкий, родился в 1952 г. в Челябинске. Доктор филологических наук. Специалист по теории стиха и прозы (стихovedение), теории литературы.

В любом случае надеюсь на ответ, по возможности — скорый.

Март 1990 г.

Искренне Ваш
Юрий Орлицкий.

Александр Кушнер¹ – Николаю Године

г. Ленинград

Дорогой Коля!

Очень обрадовался твоему почерку на конверте, но огорчился, когда читал письмо. Чего же ты болеешь? Очень беспокоюсь за тебя. Выздоровливай, пожалуйста.

Говорят, наши болезни приходят к нам, когда мы сами того хотим, т. е. когда у нас ослабевает и устает дух, душа. Если это хоть отчасти верно, постарайся не унывать и повеселеть.

Я и сам знаю, как это трудно, но все-таки...

Ты пишешь о депрессии, не знаю, утешит ли тебя мое признание, но со мной происходит примерно то же, сам не знаю, как это называется, может быть, неврозом. И жуткое уныние. А когда я вспоминаю своих друзей, знакомых, то вижу, что у всех что-нибудь горькое, счастливых, кажется, и нет.

Все это грустно очень, потому что я верю, что счастье возможно еще при жизни, здесь, а не там.

Коля, держись. Ты поэт, значит, — все-таки счастливый человек, потому что у тебя есть редкая возможность преобразовать свою боль в стихи.

Ну и, конечно, избавляйся от нефрита.

¹ Александр Семёнович Кушнер (14 сентября 1936, Ленинград) — русский поэт. Автор около 50 книг стихов (в том числе для детей) и ряда статей о классической и современной русской поэзии, собранных в пяти книгах.

Я звонил Николаю Леопольдовичу Брауну. Он сказал, что стихи твои ему понравились и он надеется их напечатать в «Звезде». Он взял у меня твой миасский адрес.

Что касается «Авроры», там трудно чего-нибудь добиться: у меня с людьми, работающими там, нет контакта. Я думаю, напиши им и спроси, пойдут стихи или нет?

Всего тебе доброго, новых стихов, бодрости и здоровья.

Таня передаёт привет,

Твой А. Кушнер

7 ноября 1972 г.

г. Ленинград

Дорогой Коля!

Большое спасибо за книгу и за посвящённое мне стихотворение. Книга мне понравилась, по-моему, она лучше предыдущей, очень хороши все приметы и подробности уральских городов и уральской природы. Это очень важно, когда поэтический мир закреплён за какой-нибудь определённой местностью, а не парит в нежилом пространстве.

Удались также стихи о любви, особенно «Язык любви» и «Вспомни обо мне», хороши переводы из Сарайлича.

Пожалуй, слабее других — стихи о загранице, так мне показалось. Но в целом, книга хорошая, сильная, и я тебя от души поздравляю.

С критиками я почти не знаком, они народ капризный, а главное — им надоели стихи. Иногда кажется, что они вообще стихов не любят. Не все, конечно. Так что не знаю, кому показать книгу. Думаю, куда важнее, чтобы она дошла до читателя, и уверен, что дойдет.

Всего доброго.

Еще раз спасибо.

Твой А. Кушнер

1975 год

г. Санкт-Петербург

Дорогой Николай,

Очень виноват перед тобой, — давно и с удовольствием прочёл твою книгу, многое в ней отметил, благодарен в том числе за посвящённое мне стихотворение, но жизнь последнее время так устроена, сам знаешь, что сесть и написать письмо почти невозможно.

Одолевают дела, какие-то срочные обязательства и необходимости, звонки, работа. Я много сил отдаю в качестве главного редактора «Библиотеки поэта». Зато мы выпустили обэриутов, Волошина, Мандельштама, Вяч. Иванова (двухтомник). Боюсь, эти книги до Челябинска не доходят. Разобщённость, разрыв связей удручают и непонятно, преодолеем ли мы этот распад.

Ты пишешь о куче внуков и внучек. У меня тоже их двое. Вот мы и состарились.

Рад, тем не менее, что ты пишешь не только стихи, но и прозу. А главное, выпускаешь книги.

Я желаю тебе здоровья и успехов.

Обнимаю,

Твой А. Кушнер

1 июня 1996 г.

Виктор Поляничко¹ – Николаю Године

Москва

Дорогой Коля!

Рад был получить весточку и добрую книжку стихов. Ты растёшь, мужаемь, горжусь тобой.

Будешь в Москве – заходи.

С праздником! Успехов в работе, семейной радости, свежести чувств. Приветы товарищам.

Обнимаю,

В. Поляничко

5.11.78

¹ Виктор Петрович Поляничко (9 марта 1937, Ростов-на-Дону – 1 августа 1993, с. Тарское, Пригородный район, Северная Осетия) – политический и государственный деятель СССР и Российской Федерации, кандидат исторических наук (1971), член Союза журналистов РСФСР.

Иван Ганибесов¹ – Николаю Године

Город Златоуст

Уважаемый Николай Иванович!

Доброе дело Вы задумали – создать литературный музей. Несомненно, я смогу Вам выслать кое-какие черновые наброски Василия Петровича, его личные письма, кое-какие фотографии. Но пока это задумка – не реальность. Выслать материалы сейчас значит похоронить их у кого-то в шкафу, в лучшем случае, у Вас. Гарантию за сохранность материалов можно давать только в том случае, если Ваш литер. музей станет филиалом Миасского краеведческого музея, то есть Государственным учреждением, а не самодеятельным. Надеюсь, Вы с этим согласны. А пока Вы можете создавать литературный музей из имеющихся публичных материалов – Лидия Сейфуллина, Юрий Либединский, Гравишкис...

С уважением, И. П. Ганибесов

25.03.84

¹ Иван Петрович Ганибесов, родной брат писателя В. П. Ганибесова.

Изет Сарайлич¹ – Николаю Године

Мне, милый Коля, очень нравится твой перевод «МатэЗалка». Может быть, я по переводу сделаю оригинал! А в стихотворении «Она вернулась. Она спит» вместо «столичного» отеля нужно ставить «истамбульского». Ибо иначе нет логики – зачем тут Хикмет? И спасибо тебе, дружок. Все-таки публикация в «Миасском рабочем» выше публикации в «Иностранной литературе». Там попадешь и иначе, а здесь...

Я не пишу тебе, потому что устал. Так или сяк, мне все же послезавтра 43 года. Но это совсем не значит, что иногда не подумаю на тебя. Уж и твое имя – Николай Година – мне очень нравится. С таким именем невозможно лишь прогулять по литературе. Такие имена остаются. И очень хорошо знать, что через года у меня будет друг – Година. А потому что он довольно младше меня, пусть он не обидится, что на его три письма идет одно мое. И в одном любовь та же как в трех! Всего тебе доброго.

Твой Изет.

14.03.73

¹ Изет Сарайлич, поэт, эссеист, прозаик. Родился 16 марта 1930 в городе Добой (Босния и Герцеговина, Югославия) в семье железнодорожника. Окончил философский факультет Сараевского университета. Переводил поэзию с русского (Л. Н. Мартынов, С. И. Кирсанов, И. Л. Сельвинский, М. А. Дудин, Б. А. Слуцкий, С. П. Гудзенко, Б. Ш. Окуджава, А. А. Вознесенский, Е. А. Евтушенко), польского (К.-И. Галчинский) и других славянских языков. Умер 2 мая 2002 в Сараеве (Босния и Герцеговина).

Дорогой Николай!

Очень был тронут твоим письмом-стихотворением. Но у тебя и такая фамилия, что ты должен вспоминать года рождения своих друзей. Из моих 44 годов, я бы очень рад забыть хоть 20. Да, как бы теперь хорошо было печатать свои стихи в рубрику начинающих поэтов. В здешнем литературном журнале «живот» (Жизнь!) видел, в переводе моего редакционного друга поэта Велимира Милошевича, одно твоё стихотворение. Слово идет о подборке молодой советской поэзии, с которой в сараевском журнале гостила «Дружба народов». Если у тебя журнала нет, напиши и пришлю. Журнал пока что вышел.

С наилучшими пожеланиями тебе, твоей поэзии и твоей семье.

Твой Изет.

1974.

Дорогой Николай,

Ты не руководитель челябинской организации писателей, а ангел. Всегда от тебя приходит ко мне что-то хорошее и нежное. И за твои новые переводы могу сказать, что это по-настоящему я. Да и стихи, которые ты выбираешь, всегда те, которые и я люблю. Я и сам немного дополнил твой портрет в «Книге друзей», если когда-нибудь состоится второе издание книжки. Огнев всегда таков: или обещает крупными словами или вообще не пишет.

На этом и заканчиваю о литературе. Что касается семейной жизни ты, конечно, более счастлив, чем меня: я еще не дед, а у тебя уже двое внуков. Всего им доброго! Новым годам уже мало радуюсь, но они существуют и теперь нам надо из-за этого обнять друг друга. Обнимаю и желаю здоровья, счастья и новых стихов.

Твой Изет.

1988.

Дорогой Николай,

Уж не знаю когда, но я тебе послал и одно из новых избранных, и новую книжку — «Некролог соловью». Но больше вообще не буду слать книги почтой. Ты не единственный, который их не получал.

Miami, tiamo — по-итальянски: Любишь ли ты меня? Люблю! (tiamo).

Правда, я не стал еще дедом, но у меня есть время: я старше тебя всего на 5 лет.

По-прежнему пишу ежедневно, в печати новая книжка, а и на столе есть довольно много нового. Огнев писал про какую-то мою более объёмистую книгу в Москве, а потом по обычаю замолчал. А что касается Куприянова, я и дальше убежден, что лучшее белые стихи в России наших дней пишет Николай Година.

В Москву собирался, а теперь жду приглашение от Союза писателей.

Обнимаю и желаю всяческих радостей.

Твой старый Изет.

Милый Николай,

очень хорошо, что «Будни» вышли в «Современнике», хоть я с собой на море взял — лучшие «Старые игрушки». В этой челябинской книге ты весь, а это значит больше 10 лучших московских поэтов. Да, милый ты мой, у тебя чертовски хорошая поэзия и я обещаю тебе этой зимой перевести 10—15 стихотворений. Правда, этим делом хотел бы заняться и муж моей дочери, молодой поэт, точнее ассистент на философском факультете, но во всяком случае это — будет. У меня на днях вышли прекрасно изданные избранные сочинения в двух томах, но послать их почтой, это, как бросить их на ветер. Я тебе послал и свою последнюю книжку «Прощание с европейским гуманистическим идеализмом», но, хоть она тоненькая, ты её не получил.

Огневу я рекомендовал именно твои переводы (он говорил даже о книге), но теперь, наверно, никому до друзей.

Да и пишется как-то с чувством, что твоя тоска по любви никому не нужна. До следующего письма пусть это будет всё.

Обнимаю и желаю тебе, твоей семье всего хорошего.

Твой древний Изет.

Сараево.

26.1X.90.

Сараево, 22.8.97

Дорогой Николай, по-прежнему люблю читать твои стихи и получать письма от их автора. Я наверно тебе уже писал что сербские фашисты (в сравнении с которыми немецкие были почти люди!) бросили 3 миллиона гранат на Сараево. Одну специально от «поэта», русского лауреата Радована Караджича, получил и мой дом. Но зачем об этом? У меня есть мой военный друг шестилетний внук Владимир. Я и живу из-за него. Правда, мои книги выходят на разных языках, в Италии и в Турции получил даже и какие-то премии, но лучше всего смотреть в глаза внука и быть генеральным секретарем его маленькой жизни.

Обнимаю, твоему семейству желаю всего доброго.

Твой Изет.

Мой адрес: Асима Ферхатовича, 9

71000 Сараево

Босния и Герцеговина

Олег Чухонцев¹ — Николаю Године

Дорогой Николай!

С Новым годом! Будь спокоен, твёрд и, если можешь, счастлив. (Хотя Фазиль и говорит, что счастье — это попытка уйти от сознания).

Надеюсь, что и с книгой всё утрясётся со временем, правда, крови тебе ещё попортят, но это наша общая участь.

Будь здоров, наконец.

31.XII.75.

Москва

О. Чухонцев

8 августа 1998

Москва

Дорогой Николай!

Прости, что я как та улита, которая собралась на свадьбу, а успела на поминки: сильно спешила. Я так давно собирался выслать тебе книгу, но поход на почту для меня — как полёт на Марс. Надеюсь на твоё великодушие.

Со стихотворением, посвящённом Астафьеву, вышла некоторая заминка, поскольку общий блок из одного — трёх стихотворений никак не складывается, а давать абы как не хочется.

Будь здоров и благополучен!

Обнимаю, всегда твой

О. Чухонцев

¹ Олег Григорьевич Чухонцев (8 марта 1938, Павловский Посад Московской области) — российский поэт.

25 сентября 2004

Москва

Дорогой Николай!

Извини, что с таким опозданием высылаю тебе книжку. Дело в том, что после нашего разговора я сначала загремел с сильным заболеванием, потом полубольной должен был сопровождать жену, тоже с незажитой болезнью, в Германию, иначе трехлетней давности грант пропал бы бесследно (это ее награждали когда-то за повесть «Разноврозие»), а потом просто закрутился с ремонтом квартиры и проч. К тому, и главное: я люблю получать письма, но идти на почту, выстаивать очередь, заполнять бланки и другая мура — как подумаешь...

Так что прости мое разгильдяйство. До стихов в этом году, как и в прошлом, для меня катастрофически из-за смертей близких, как-то не доходят руки. Надеюсь на осень, но и она, как подумаешь, обещает пустые хлопоты. Но не будем жаловаться: все-таки живы и слава Богу!

Читал зимой, кажется, твою интересную подборку в «Знамени». Вообще и ты, и Урал удивляют: вулкан проснулся!

Желаю тебе всех благ!

Сердечно твой О. Ч.

Сергей Баруздин¹ – Николаю Године

15 мая 1985

Переделкино

Дорогой Николай Иванович!

В «Советском писателе» вышла моя книга «Писатель. Литература. Жизнь», в которой есть главка о Вас (см. стр. 226 – 228).

Посмотрите!

Да, а дома у меня приятное событие.

В честь 40-летия Победы мы с Розой Михайловной трянули стариной и вот 26 июня у нас родился сын.

Так что на свет появился еще один Михаил Сергеевич!..

Учитесь!

Рецензию на Вашу книгу для «ДН» заказал.

Всех-всех благ Вам!

Искренне Ваш

С. Баруздин.

6 августа 1990 года

Дорогой Николай Иванович!

По старой дружбе обращаюсь к Вам с большой просьбой.

Многие последние годы, увы, челябинские литераторы не присылают мне свои книги с автографами для Нурека. Хотя некоторым я и напоминал.

¹ Сергей Алексеевич Баруздин (1926 – 1991) – русский советский писатель.

Не могли бы Вы помочь мне в этом деле?

Возьмите у всех своих коллег по одной-две последних книги с автографами для Нурека, а заодно и у тех молодых, кто находится на пороге СП и пришлите в редакцию.

Автографы приблизительно такие: «Интернациональной дружинской библиотеке в славном Нуреке от автора...» и т. д.

Ну, а Вы лично могли бы прислать мне одну-две приличных книги о Челябинске (город, его история, культура и т. д.) с таким автографом: «Библиотеке «ДН» в интернациональном Нуреке от старого друга Сергея Баруздина...» и т. д.

Наша уникальная коллекция книг с автографами в Нуреке постоянно растёт и сейчас насчитывает уже более 35 тысяч томов. По данным ЮНЕСКО, она не имеет себе равных в мире.

Не знаю, как Вы относитесь к нашему Президенту (я лично скептически), но и М. С. в этом году подарил нурекчанам по моей просьбе три своих книги с автографами.

Так что дело за литераторами-челябинцами и за Вами!

Заранее благодарен Вам!

Всего Вам самого-самого доброго!

Искренне Ваш

С. Баруздин

Сергей Бирюков¹ – Николаю Године

Тамбов

9 июня 1997 года.

Уважаемый Николай Иванович!

Спасибо за неожиданный подарок – «Берестяную грамоту». Книга прекрасно издана. Поздравляю с этой удачей. С интересом читаю. Хорошо помню Ваши стихи. Ваша книга была тогда одной из немногих.

Очень хорошо, что Вы объявились. Во-первых, Вам надо бы участвовать в фестивалях свободного стиха в московском музее Сидура. Во-вторых, все время возникают какие-то проекты. Для одного из них пришлите мне на всякий случай: краткую биографию (с упором на творческую деятельность), полную библиографию. (Ваши книги, публикации и о Вас) и фотографию.)

Всего доброго.

Высылаю свою давнюю книжку, благо она влезает в конверт.

Сергей Бирюков.

¹ Сергей Евгеньевич Бирюков (род. 1950, деревня Торбеевка, Инжавинского района Тамбовской области) – российский поэт, литературовед, исследователь русского и зарубежного авангарда.

Николай Воронов¹ — Николаю Године

Переделкино

7 апреля 1991 г.

Дорогой Николай Иванович!

Книги мы посылаем друг другу, а впечатлений не высказываем. Равнодушия тут нет, с моей стороны, по крайней мере, зато есть всепожирающие беды. О делах я не говорю: они под магмой, вулкан бытия потопен. Возрастное? От страданий? Пожалуй. В молодости лава не умела меня накрывать, я ходил по ней жаропрочным шагом. Юношеская закалка металлургическим заводом далась не зря. Коля, чувство неистощимости обманывает.

Я прочитал «Будни» давным-давно. Правда, мучительность, душевная красота возвышала и отчаивала меня. Многие оказывались настолько близким, словно передалось в стихи от меня. Недавно, будучи в Магнитогорске у мамы, которая заболела, а дома я оставил и вовсе тяжело больную жену, вспомнил Ваши стихи о матери, точнее — чувство, оставленное ими. Я люблю поэзию, да и вообще литературу, за обоюдные чувства с моими чувствами, ощущениями, предопределениями, наблюдениями над собой. Мне кажется, подмыв и расхлест всех и вся устоев нравственных, социально-исторических, философских создал каверзные, гибельные предпосылки для необоюдности как между людьми, так и между творцом и читателем. И я рад, что есть еще то, что единым вздохом сливает меня с поэзией.

¹ Николай Павлович Воронов (р. 1926) — российский прозаик, поэт, публицист. Член Союза писателей России.

В «Буднях» мне пришлось стихи «Усталость», концевая строфа удивительна, «Пустыня» (убийственно точно двустишие: «И нету мира, кроме мира, Построенного на песке», увы, метафора сегодняшнего существования), «По эту сторону окна», «Обломали радость», «Год от года...» (увы, «благосостояние души все гнусней попирается, как, впрочем, и благосостояние тела, тащимого в преисподнюю Брейгеля-Босха), «Все неулаженности давни», «Радовались...» (верлибры нередко пахивают, вообще, головной искусственностью, этот естественен поразительно; верлибры Ваши в «Уральском следопыте», сдается мне, разъедают умозрение), «Легко поскрипывают сани», «Соседка», «В начале было слово», «Война сама уже — вина», «Ужин в Габесе» (о дальних странах писать опасно, провалишься, здесь удача), «Белый свет», «Видишь то окно?» (читал Скворцову, благо, мы соседи, поулыбались, загрустили), «Утки прилетели на болото» (студентом бросил охоту и продал двустволку; всех жалко, даже микромошек на донцах цветков), «Тускнела молния березы», «Здесь у воды...», «Море», «Морской этюд», «Этюд», «Стань лучше» (у нас на Руси ненавидят лукавство, а ведь оно мило по своей природе), «Засторонилась от меня...»

Давно прочёл, а впечатление не рассеялось. А сколько же читанного — все в бездну, в нежить.

Коля, роман Александра Полякова «Праздник первого снега» напечатал журнал «Ашхабад», сокращение жестоко, и все же радостно: нигде ведь больше из его работ ничего, а ведь его проза осенена гением. Большинство из его произведений исчезло, искал, нашел лишь отдельные письма. Хорошо бы в «Уральской нови» сделать постоянную рубрику «Письма писателей». Могу прислать часть его писем, это часть его вселенной.

Доброго здоровья! Привет Прокопьевой, Суздалеву, Шишову...

Н. Воронов.

Виктор Астафьев¹ – Николаю Године

Дорогой Николай!

Спасибо за письмо, за книгу, за приглашение. Давно уже мечтаю побывать на Урале –

память о молодости и прожитых годах зовет; и в Челябинске, где я так и не был (садился ночью на самолете), тоже охота побывать, но современная суэта и тяжесть годов (раньше думал, что поэтическая метафора. Увы!); однако я не теряю надежды побывать на Урале, может, и будущей весной, а пока... лечу в Китай. Где перевели и издали все, что я написал, давно зовут, да сделался я на подъем-то нелегко, вот и затянул поездку.

Вернувшись, мечтаю засесть за стол, под которым томится рукопись романа, но там – съезд писателей, депутатов... О, Господи!

А «Автограф»-то пришли поглядеть.

Кланяюсь твоим близким и всем челябинским литсилам, а Володе Курносенко – отдельно.

А куда девался Леня Комаров? Ведь подавал же надежды. Будь! –

В. Астафьев

25 октября 1990 г.
г. Красноярск

¹ Виктор Петрович Астафьев (1 мая 1924, Овсянка, близ Красноярска – 29 ноября 2001, Красноярск) – советский и российский писатель.

Дорогой Коля!

Спасибо, брат, за письмо, за доброе приглашение посетить челябинскую землю. Давно хочется, да грехи не пускают, да суета и видимость работы.

Приехать мне, Коля, сложно, тем более с Марьей Семёновой. Ты, наверное, не в курсе, у нас в доме была большая беда и горе неизбывное, вот уже четвертый год, как умерла дочь и оставила на наших руках двух детей (с мужем была в разводе, да и муж тот...) — дети остались совсем малые, но вот уже мальчик пошёл в девятый класс и стал нам помощником, ибо М. С. хватанула два подряд инфаркта, да и других болезней за жизнь поднакопилось. Девочка, ее зовут Поля, нынче пошла в первый класс, и молим Бога, чтобы он продлил наши дни ради них, хотя, как сказал мой товарищ по литературе и войне, что порою доставляет и радость мысль о скорой смерти...

Устали. Все наше поколение, такие на себе тяжести несущее, устало.

А главное, ради чего тяну-то? Итог очень плачевный и горький. А ведь с писательского съезда угодил и на депутатский, от литературной шпаны переключился на шпану не менее отвратительную, на политиканствующую, которой легко оказалось прикрываться и прикрывать любые авантюрные и даже реакционные решения — шпана орет, рубахи дерет и криво завязанный пуп царапает, совершенно уже никого не слыша и не понимая, для чего и зачем орет-то?!

У нас дела тоже неважные. На 1992-й год издательство уже не составляет даже план и не принимает рукописей; приказано сверху самим писателям добывать бумагу, издаваться на свои деньги и самим реализовывать свою продукцию. Провинциальная литература к этому не готова. Хотя и бедно, бледно и малоденежно, но жили, издавались, права качали местным издателям, вели «творческий образ жизни», и вот остались не у дел...

Я-то проживу и доживу свой век. Издают меня много, собрание сочинений выходит, но какво-то остальной лит. братии, особенно молодой?

И опять удар по россиянам!

Да, надо объединяться. По одиночке писатели России погибнут. Сибиряки уже кое-что делают по Урало-Сибирско-Дальневосточному объединению. Выпущен пробный номер газеты «Литературная Сибирь», есть обращение, примерный Устав объединения и даже что-то похожее на программу.

Я думаю, уральцам и, для начала, челябинцам, нужно обратиться через газету к сибирякам с призывом объединения не двух, а трех регионов России. Я вижу в этом спасение. Нужно для начала провести что-то вроде съезда и выбрать координационный совет, подумать, где брать деньги на бумагу и, самое главное, для объединённого крупного издательства или концерна на базе новосибирского или иркутского издательства. Словом, надо шевелиться, иначе хана всем и всему. Остается один «Апрель» и апрелевцы-молодцы, поддерживаемые из-за рубежа, да и в стране имеющие длинную руку.

Адрес редакции «Литературной Сибири»:

630070, г. Новосибирск,

ул. Каменская, 82,

редактору — В. И. Зеленскому.

Вот пока и все, Коля. Если я уработаюсь за месяц до блевотины и нужна будет пауза, может, в марте и прилечу, но твёрдо обещать не могу, очень зависим от текучки и обстоятельств.

Поклон Володе Курносенко, Лене Комарову и всем челябинцам.

Обнимаю, кланяюсь —

Виктор Петрович (Астафьев).

12 февраля 1991 г.

Красноярск

Красноярск

3 апреля 1992 г.

Дорогой Николай!

Кажется, судьба определила быть мне в Челябинске. Как отправлю рукопись в журнал (надеюсь сделать это до

20-го апреля), так и отправлюсь в Пермь, и далее, а дорога у нас до Перми лежит через Челябинск, говорят, между рейсами всего полчаса. Мне бы повидаться с вами охота и, если возможно такое, я бы на денек остановился, ибо никогда в Челябинске не бывал, а когда впредь путь через него ляжет, одному Богу известно.

Я дополнительно сообщу тебе и день прилёта в Челябинск, а пока сажусь за работу. Устал.

Поклон Володе Курносенко и всем вашим челябинцам.
Кланяюсь — Виктор Петрович (Астафьев).

Дорогой Николай!

Братски обнимаю тебя в день твоего совершеннолетия!

Бог даст, и в другой век перевалить доведётся. Всегда тебя помню и люблю, а приехать не могу — болею. А ты не поддавайся хвори!

Храни тебя и всех твоих близких Господь! Преданно твой — Виктор Петрович.

(Авг. 1995)

Дорогой Коля!

Письмо, журнал и стихи получил, спасибо!

Стихи передал в журнал, и тут и брошюрка подоспела. Высылаю.

Что-то за зиму, не работая, устал и думаю поленившись, уже начал с сегодняшнего дня.

Завтра редакторша из Москвы прилетит работать над собранием сочинений, первый том уже печатается.

Рад, что у тебя все более или менее в порядке. Так и держись!

Обнимаю тебя — Виктор Петрович.

20 февраля 1997 г.

Красноярск

Мария Астафьева-Корякина¹ — Николаю Године

Здравствуйте, дорогой Николай Иванович!

Виктор Петрович передал мне газеты, где Вы сказали обо мне и о моем скромном труде такие добрые слова! Для меня они — приятная неожиданность — я свои «Знаки» дарила на добрую память прежде всего тем, для кого они не сделаются поводом хоть каким-то образом повлиять на их отношение к Виктору Петровичу. Затем, позже, по желанию или просьбе его друзей, и я им тоже отправляла, а после с затаённой тревогой ждала ответа, каким бы он ни был, и, конечно же, не исключала в свои адрес писем не очень добрых, с укоризною, одним словом, нежеланных.

Когда Евгений Иванович Носов, прочитав «Знаки», очень доброжелательно отозвался о моей работе, теперь вот и Вы — значит, жить можно. И, более того, я уж осмелюсь послать Вам и свою «Земную память и печаль» — свою родословную — на добрую память. На эту книжечку приходит писем немало, и одни как бы благодарят за то, что я как умела и смогла, сделала эту кропотливую работу, не обойдя памятью всех родных, благодаря крепким их корням, удерживающих меня в жизни, и благодаря им, судьба мне уготовила такую уже большую жизнь да, может, и продлит — мне еще очень хочется пожить, чтоб полюбоваться белым светом почитать в уладу (мне все не хватало времени), пока вовсе не отказало

¹ Мария Семёновна Астафьева-Корякина (22 августа 1920, Чусовой, Пермский край, СССР — 16 ноября, 2011, Красноярск, Россия) — советская и российская писательница, жена Виктора Астафьева.

мое слабеющее зрение, пока еще внучка Полина (надеюсь) нуждается во мне, и пока я, как могу и успеваю, веду дом. Очень боюсь быть кому-то в тягость, боюсь своей ненужности, когда тебя не надо, а ты тут, и, не буду скрывать, боюсь одиночества — это тоже недуг и вместе страх, возможно, даже больший, чем перед смертью...

Простите, Николай Иванович, за мои невесёлые отступления. А вообще я стараюсь прожить остаток жизни как можно рациональней, побольше успеть сделать, хотя знаю, такое и Великим не дано.

Пока все еще не могу поверить, что ни на столах, ни на диванах нет ни папок, ни вороха бумаги. Агнесса Федоровна, редактор, приезжающая из Москвы и знающая творчество Виктора Петровича вдоль и поперёк, все десять дней работала с утра до вечера, иногда мы обе усаживались за машинки, разместившись в разных комнатах; Виктор Петрович то терял папки, то страницы, то матерился, то «пылил», когда с трудом восстанавливали даты и авторов писем (в томах переписки)... Громоздкая и изнурительная работа сделана, но это еще не последний для Виктора Петровича марш-бросок, — надо написать еще два комментария, а там верстка. Пока вышли 9 томов, на подходе 11-й, с десятым что-то застопорилось.

«Свекор» вроде бы скоро должен появиться на свет, в таком же формате, как «Земная память и печаль», и, опять же, книжка к изданию готовится теми же милыми, трудолюбивыми и как бы расположенными ко мне женщинами. Они, кроме всего прочего, нашли свой ход: поскольку искать спонсоров и хлопотать я не стану, так они, не знаю уж как, но вот, к примеру, издали мою «память» и привезли мне четыре пачки книг, и это была для меня неожиданная радость! Так же и со «Свекром» — прочли рукопись, сказали, что не очень обещают, но постараются сделать. Дай-то Бог.

Между делами, как и всякий раз, написала рассказ — повесть ли маленькую. Надо еще поработать — это я сама чувствую, а там будет видно. Публикация ее меня не беспокоит, я просто тоже нашла «ход» — стараюсь заполнить «пустоту»

в своей больной голове, чтоб не впус­тив туда все, что каса­ется политики и проче­го, чего я сама изменить не могу, за­полняю вот такими «дума­ми» — что-нибудь сочи­няю — это интересней. Люблю читать стихи — два-три сборничка по­стоянно у моего изго­ловья и поскольку на толстые книги у меня уже нет времени, вот я и почи­тываю, и если плохое, вторичное, то утешаюсь тем, то немного времени потратила, если хорошее, иногда даже удивительнее вычитаю — до того пребываю под впечатлением — это тоже помогает уйти от горьких и тяжёлых дум разного порядка. Вот и Вам напишу одно — написал его мой земляк А. Решетов, называется «Не плачьте обо мне».

Не плачьте обо мне. Я был счастливый малый,
Я тридцать лет копал подземную руду,
Там всех моих друзей поубивало,
А я живу. Я все чего-то жду.
Не плачьте обо мне.

Меня любили девы. Являлись по ночам, чаруя и пьяня.
Не за мои рубли, не за мои напевы,
И ни одна из них не предала меня.
Не плачьте обо мне.
Я рос и жил в семье врагов народа,
В тридцать седьмом году поставленных к стене,
В стране, где столько лет отсутствует свобода,
А я живу... Не плачьте обо мне.

Простите меня, пожалуйста, за такую длинноту и «разнообразность» письма. Всего Вам доброго и успешных дел. Поздравляю с приближающимися праздниками! Будьте здоровы! И благодати Вам на каждый день.

Ваша — МарСем
апрель 1998 г.

Дорогой Николай Иванович!

Я благодарю Вас за добрые слова о моей работе, за то, что Вы нашли время их прочитать. Высылаю обещанные Вам и прилагаю еще две, которые, на мой взгляд, считаю наиболее соответствующие моим способностям.

Но признаюсь Вам за так неряшливо, плохо изданную, вовсе неотредактированную книгу «Знаки жизни». Это даже и не книга, а рабочий вариант, и утешаюсь лишь тем, что в ней все — истинная правда. Я ее читала в больнице, между капельницами, очень огорчалась не только опечаткам (вместо перманента — пергамент и множество других), много повторов (как мне потом сообщили — для машины был велик объем), в результате одно осталось «за бортом», другое сделалось повтором... Ну да что теперь?..

За «Земную память и печаль» — спасибо, я сделала, что смогла и рада, что книга увидела свет. Слов нет, она выстроена-написана совсем не по правилу, но в этом случае я просто ничего не смогла бы сделать. Были страницы, где речь шла о родстве Виктора Петровича, но увы, там в каждой строчке были только точки... тогда и решила написать лишь свою родословную.

Теперь вот собрала «россказни» главки из рассказов отца, Петра Павловича, отца В. П. перенесла рассказы-воспоминания в палатные разговоры. Я провела у кровати умирающего свекра 26 суток, до его последнего часа.

В. П. написал о нем в «Последнем поклоне», и о своем сиротстве при живом отце, имея на то полное право. Я же попыталась как бы немножко «реабилитировать» его, хотя и мне немало перепало от его «нескромного поведения» как он часто выражался, но главное, — он же подарил миру такого человека, хотя В. П. утверждался в жизни с малолетства сам, сам достиг Высокого признания, да тут как не вспомнить Д. Кедрина, что «Без опары пирог не ставится... А я и рукопись свою назвала «Свекор». Витя ее еще не читал, нет времени. А мне и не привыкать. Как-то пришла в Вологде в Союз писателей и попросила прочитать два моих новых рассказа —

я тогда довольно часто печаталась в «Смене», в «Работнице», в «Лит. России». Мне хором ответили: «Да ты что, Марсем! Рядом с тобой такой кит, а мы будем судить-рядить!..» И Витю не раз просила, но он всегда много работал, да и рыбалка, охота, поездки. Лишь дважды я воспользовалась моментом — один раз он простыл на охоте, я облепила его горчичниками, и пока он лежал, прочитала ему главу из своей повести «Отец», а в другой раз — положила тряпочку с теплыми чайными заварками на глаза и прочитала рассказ «Нужны трехцветные кошки»...

«Свекра» обещал прочитать, тут уж будет как будет, не будет лишь повода «пылить пехоте», как она, т. е. В. П. пылил, прочитав «Знаки».

Николай Иванович, я чувствую, что напрасно занимаю Ваше время, простите. Желаю Вам добра-здоровья и успешных дел. От Вити привет. Ваша Марсем.

Р. С. После перелома писать совсем не могу, ибо руку-то сломала левую, а я — левша.

Михаил Кураев¹ – Николаю Године

Санкт-Петербурге

Дорогой Коля!

Рад был получить от тебя весточку. Вообще эпистолярный жанр как-то выходит из моды.

Можно было бы поподробней написать о своем «удовольствии» от прочтения «Похорон». Ну, да ладно. Попробую в Москве прикупить в журнале экземпляр для тебя, если вдруг не получится, могу сделать ксерокс. Устроит?

Ты живешь насыщенной, активной жизнью, выпускаешь антологии, печатаешься в журналах, с Союзом держишь вооружённый нейтралитет, не бываешь и т. д. Хочу ли я побывать в ваших краях? Да мечтаю, и только. Как? Давай покумекаем. Любопытства ради полдороги оплачу, но не больше.

С Борей Мироновым у меня все непросто, но очень важно заставить его писать, а он, падла, как говорит Виктор Петрович Астафьев, хочет славы в ту же минуту. Шантажирует падла, как говорит В. П. А., что не будет ничего писать, пока ему, падле, не дадут Букера за то, что он, падла, уже написал. Ну не падла ли есть? Спросим себя. Мы, старики, писали не для славы, не для денег, не для (бля) Букера. Вот она – писательская молодежь, вот она (бля), наша смена! На кого, Коля, русскую словесность оставляем, на Мироновых, которые пока чек не подпишут, перо в компьютер не обмакнут. Нам их не понять!

¹ Михаил Николаевич Кураев (род. 18 июня 1939, Ленинград) – русский писатель, сценарист.

Вот так, Коля, и живем.

Ездил, к полному своему удивлению, дважды за эту осень в Италию, где «Зерк. Монтачки» читают и чтят похлеще, чем на родине автора. Стало быть, перевод лучше оригинала, все, что могу предположить.

В «Похоронах» есть жуткая ошибка. Я написал на базе «Сбербанка» сосны, а там ни одной сосны, сплошь берёзы! Ну и шлепнулся! Поделом. Надо не на баб смотреть, а окрест и все запоминать, а, не полагаясь на память, заносить в книжку.

Посылаю тебе фото, где слева — ты, а справа зато — я. Не перепутай. Это было в Овсянке, в 1998 году.

Жму руку, дорогой мой прототип.

Сердечно твой, Миша Кураев.

1 декабря 1998.

P. S. «Дробь подробностей» (название поэта!) прочитал почти с удовольствием. Чего ты перед ним прогибаешься? Или мне показалось?

Виктор Кирюшин¹ — Николаю Године

Дорогой Николай Иванович!

Вроде бы совсем мало мы с вами виделись, еще меньше говорили, а в памяти осталась та встреча в Перми, как какое-то светлое пятно. Я ведь человек, как ни странно непубличный, даже застенчивый, несмотря на публичную должность. Для журналиста это не добродетель, но характер не переделаешь... Недавно был у меня Олег Михайлович Хомяков. Мы с ним тоже иногда переписываемся, а тут посидели, поговорили. Он опубликовался в журнале со своими миниатюрами о кино. Не помню, посылал я вам публикацию или нет? Курбатова видел на презентации книги его переписки с Борщаговским. Книга любопытная, но... Стал читать и пока отложил в сторону. Вроде бы это о том времени, которое и я застал, а представляется уже какой-то ушедшей цивилизацией. Да так оно и есть. А мне почему-то надоело вспоминать и ностальгировать, хочется просто жить.

Вот весна пришла, а у меня три лекарства: река, лес и поле. Как только удочку возьму в руки — оживу. Ловим мы обычно с Костровым, варим уху, беседуем о жизни и поэзии или просто молчим. Как приятно бывает помолчать с хорошим человеком!

¹ Виктор Федорович Кирюшин (1953, Брянск) — поэт, переводчик, эссеист. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета им. Ломоносова. Член Союза писателей и Союза журналистов России, Международной гильдии писателей. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живет в Москве.

Стихи не пишутся. Начитаешься за день всякой дряни, какие тут стихи. Кажется, Чехов сказал, что для любви нужен досуг. Для поэзии, наверное, тоже. Пишите, Николай Иванович! Я рад вашим письмам.

Ваш
Виктор Кирюшкин

24.03.2006 г.
Москва

Анатолий Преловский¹ — Николаю Године

Дорогой Коля!

Рад был получить книжку и ещё раз убедиться, что настоящего поэта даже его внутренняя перестройка не берёт. Ты мне доказал, что лирика и с иронией, и без удивительнее, с сатирой может входить в благотворные соединения, не теряя ничего, а наоборот, приобретая. И хорошо, что в смуте ты не смутился, а нашёл ей противовес — в жизни, в саду и в лесу, но главное — в строке.

Я тоже пытаюсь как-то противостоять этому навалу и шлю в ответ тебе свои книжки, которые удалось вынуть из стола и явить городу и миру. Они успешно замолчаны, но живут отдельно от литпроцесса. Я нынче больше занимаюсь и издаю собрания фольклора, чем своего.

Всего тебе доброго. Будешь в Москве — загляни в гости, я утрами всегда почти на тел. 155-75-66.

Ну что, поживём ещё?

12 сент. 2003

Москва

Анат. Преловский

¹ Анатолий Васильевич Преловский (19 апреля 1934, Иркутск — 17 ноября 2008, Москва) — русский советский поэт, переводчик, сценарист, литератор.

Юрий Никишов¹ — Николаю Године

Тверь

Дорогой Николай!

Прости меня великодушно: виноват, давно прочитал твои книги, а вот остатка года, в суете обыкновенной, не хватило, чтобы за неторопливое письмецо засесть. Благо, что наступил Новый Год, с чем я тебя и поздравляю, с приложением пожелания тебе и ближним твоим здоровья и всяческих успехов. А я воспользуюсь праздничными каникулами да и побеседую по душам.

Я читал твои книги с любовью и болью. Мы почти ровесники, я чуток постарше, но возрастом нет надобности меряться: мы люди одного поколения, так что сходства в жизненных позициях очень много.

Если ты заглядывал в мои книжки, то мог обратить внимание: я писал о разных авторах, а моя позиция была устойчивой, старался рассмотреть авторский идеал. Много людей о таких высоких материях не рассуждают, живут себе, как получается. Если есть потребность соответствовать своему родовому имени *Homo sapiens*, то думаешь об этом обязательно, без этого никуда. И если обычному человеку представление об идеале полезно, то поэту (вообще художнику) без него никак не обойтись. Идеал я сравниваю с «магическим кристаллом», сквозь который художник и вглядывается в окружающую жизнь — не с тем, чтобы отбирать только

¹ Никишов Юрий Михайлович (6 апреля 1932 г., г. Весьегонск Калининской области) — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы (филологический факультет) Тверского государственного университета.

самое достойное (избирательность как раз во вред), а с тем, чтобы дать точную оценку всему изображаемому, что чего стоит.

Именно с этим-то у нас и загвоздка. Рухнули, казалось бы, несокрушимые устои. Опоры надо искать заново.

Жизнь казалась не то, чтоб хорошей,
Но, конечно, совсем неплохой.
И такое знакомо:
Не боролся с советским режимом,
Не хвалил и не хаял его, где в охотку, а где и с прижимом
Просто вкалывал, как большинство.
А все-таки остаток в плюсе:
Страна то подзывала, то гнала,
Но родиною — родина была.
Теперь все наперекосяк.
Страна торчком, народ ничком, свобода раком...
Валите все на Пушкина в связи с напрягом,
Ему, любезному, не привыкать.
Держава наивно доверяясь крестину,
Легла на локотки позорно и плоско.
Никаким дуракометром
Не измерить нас.
Все, чем жили, сдуло ветром
Навсегда и враз.
Глаза бы отроду не видели,
Не слушали бы уши век,
Как врет наглядно телевиденье,
Всему как верит человек.
Когда и верить-то никак нельзя.
А я б поплакал
Над всем, что нынче ладится вокруг.
И за юмор не спрячешься.
Грустно и за державу обидно.
Не столь смешно, сколь жутко тоскливо
От вредоносного юмора мне.

Распорядился кретин, было такое, — придумать «национальную идею». Ха! Наперёд было видно: безнадежное задание, из пальца такие вещи не высасываются. Теперь про национальную идею не говорят. А что для души? А ничего. Рассудим однако: предки наши были православные, вот и панацея — бог терпел, и нам велел. С предками-то дело понятное, а в атеистической стране насаждать религию, погружаться в 21 веке в средневековье — стыдно.

Вот так и живем.
Президентами, премьерами
И другими жизнь примерами
Скрашена, лишь за окном —
Псы, вороны, бак вверх дном.

Мне маленько проще оказалось пережить эту пережопицу — еще до того вправился в Пушкина, а там как-никак «чувства добрче»; тем и душу грел. Надежная, если разобраться, опора. Тебе труднее: надо оценивать современную жизнь.

Очень понимаю твоё чувство одиночества.

Стою над черной зыбью пашни,
На берег списанный матрос.
Сплю в полглаза, остаюсь в былом.

А вот такие строчки принимаю не вполне:

И не мне кустарю-одиночке,
Стать артельным на старости лет.

Кивок на старость вообще не при чем. Не надо путать технологию дела и ощущение дела. Поэт — кустарь по определению (в других рядах находятся такие, кто работает парами). Но — было такое — и кустари объединялись в артели. А когда артельность (общинность) переходит в ощущение, тут технология теряет всякое значение («радуюсь я: это мой труд вли-

ваается в труд моей республики») вспоминаю личное. Войну я провёл в эвакуации, в глубокой деревеньке меж озер и болот. Работал в охотку в колхозе. Сейчас колхозами пугают, а нам колхоз дал возможность не просто выживать, а нормально жить (пища простая, деревенская, зато доброкачественная и досыта). Выходили лен тереть: бабушка, мама, тетя, мамина сестра, я с краешку. Много ли на мою долю доставалось, а полоса-то заметно подвигается! Так не семьёй выходили, всей бригадой. Вечером возвращаешься — вместо усталости прилив силы чувствуешь — эго, сколько своротили.

Сейчас над собой подшучиваю: я ведь фактически одиночник. Хоть и член кафедры, факультета. Но мне дают нагрузку: провести такие-то занятия. Я их и провожу — сам, один. Так и возделываю свою делянку. Артельное чувство повыветрилось, а и неискоренимо. Вот собственников развели — этим о державе думать несподручно.

Идеал в душе своей иметь нетрудно (он совестью регулируется); проблема — как его к окружающей жизни применить.

Столкну лбами твои строчки.

Может тем и любезен народу,
Что любезен мне тоже народ.

Гляжу как в мало-мальском чине
Народ уже народу не родня.
Хочу быть ближе к своему народу,
А он все дальше, дальше от меня.

И получается — куда ни кинь, всюду клин. В недавнее время понятие «народ» было у нас нечто вроде священной коровы. Как принять это было нетрудно — сами же из народа. Говорили о «морально-политическом единстве советского народа». Тоже казалось похожим на правду, оказалось — всего лишь пропагандистский лозунг, народ — масса многослойная и аморфная. Этакую ораву ни на каких вилах одним разом не поднять: рассыпается.

На что еще сделать ставку? Ну, у тебя-то заявлено декларативно: бежать на природу, жить среди деревьев.

Больше, тешусь, счастья в жизни нет,
Как пройтись окраиной заречною.

Потешиться можно, даже необходимо, только потехами не проживёшь, гармония выпадает, но она хрупкая.

Деревья жмутся в панике крошечною
Ко мне по праву близкого родства.

И встречное движение обозначено:

Хоть растением остаться жизни ради.

Только тут разобраться надобно: есть несговорчивые растения, а долго живет «равнодушная природа»; человеку так несподручно.

А на природе страсти одолевают со всех сторон. И природа подчас не оправдывает надежд:

Умеет портить настроенье
Погода в несподручный час.
Пуще человек виноват перед природой:
Три дерева, как три богатыря
На расстани, дивясь большому свету,
Сверкают посредине октября
Кольчугами на зависть Вторцветмету.
Но сказку снова выдумать нельзя.
Уже стоит напротив, полон грома,
Пилюю электрической грозя,
Ответственный разбойник из леспрома.

И уже вовсе крик ужаса:

Кто заткнёт рот
Мертвому дереву,
Из которого с жутким воплем
Вылетела последняя птица?

А на природе возникают четкие человеческие ассоциации:

В перетекании вертком
Судорожная волна,
Будто борьбы подковёрной
Страсть теневая видна.

Еще одна пейзажная зарисовка заканчивается грустным обобщением:

Болезненный оставила след на сетчатке
Картина неизвестного творца.

Пейзажные этюды, которых много, мне меньше понравились, а знаешь почему?

На мой взгляд, тебя там слишком много. Это что за абра-кадабра? Разве поэзия не стремится к неземному воззрению? Да, поэту в его стихах никуда не спрятаться, даже если бы вдруг взбрело такое желание. Но удача достигается там, где поэтический росчерк проявляется естественно, непринуждённо. А ты, бывает, действуешь как начальник: командуешь, а деревья, как солдаты, послушно выполняют команды. На мой взгляд — пережим. Ясно, что литература — не натура, а вторая реальность, но и связь с натурой должна ощущаться.

Ты старательно поработал над смешением стиля: соседствуют техницизмы, диалектизмы и проч. Любишь неологизмы («Сладко выкузнечивает поле, сладко высиничивает лес» — очень хорошо). Обыгрываешь множество филологических терминов. Поэту слова любить не зазорно, но опять — не перебор ли? Возникает ощущение игры. Почему бы

не поиграть поэту от избытка сил? Но когда это в системе, возникает диссонанс игровой формы и отнюдь не шуточного содержания.

Самое ценное в твоих книгах — их правдивость. Поэтические завихрения, гиперболы не в счет, они естественны. Важней всего то, что твой голос не фальшивит: что есть, то и есть. Думается, что не совсем четко выражена мысль:

...жить по понятию накладно,
а по-другому — возможности нет.

Это верно, если иметь ввиду, что слабый отдельный человек не может изменить окружающую неподвластную ему действительность. Но поэт — судья, и судить ему надо «по понятию», не иначе.

Задача не из простых. К примеру, ты славно поиздевался над телепузиками бравыми, а закончил стихотворение горькими словами:

Просто тексты у нас с вами разные,
А вот роли, как видно, одни.

И ничего не поделаешь: и правдолюбец может оказаться в смешном положении, потому что редки (если они существуют) абсолютные истины, а живем мы в мире истин относительных. Нас слишком много, но всех под одну гребенку не подстрижешь. Да и озорник человек, всегда находятся такие, кому хочется хоть как-то выпендриться. Так что общечеловеческому братству суждено, как видно, всегда оставаться утопией. И все-таки есть более универсальное понятие — доброта. За это и будем держаться. Опять же — «Жизнь покосилась, но не рухнула». И есть авторская установка: «Может быть, кого-нибудь спасу». Верно! Что там на самом деле будет — жизнь распорядится, а писать надо именно с таким ощущением силы. Незачем прибедняться.

Слабину иногда (из скромности) даешь:

И только лирическому герою,
Как всегда, не хватает маленького
Штриха,
Чтобы быть достойным
Произведения.

Не хватает — изыскивай, тут никто не поможет.
У тебя есть философская закваска. Какие чудные строки:

Часы на стене еле-еле
За временем тащатся вслед.

Замечательно соединено индивидуальное (бытовое) и общее, универсальное.

Мой тебе совет: расширяй и углубляй философскую основу. Философская поэзия — это не переложение в стихи постулатов философов-профессионалов, тут свой угол зрения. Коренной вопрос: «Жизнь, зачем ты мне дана?» а поиск ответа драматизируется неизбежной смертностью человека (все проком будет) и жутким соотношением: маленький слабый человек — и огромный (притом всякий) мир вокруг него. Но — «безумство храбрых — вот мудрость жизни».

Твори, поэт!
Всего тебе самого доброго!

Январь 2011 год.

Валентин Курбатов¹ – Николаю Године

Дорогой Николай!

Дни уходят, скоро и Овсянка уже будто в ином десятилетии была. Кураев уже успел из Сицилии написать, и из Венеции, не сидится ему – молодой дак!

И Петрович разок отписал, и Марья Семёновна прислала свою книжку «Свекор» об отце В. П., а больше никто и ничего. Разве что приветом тех дней приедет на здешнюю Пушкинскую конференцию через две недели А. А. Золотов.

Уже завертелась Пушкинская карусель. Сто лет назад М. Меньшиков боялся «клеветы обожания» – в адрес бедного Александра Сергеевича, а я уже боюсь восторга равнодушия.

Скоро и театральный фестиваль, а там и сам праздник готического размаха – не знаешь, как и пережить.

И уж не вспоминаю, что мне самому в сентябре 60 лет – вона как скоро пенсия подошла – было бы что получать.

Обнимаю.

Твой В. Курбатов.

19.01.99

Псков

¹ Валентин Яковлевич Курбатов (29 сентября 1939, г. Салаван, Ульяновская область, СССР) – литературный критик, литературовед, прозаик, член жюри литературной премии «Ясная Поляна», член Союза писателей России.

Псков
28 ноября 2011.

Дорогой мой Коля!

После Марьи Семёновны ушли ещё три моих товарища, двое моложе меня — Борис Царёв, с которым мы прошли Византию — Турцию и я написал книгу, изданную уже третьим тиражом в питерской «Амфоре». Потом ушёл Леонид Иванович Бородин, у которого я был членом редколлегии в «Москве», и которого очень любил. А вчера хороший поэт Володя Коробов, и которому я едва успел написать по его просьбе предисловие. Скорее бы этот месяц кончился. Завтра будет 10 лет как нет Виктора Петровича. Марья Семёновна умерла 16-го ноября. Если поглядеть на эту цифру в церковном календаре по старому стилю, то рядом будет число 29. Значит, при разных календарях, но умерли в один день и в один час перед утром. Никак не выберусь из некрологов. Должны были быть с Мишкой Кураевым в Перми. Его звали на тамошние встречи. Меня нет. Но я хотел сам по себе поехать в Чусовой, где мы с Марьей Семёновной и Виктором Петровичем почётные граждане, а оттуда нагрянуть в Пермь и обнять Мишку. Но увяз в таком бронхите, что уже три недели не выхожу на улицу. Кашляю до тоски и отчаяния. А Мишка сегодня там. Бедный, будет выпивать один за всех нас, кто бывало, так хорошо чувствовал себя на набережной Камы. Я надеялся, что это повторится. Но теперь встречи устраивают политики. И зовут одних пен-клубовцев, а нас в шею. И я уж теперь не знаю: удастся ли нам сойтись ещё как-нибудь... Обрадовался вот, что получил письмецо от В. Г. Распутина. Он давно никому ничего не пишет. Стыдится распадающейся памяти и теряющегося почерка. А тут собрался. Света его болеет всё тяжелее — рак и химия уже не спасает её. А она его память, его руки, его голова. И он с ужасом думает, что не приведи, Господь... Давно ничего не пишет и не читает, ни с кем не видится. Ещё держался за «Москву», которая у него в Москве через дорогу, но после смерти Бородина и там для него всё опустело. «Мы теперь уходим понемногу...»

Я ещё строю планы на Красноярск, Иркутск, но уже менее уверенно. Но пока держимся — давай краба!

Старший матрос В. Курбатов

Псков

14 августа 2013

Дорогой Царёнок!

Эва, какую жизнь прожил и какой характер нажил! Читаю по страничке в день и радуюсь. Отдыхаю от умников «Ясной Поляны», которые утомили до отвращения. Поверишь ли — после чтений жить не хочется, не то, что читать. Сколько тьмы и грязи и ожесточения. И всё отчётливее, что уже сложился совсем новый, чужой мир, в котором нам делать нечего. Да мы и сами не пойдём, коли и звать будут: злые там все и какие-то искусственные. Вон, вон из всех жури! Коли читать, так по доброй воле. «Царёнка» вон сидел бы да читал с радостью, но ведь надо ещё 29 книжек успеть прочитать до 6 сентября и в каждой не меньше четырёхсот страниц. Ты, наверно, последний, кто в две сотни укладывается. Да и много ли про добро-то скажешь — добро оно и есть добро. А вот про зло можно разводить тысячи, проку что оно и такое, и сякое, и вот эдакое. Эх, я бы тоже «в детство впал» и не выпал, коли бы не надо было читать чужое. На пенсию хочу, на завалинку. Пусть другие по общественным палатам и президентским советам сидят — кому это нравится и кто ещё верит, что мир можно повернуть к добру. Друзей вот не вижу — до Мишки Кураева доехать не могу — никак для этого трёх часов не найду. А электронные письма — что в них? Насмешка одна. Вроде и словами написано, а вчитаешься — воздух и воздух — все слова насквозь. И очень тоскую по Овсянке и всё меньше верю что ещё раз смогу оказаться в ней, связи с Красноярском всё рвутся, рвутся. Поклониться бы Виктору Петровичу да Марье Семёновне, а там уж можно бы спокойно ждать небесной встречи.

Обнимаю тебя, брат!

Твой В. Курбатов

РЕКОМЕНДАЦИЯ

С творчеством Николая Годины я познакомился в апреле сего года в день, когда я выступал по телевидению. Как я тогда сказал, Николай Година порадовал меня – порадовал добротной лирикой, где теме труда уделено столь серьёзное и столь необходимое в наше время внимание. Воспевая труд, поэт избегал той голой механизации, которой так грешили некоторые рабочие поэты первых лет Октября. У Николая Годины на первом плане сам человек труда. Написано пока Годиной не много, хотя, конечно, нельзя сказать словами классика, что у него книжка небольшая « томов премногих тяжелей», но несомненно одно – Николай Година – настоящий поэт. У него зоркий художественный глаз, у него большей частью полновесная мысль, выраженная весьма лаконично, а порой даже афористично, отчего стихи его легко запоминаются. Это, например, видим в стихах «О простоте», «Работа», «Усталость». С какой поэтической тонкостью показывает Година наше героическое время и труд, военный характер его всего в девяти строчках стихотворения:

Скала подпрыгнула и села.
Прибоем пыль вошла в забой.
Горячий ветер ошалело
Кружил на месте, как слепой.

Гудело эхо у Горбатки.
Запахло порохом вокруг.
И вдруг почувствовал в лопатке
Осколки бывший политрук.

Принимая во внимание, что представитель рабочего класса Николай Година - поэт с определёнными творческими перспективами, что он бесспорно даровит, считаю, что он безусловно достоин быть принятым в ряды Союза писателей.

15 мая 69 г. Москва. Василий Казин».

Василий Казин
и Сергей Есенин

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
П РА В Л Е Н И Е

ВЫПИСКА ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СЕКРЕТАРИАТА

Протокол № 4 § 1 22 марта 197 0 г.

СЛУШАЛИ: О приеме в члены СП СССР поэта ГОДИНА Н.И. (Челябинск)
(тов. Ладенников Г.)

ПОСТАНОВИЛИ:

Принять в члены Союза писателей СССР тов. ГОДИНА
Николая Ивановича.

П. и. Председатель Правления СП РСФСР - Л. Себеков.

Выписка верна:

ПОСЛАНО:

О/К СП СССР
т. Године Н.И.
Челябинской писательской организации
СП РСФСР - личн. стол
Дтфонду.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА

Протокол № 24 § _____ 26 августа 19 8

СЛУШАЛИ: Итоги "Дней советской литературы" в Донбассе 16-23 июня
1985 г.

ПОСТАНОВИЛИ: Выразить благодарность участнику "Дней советской лите-
ратуры" в Донбассе тов. ГОДИНЕ НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ

Выписка верна:

СОГЛАСОВАНО:

ЗА

ПРОТИВ

INTERNATIONAL ASSOCIATION FOR CULTURE PROMOTION

Международная ассоциация содействия культуре

Санкт-Петербургское
отделение

Г-ну Н.И. Године
Кыштымская ул., 20 - 54
454084 Челябинск

Глубокоуважаемый господин Година!

В начале июня 1999 года в Санкт-Петербурге планируется провести Международный конгресс поэтов, посвященный 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

Учредителями Конгресса дали согласие стать Правительство России, Межпарламентская ассамблея государств – участников СНГ, Мэрия Москвы и Администрация Санкт-Петербурга.

Организатором Конгресса является Санкт-Петербургское отделение Международной ассоциации содействия культуре (СПБО МАСК) при организационной поддержке Комитета по культуре Администрации Санкт-Петербурга, Культурно-просветительского общества «Пушкинский проект» и Гуманитарно-культурного центра «Пилигрим».

Идею проведения Конгресса активно поддерживают такие научные учреждения, как Институт русской литературы – Пушкинский Дом и Всероссийский музей А.С. Пушкина, широкая культурная общественность города, а также видные представители петербургской интеллигенции во главе с академиком Д.С. Лихачевым.

Международный конгресс поэтов может стать одним из самых серьезных научных и культурных событий в ряду юбилейных пушкинских торжеств. Цель Конгресса – собрать в Санкт-Петербурге известных поэтов, критиков и литературоведов из России, стран СНГ, Европы и Америки и обсудить актуальные проблемы современной поэзии в свете пушкинского юбилея.

Конгресс, включающий в себя 3 пленарных и 4 – 5 секционных заседаний (семинаров) планируется провести с 3-го (день заезда) по 7-е (день отъезда) июня 1999 года. Число участников и гостей Конгресса – ориентировочно 150 – 200 человек. Тематика докладов и сообщений – самая разнообразная, но с естественным акцентированием пушкинской проблематики. В рамках Конгресса предусмотрены и выступления участников в различных залах города, а также на открытом воздухе у памятников А.С. Пушкину.

К началу Конгресса планируется издать буклет и каталог, включающий в себя сведения обо всех участниках Конгресса. По итогам Конгресса будет выпущен специальный сборник материалов и тезисов докладов и сообщений.

Настоящее письмо является официальным приглашением на Конгресс в качестве участника.

Единственным условием участия в Конгрессе является предоставление краткой биографической справки и черно-белой фотографии для каталога. Было бы также желательно, чтобы Вы смогли уже в ближайшее время выслать кратко тезисы Вашего возможного доклада или сообщения.

Россия, 191011, С.-Петербург, Невский пр., 40;
Тел. (812) 311-3475, Тел./факс (812) 314-3606;
Р/с 40703810950000001747, Куобышевский филиал
Лиговское отг. ОАО «Банк «Санкт-Петербург»,
к/с 30101810900000000790,
БИК 044030790; ИНН 7825330563

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

454089, г. Челябинск, ул. Цвиллинга, 27
Тел. 33-30-03, телефакс (8-351-2) 33-12-83
Телегайн 124676 «Исток»

от «___» _____ 199 г. № _____

В комиссию при Президенте
Российской Федерации по
государственным премиям РФ
в области литературы и искусства

08/2846
от 9.09.97.

Администрация Челябинской области обращается с ходатайством о кандидатуре Председателя Челябинского отделения Союза Писателей Российской Федерации, секретаря правления Союза писателей России, заслуженного работника культуры России, писателя и поэта Николая Ивановича Годины.

Николай Година автор одиннадцати книг стихов и прозы. О его творчестве написаны многочисленные статьи, снят документальный фильм «Никакая там не знаменитость».

Статьи и рассказы переводятся на другие языки.

Николай Година один из первых удостоен областной премии «Орленок» в области литературы и искусства.

Несколько книг уральского поэта заказывали Гавордский университет и Библиотека Конгресса США.

Творчество Николая Годины ценят такие видные российские писатели и поэты, как Д. Самойлов, Ю. Левитанский, А. Кушнер, М. Львов, В. Астафьев и другие.

Надеемся, что кандидатура Николая Годины заслуживает присвоения столь высокой премии.

В.П. Уткин

МИАССКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ
ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

СОРОК ТРЕТЬЯ СЕССИЯ ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ
ВТОРОГО СОЗЫВА

РЕШЕНИЕ №18

от 29 октября 2004 года

О присвоении звания «Почетный гражданин
муниципального образования «город Миасс»
Године Н.И.

Рассмотрев предложение вр. и.о. Главы города И.А.Серко о присвоении звани «Почетный гражданин муниципального образования «город Миасс» Године Николаю Ивановичу, учитывая рекомендации постоянной комиссии по мандатам, Регламенту, депутатской этике и связям с общественностью, на основании положения «О звании «Почетный гражданин муниципального образования «город Миасс», руководствуясь Законом Челябинской области «О местном самоуправлении в Челябинской области» и Уставом муниципального образования «город Миасс», городской Совет депутатов

РЕШАЕТ:

1. Присвоить Године Николаю Ивановичу звание «Почетный гражданин муниципального образования «город Миасс».
2. Вр.и.о. Главы города И.А.Серко организовать проведение комплекса мер, предусмотренных положением «О звании «Почетный гражданин муниципального образования «город Миасс».
3. Контроль за исполнением настоящего решения возложить на постоянную комиссию по мандатам, Регламенту, депутатской этике и связям с общественностью.

Председатель городского
Совета депутатов

Ю.В.Ярошенко

**Энциклопедия «Лучшие люди России» / V выпуск / Родины
Славные Сыны и Дочери / Година Николай Иванович**

Година Николай Иванович

25.08.1935

Почётный гражданин г. Миасса Челябинской обл. Заслуженный работник культуры РФ. Поэт, прозаик (г. Челябинск). Член Союза писателей России. С 1959 по 1987 г. жил в г. Миассе, работал в Тургоякском рудоуправлении машинистом экскаватора, инженером, председателем профкома. С 1987 по 1998 г. руководил областной писательской организацией, избирался секретарём правления Союза писателей России. Автор более 20 книг стихов и прозы. Лауреат комсомольской премии "Орлёнок", Всероссийской профсоюзной премии им. Ф. Селянина, Всероссийской литературной премии им. Д. Мамина-Сибиряка (2003). О его творчестве снят документальный фильм (1971).

XXX

В литовых Серотинках сероти
Ярмаркут, суетни и ерки.
Из балажки улиткии уроки
Извникают утпоне и элетики.

Поростовски нарасиль, в низине
Вейсрок с застойем стал бервины,
Где краснознамённые осаны
Собрались на шийцеке у болотица.

Будто фи без косинуса, праздно
Взной луе без косаурь, однако.
В глубинку небес глядицу наирасно,
Никакого мне отиуде знака.

Князь Годики

Даровитому
Николаю Точине
от всего мирлесткого
сердца.

Ваший Точин

$\frac{15}{\text{мая}}$ 69.

Издательство
«Художественная литература»
Москва 1967

ПОВЕСТИ

Николай Швабский
Горы
На память о
Нашем издательстве
Знакомый - Знакомый - Знакомый
и с поминанием восточных 3207

Павел Никитин
Знакомый
29.3.75 -
Неизданный
всегда.

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 47

1976

Дорогой Николай
Тодман,
по тебе мысля
всегда
*6241
с любовью
и с любовью
и с любовью
и с любовью

Евгений

Евгений ЕВТУШЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

СПАСИБО

Допомог
Книжницю
Тодука —
маланим и вому
кошмис-женишкы

С. С. С. С. С.

М. С. С.

1968 - 12 в. 80

Упра. Баруцата
Кер. и.д. Трама - У. С. С.

Д. Самойлов

Улица Тюлминга, 4

Николаю Ивановичу Гедике с
надеждой возвращаться по адресу
вдвину и с наилучшими
пожеланиями.

Д. Самойлов.

Берлин.
27.01.82

Николаю Гогине
на Знаменско

Ю К-Знаменск

28. II. 81

Дорогой

Николаю Гогине — на добрую
память и лучшие дела —
с любовью.

25 июля 82.
Минск, Гусевский пер.

О. Гухман

ИЛЬЯ ФОНЯКОВ

ЛУЧШИЕ ГОДЫ

С Т И Х И

Колле Тюдма —
с болями и нечеловеческими
пытками
к его поэзии,
с дружелюбием
за приглашение читать
с юмором

Иркутск
Восточно-Сибирское книжное
1982

Иркутск
издательство «Иркутск»

Илья Фоняков

10.05.82

ІВАН ДРАЧ
**АМЕРИКАНСЬКИЙ
ЗОШИТ**

ВІРШІ
ПЕРЕКЛАДИ
ДРАМАТИЧНА
ПОЕМА

Микола Тодик —
словник людий
і ментів
на івури
знаюмств

22.06.85, Дніпро

КИЇВ. ВИДАВНИЦТВО ЦК ЛКСМУ «МОЛОДЬ». 1989

НИКОЛАЙ ВОРОНОВ

САМ

Роман-фантазия

Николаю Годичу,
тревожному человеку,
Таланту, с пожелани-
ем счастья
и прочности.

Н. Ворон

Москва · Советский писатель · 1988

Передержкино,

Тимур
Кибиров

Николаю
Зодине
от Тимуре
на память

15 апреля 86г. Т. Кибиров

ИЗЕТ САРАЈЛИЋ

што Проза час

ОПРОШТАЈ
С ЕВРОПСКИМ
ХУМАНИСТИЧКИМ
ИДЕАЛИЗМОМ

с европским

гуманистичким -
вјесником

идеализмом

и друге пјесме

мојој старости

и младости

9/12/89

На колаџу Тофика

НИКШИЋ

1989.

А ево ми Владикићу
уже 60 дана!

с љубавом
изет Сарајлић

Сарајево
1991.

Как вогрел,
 в том миге о вострел
 в чернотенске и в
 знак гадкого знака,
 ильа шити порицане
 тем казгг, когда миль-
 фантону возростуам, а
 же пробил, когда мь
 елу двелл томь ка-
 гелг и грукелл в в
 ерге.

Краин тебе и тебе
 Делука, Бог!

Д. А. А. А.
 1964

В. А. А. А.

АЛЕКСАНДР
КУШНЕР

СТИХОТВОРЕНИЯ

Дорогому
Николаю Годуке
на память о встрече,
как некто, на Фроне!
сердечно

А. Кушнер

22 мая 1980
Сельбуса

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

алексей
РЕШЕТОВ

стихотворения
ТЕМНЫЕ СВЕТЫ

*Николаю Годиче,
славному, дорогому
Поэту. А. Решетов
8/VI - 2001г.*

Из глубины России (Риски)
в глубине России (Риски)
во глубины России
(Зеландия)

дорогому Николаю Ивановичу Враню,
поэт, переводчику, прозаику,
режиссеру, музыканту. Поэзия как
Бог сел через каморку Виктора
Тютчевского уберечь эту глубину
России не оставившей
с собой

Вал. Лыфтин
18 июля 2005 г.
Тюмень.

ИРКУТСК
2002

Николай Година

Миасс¹

Вдали слабо голубеет цепочка Ильменского хребта. Ступеньками вниз спускается белокаменный город, отороченный зелеными лесами, разбросанными по увалам. По самому дну долины петляет незнаменитая речка, давшая название городу, расположенному в сорока километрах от географической границы двух континентов.

Трудно сказать, с чего начался город Миасс... На основании архивных документов решено считать датой рождения города 18 ноября 1773 года, когда законодательно утверждено право на строительство у реки Миасс Петропавловско-Миасского завода.

Но построить завод новому владельцу местных рудников тульскому купцу Лугинину не удалось. «...Возникшее народное замешательство сему воспрепятствовало...» По всему Южному Уралу гуляли войска Емельяна Пугачева. Повстанцы захватили Чебаркульскую крепость и Кундравинскую слободу. После ожесточённого боя с царскими войсками в районе Кундравов Пугачев решил соединиться с отрядами Салавата Юлаева и пошёл к Миасскому и Златоустовскому заводам. До сих пор бытуют в народе легенды тех времен. Старожилы могут показать заросшую канаву между озерами Инышко и Тургояк. Говорят, кто-то пытался «перелить» Инышко, в котором якобы спрятано пугачёвское золото, в озеро Тургояк лежащее на девять метров ниже.

¹ Литературная Россия. 1983. № 20 . 13 мая.

После подавления восстания Лугинин, согнавший к себе сотни пензенских, орловских и рязанских крепостных, с большим размахом взялся за строительство. А в 1777 году в Берг-коллегию поступил рапорт канцелярии Главного правления заводов Урала о том, что завод построен.

Владения завода расширились, рос возле него и посёлок. Летом 1797 года на речке Ташкутарганке, недалеко от Миасского завода открыли золотоносное месторождение. Много лет гремела слава тихой Ташкутарганки. Драгоценный металл был найден также в долине рек Миасс, Атлян, Большой и Малый Иремель.

«Золотая лихорадка» охватила почти всю миасскую долину. Журналист и краевед В. В. Морозов в книге «Город в золотой долине» приводит ошеломляющие цифры. За один день на Ташкутарганке нашли золотой клад из шести самородков общим весом 24 фунта 11 золотников — более полпуда! В 1827 году здесь было добыто 64 пуда золота. С 1830 по 1837 год Миасская долина дала казне 464 пуда золота. 26 октября 1842 года в закопашке оскудевшего к тому времени Царево-Александровского прииска казенный мастеровой Миасского завода Никифор Сюткин обнаружил целую глыбу золота — самородок весом 36 килограммов 21 грамм, хранящийся ныне в Алмазном фонде СССР в Москве. Все газеты мира взахлеб рассказывали об уральской находке. Самому же Сюткину золото счастья не принесло, как не принесло и свободы.

Город Миасс не был центром крупных политических событий и революционной борьбы на Урале, хотя безжалостная эксплуатация и казенный произвол не раз вызывали у рабочих гневный протест. Писатель А. Шмаков, выпустивший недавно книгу о революционном движении на Урале, рассказывает о делегате II съезда РСДРП, южноуральце Г. М. Мишеневе (Муравьеве), которого послали в Лондон социал-демократические группы Кыштыма, Уфалея, Аши, в том числе и Миасса.

В 1915 году в Миасс эвакуировался из Риги пилотозубный завод, принадлежащий английской фирме «Томас Фирт

и сыновья». Уральцы сблизилась с латышскими пролетариями, имевшими опыт классовой борьбы. Совместная забастовка в мае 1916 года принесла первую победу рабочим. 21 апреля 1917 года в доме купца Филиппова на бывшей Кундравинской улице состоялось первое собрание большевиков, на котором была оформлена организация РСДРП(б). Во главе ее встал И. И. Силкин. В борьбу активно включается рабочая молодежь. Сын смолокура Василий Ганибесов организовывает Социалистический союз рабочей молодежи. Впоследствии В. Ганибесов стал писателем. В 1943 году он погиб в фашистском застенке в Нюрнберге, и его имя навечно занесено на мемориальную доску Ленинградской писательской организации. Успел вступить в Социалистический союз рабочей молодежи и юный красногвардеец Федя Горелов, геройски сражавшийся у горы Моховой во время мятежа белочехов. Ему обещали жизнь за отречение от большевизма. Но юный герой крикнул: «Да здравствуют повсюду Советы!»

По дороге на Златоуст, недалеко от посёлка Тургойяк, стоит скромный обелиск. Здесь в глухом лесу колчаковцы «бросили в стволы старых шахт 96 карабашских рабочих, сражавшихся за Советскую власть. Но борьба в тылу не прекращалась. В лесах скрывались партизанские группы, проводившие смелые операции против врага. Наконец в середине июля 1919 года в Миасскую долину вступили части 8-й армии, которой командовал М. Тухачевский.

Рос город. Медленно восстанавливался уникальный, единственный в стране напилочный завод. 1 мая 1923 года участники общего собрания миасских напилочников единодушно постановляют: «Дорогого нашего вождя Владимира Ильича Ленина зачислить почётным насекальщиком напилочного завода...».

С именем Ленина тесно связана и работа государственного Ильменского заповедника. «Кто из минералогов, — писал академик А. Е. Ферсман об Ильменах, — не мечтает посетить минералогический «рай», единственный на земле по богатству, разнообразию и своеобразию своих ископаемых». 14 мая 1920 года Владимир Ильич подписал декрет об орга-

низации минералогического заповедника у станции Миасс, а в 1940 году по просьбе трудящихся Ильменскому заповеднику было присвоено имя В. И. Ленина, и на его территории сооружён памятник вождю.

1941 год. Великая Отечественная война резко изменила жизнь города, заново переключив планы его развития. Уже осенью в Миасс стали поступать эшелоны с эвакуированными предприятиями.

В ноябре 1941 года было принято решение о строительстве в Миассе автомобильного завода на базе эвакуированных сюда цехов московского ЗИСа. Оборудование пришло в Миасс в декабре. Как описать, как оценить мужество и стойкость миассцев, в жестокие холода днем и ночью работавших под открытым небом, отогревавшихся у костра.

16 апреля 1942 года с конвейера завода сошла первая коробка скоростей, еще через две недели — первый двигатель.

«Товарищи! Здесь тоже фронт, Мы с вами должны дать фронту и Родине уральский автомобиль. Если ты выполнил норму — значит помог доблестному воину убить фашиста» — это строки из листовки, выпущенной в те дни, когда в Миассе началась вторая трудовая атака — в феврале 1943 года на базе автомобильного завода было решено в короткие сроки создать автомобильный. О дне 8 июля 1944 года помнит, пожалуй, каждый старожил нашего города. Рассказывает писатель Ф. И. Панферов, живший тогда в Миассе: «Заводской двор, крыши корпусов, заборы — все усыпано людьми: мужчинами, празднично приодетыми женщинами в разноцветных платьях...

Автомобиль спокойно двигался по конвейеру. Вот уже привинчена последняя деталь и... автомобиль коснулся передними колёсами площадки, затем, как бы облегченно вздохнув, прыгнул с рельс, колыхнулся, легко подбрасывая кузовом, и пошёл в ворота — на солнце, на волю, на борьбу с заклятым врагом. А из тысячи глоток вырвалось оглушающее «ура!».

И сегодня, глядя вслед грандиозной машине, проходящей последние испытания, невольно вспоминаешь путь от угловатого УралЗИСа до мощного Урала-4320, пройденный моими земляками — автомобилестроителями, среди которых — бригадир наладчиков Герой Социалистического Труда В. М. Густоев и фрезеровщица моторного цеха, член Президиума Верховного Совета СССР Н. А. Новоселова.

Около тридцати предприятий, разместившихся вокруг бывшего Миасского, а ныне Уральского автозавода, производят продукции почти на 600 миллионов рублей ежегодно.

А как изменился внешний облик Миасса! Помните фильм «Журналист», снятый нашим земляком народным артистом СССР С. Герасимовым? Помните улочки старого города с деревянными домами? Глядя на панораму нового Миасса, трудно представить, что фильм снимался в нашем городе. Конечно, есть у нас старинные здания, даже улицы, которые мы бережём, чтобы наши дети и внуки могли наглядно представить себе прошлое и настоящее своей Родины.

Недавно городское экскурсионное бюро подготовило трёхчасовую лекцию о литературном Миассе. А ведь действительно история города связана с многими выдающимися деятелями культуры. В 1892 году здесь прокладывал путь инженер-строитель Самаро-Златоустовской железной дороги Н. Г. Гарин-Михайловский. И станционные тополя, наверное, помнят известного русского писателя. Центральная библиотека города носит имя Ю. Либединского, проведшего здесь детские годы. В детской трудовой колонии для беспризорников на берегу озера Тургойк работала Лидия Сейфуллина, написавшая книгу «Правонарушители». Теперь ее имя носит детский дом. В годы войны в Миассе, как уже говорилось, жил Федор Панферов. Его жена, писательница Антонина Коптяева, при наших редких встречах всегда спрашивает об уральском городе.

Вот таков он, наш Миасс, город мощной индустрии будущего и удивительных по красоте природных ландшафтов, вправленный, как уральский камень-самоцвет, в ожерелье знаменитых озер.

Много планов у миасцев. И когда в прошлом году городу был вручен орден Трудового Красного Знамени, на торжественном митинге говорилось не только о нынешних заслугах его жителей, но и о серьёзных задачах, стоящих перед ними. Уверен: они будут решены.

Николай Година

Младший брат Байкала¹

Младший брат моложе старшего на миллионы лет. Расположенный в глубокой котловине, окольцованный горной грядой, Тургояк — одно из самых замечательных творений природы. Вода в озере целебная и чистая. Глядишь с лодки и на глубине двадцати метров видишь донные камни. Берега Тургояка почти везде крутые зовутся «крутиками». Можно долго любоваться зелеными склонами холмов серебряными всплесками волн...

Но лирика лирикой, а проблемы проблемами. Они тут же, рядом. И некоторые, может быть, даже глубже радоновых источников Тургояка.

Вот они, заслоняющие дикую красоту, проблемы сегодняшние и завтрашние: стекло, хрустящее под ногами обугленные стволы деревьев, обмелевший заливчик левее Крестового полуострова. Топот цивилизованных варваров, рокот моторов и неумное жужжание насосных — такова обычная картина у необычного озера. «Приходит толпа, так не гармонирующая с окружающей красотой, жадная пошлая, и — разрушает красоту. Всюду компании дачников оставляют объедки своих пикников, сор, пробки, осколки пивных и других бутылок, вырезают на коре нежных пихт, высекают на камнях свои инициалы и фамилии, чтобы всему миру возвестить об этом великом событии, губят растения, в самых красивых местах. И на попытку указать, насколько не гармонирует это с красотой, в ответ сыплются грубые слова

¹ Уральская новь. 1987. Май.

и умышленные поступки в том же направлении. Не вышла еще большая часть людей из звериного бытия». Как точно — и актуально для нас, словно описывал сегодняшние события, — писал наш земляк, лаборант географического кабинета Казанского университета приват-доцент В. Н. Сementовский в журнале «Природа и люди» № 15, вышедшем 7 февраля 1913 года.

Листаю пожелтевшие страницы, вглядываюсь в снимки. Вот узкая полоса пляжа, а вот высокий остров Веры на западном, берегу. Когда-то этот остров облюбовали скрывавшиеся от преследования староверы. Сохранились подземные кельи. Где-то здесь и почитаемая ими могила «княжны Веры», сбегавшей от мирской суеты в таежную глушь.

Остров Веры... Теперь он уже полуостров. Засуха, облысение берегов, многолетний водозабор сделали свое дело. Озеро мелеет. За последние двадцать лет из Тургояка выкачено более 65 миллионов кубометров воды, что соответствует $\frac{1}{8}$ его объёма. Уровень «зеркала» понизился на два с лишним метра. Вода местами отошла от берега на 30—60 метров.

До 1972 года из Тургояка перекачивали в озеро Кысыкуль 32 тысячи кубометров воды в сутки на водоснабжение Миасса и промышленные нужды. Вода из построенного Ильменского водохранилища, на которое возлагались большие надежды, оказалась жесткой для городских ТЭЦ.

Согласно распоряжению Челябинского облисполкома за № 644-р от 14 мая 1975 года была создана комиссия для подготовки предложений по прекращению забора воды из озер Кысыкуль и Тургояк. Комиссия постановила: с 1 октября 1976 года прекратить полностью водозабор из озера Тургояк до восстановления нормального уровня. Насосную станцию на озере Тургояк сохранить как резервную.

После выхода постановления СМ СССР № 500 от 10 июня 1977 года Минводхозом РСФСР в 1980 году выдано Уральскому автомобильному заводу разрешение на спецводопользование, которым был разрешён отбор воды из озера Кысыкуль на хозяйственные нужды Миасса в объёме 22,4 тыс. кубометров в сутки при условии сокращения этого объёма до 17,9 тыс. ку-

бометров в сутки в 1982 году с последующим полным прекращением отбора воды из озер Тургояк и Кысыкуль.

До настоящего времени отбор воды не только не прекращён, даже увеличен. На 1 января 1986 года этот объем равен 24,67 тыс. кубометров в сутки. Кроме того, с 1 января 1984 года и до настоящего времени отбор воды из Тургояка автозаводом осуществляется без разрешения органов по регулированию использования и охраны вод.

Бассейновым управлением неоднократно предлагалось перевести теплосети Миасса на техническую воду. Но кому хочется брать на себя такую обузу, когда можно провести трубу и качать?

В 1982 году институт «Союзводоканалпроект» разработал технический проект на водоснабжение Уральского автозавода и Миасского промышленного района на основе источника воды — реки Киалим. Река Киалим утверждена Министерством мелиорации как основной источник водоснабжения на перспективу для Уральского автозавода и Миасской промплощадки (протокол от 31.10.83 г.).

5 июня 1985 года письмом из Министерства автопрома утверждено разрешение сделать автозавод генеральным заказчиком Киалимского водоразборного узла. Технического проекта, принятого к разработке, до сего времени нет.

— По крайней мере еще двадцать лет, пока не войдёт в строй действующих Киалимский гидроузел, — сказал первый секретарь Миасского ГК КПСС А. П. Борисов на открытии фотовыставки, посвящённой Тургояку, — мы вынуждены будем пить тургоякскую воду.

По международной программе «АКВА», проводимой лимнологической комиссией ЮНЕСКО по защите и охране мировых запасов питьевой воды, Тургояк включен в список ста ценнейших озер мира. В январе 1961 года озеро объявлено памятником природы. В феврале 1981 года Миасский горсовет вынес решение об организации вокруг озера ландшафтного лесопарка, под который отведено 13 112 гектаров. Восемь предприятий Миасса и Златоуста должны при долевом участии построить дороги, несколько платных автостоянок,

стоянок для туристов, оборудовать места для костров, расставить скамейки, беседки, солнцезащитные грибки-навесы и т. д.

Заслуженный лесовод РСФСР, лесничий Тургоякского лесничества Н. Н. Нестерова рассказывала мне: «В далеко не полном объёме сооружены малые архитектурные формы. Не хватает туалетов, мусоросборников, которые к тому же чистить некому. Платных стоянок для личного транспорте нет. Предприятия, между которыми поделена территория для благоустройства, свои обязательства выполнили на 20—30 процентов, не больше. Но по отчётам у них, как ни странно, все хорошо». Лесопарковая зона вокруг Тургояка самая «населённая» и беспокойная. Ежедневно в летнее время на прибрежной полосе скапливается до 20—25 тысяч отдыхающих. Лес сохнет из-за большой перегрузки. То же Тургоякское лесничество ежегодно продаёт населению на дрова более полутора тысяч кубометров усохшего леса. Лесопарк должен регулировать численность отдыхающих и периодически закрываться года на два-три для восстановления собственных сил.

«Тургояк разрушается по мере того, как растёт о нем известность. И с болью в сердце приходится следить за умиранием его красоты, не имея достаточной возможности предотвратить это печальное явление».

Сегодня в сравнении с пресловутым 1913 годом, когда писал эти строки В. Н. Сементовский, известность Тургояка во много раз больше. Во много раз быстрее разрушается и озеро. Причём, разрушается не только «диким» способом, но и официальными, узаконенными мероприятиями. Например, на Пугачёвской поляне, где осталось не более полусотни изувеченных старых сосен, часто проводятся спортивно-культурные массовки не только городского, но и областного масштаба. Тут же браконьерство на законной основе.

Недавно Миасский горсовет принял решение о прекращении промыслового лова рыбы в водах Тургояка. Маленькая, но все-таки победа тех, чей голос звучит сегодня в защиту памятника природы.

15 апреля 1986 года в актовом зале школы № 2 посёлка Тургояк состоялось открытие экологической выставки «Озеро наших надежд» народного коллектива фотоклуба «Импульс» Дворца культуры «Прометей». Полтора года фотоклуб во главе с М. М. Терентьевым собирал фотографии разных лет, документы и данные научных исследований. Никогда школа не видела столько людей и не слышала столько речей. Одни — директор Ильменского государственного заповедника, кандидат геолого-минералогических наук В. П. Парначев, профессор Челябинского педагогического института, доктор, географических наук М. А. Андреева — говорили о необходимости -создания национального, парка, другие — лесничий Тургоякского лесничества Н. Н. Нестерова, председатель поселкового Совета П. И. Лузин — предлагали довести до ума строительство ландшафтного парка. Были и другие предложения. Например, экономить воду на работе и дома. Не многовато ли на одного, мiasца 231 литр воды в сутки?

Что касается производства, то не промышленных предприятиях предлагалось ускорить, процесс внедрения замкнутого технологического цикла, использования воды.

В общем, все меры реальны и эффективны при одном условии: они должны быть приняты немедленно. Иначе беда.

«Озеро Тургояк, — цитирую обращение схода граждан посёлка Тургояк от 17 апреля 1985 года, — одно из самых чистейших озёр Урала с минимальной минерализацией воды, с удивительнейшим природным процессом самоочищения, но через несколько лет, 2—3 года, начнутся необратимые процессы заболачивания лагун и заливов, и самого озера, если так же (16 000—20 000 кубометров в сутки) качать его».

Еще В. И. Ленин говорил, что социализм невозможен, немислим без дружбы с природой. Увы, наши взаимоотношения с природой часто строятся не на рациональном природоиспользовании и охране природы, а на основе извлечения сиюминутных экономических выгод. 23 февраля 1987 года бюро Миасского ГК КПСС и исполком городского Совета

народных депутатов приняли совместное постановление «О комплексной программе защиты и сохранении памятника природы — озера Тургойак», в которой представлены десятки конкретных мероприятий по спасению озера от гибели. Отрадное явление. Но давать, отбой тревоге, безусловно, рано. Из горького опыта мы знаем, что многие благие замыслы и намерения наши часто оставались на бумаге нереализованными. Рисковать и дальше судьбой Тургойака было бы безнравственно и даже преступно. Остается одно — работа и контроль.

Николай Година

Язык Астафьева¹

Меня давно мало интересуют сюжеты современных книг, содержание их, то есть истории героев, факты и т. п. Несмотря на все ухищрения, извороты и плутни талантливых рассказчиков, — в основном, книги об одном и том же. Меня интересует язык. Поэтому чаще всего заглядываю в прозу таких писателей, как Платонов, Евдокимов, Писахов, Екимов и др., но на первом месте был и остается В. П. Астафьев.

Когда-то Лотман говорил, что язык — материал литературы, то есть слово — кирпич, из которого возводится литературное сооружение. Чем богаче материал, тем богаче постройка. А вот Виктор Петрович считал, что в этом деле главное — не слово (помните, вначале было Слово), а звук, потом уже слово. Это очень важный момент в творчестве Астафьева. Ему нравился ритм, он говорил, что надо проверять произведение на аудитории. Думаю, он не лукавил. Он отлично знал, что у плохого, затёртого, пошлого слова и звук такой же.

Почти двенадцать лет я руководил Южно-Уральской организацией Союза писателей. Около полусотни «инженеров человеческих душ». Так вот, у большинства писателей, пришедших по зову от станка и сохи, словарный запас в пределах трех-четырёх сотен слов. А по нормам (не знаю, каким) человек с высшим образованием должен иметь в своем запасе 12 000 слов, 10-летний же школьник — 3600 слов. Филолог В. Виноградов различал в языке три общественные функции:

¹ Година Н. И. Язык Астафьева // Астафьевские чтения (19–21 мая 2005 г.). Вып. 3. Пермь : Курсив, 2005.

общение, сообщение и воздействие. А некоторым из наших писателей едва-едва хватает слов, видимо, только на примитивное сообщение.

Ради любопытства я взял сборник стихов нашего довольно образованного поэта. В сборнике 5000 слов. Выбросил часть производных, союзы и прочую мелочь. Осталось 767 слов. С помощью арифметики вычислил, что автор в среднем использует 7 раз одно слово в сборничке в 65 страниц. Потом взял рассказ В. П. Астафьева «Жизнь по-новому» и узнал, что здесь одно слово используется 1,6 раза. Вот вам и два члена СП!

Как-то вычитал у Р. Солнцева, что Астафьев часто пользовался иностранными словарями, областными словарями народных говоров, интересовался языком милиции и т. п. «Любовь Астафьева к родной речи иногда полемична. И он готов извлечь и архаичное слово, чтобы воспрепятствовать мякинной бесцветности, проникающей в деревню “среднегородской” речи, — писал 20 лет назад В. Я. Курбатов, — ... его народная речь мускулиста и здорова, весела и упруга — не наслушаешься». К слову, о народной речи. «Кому и у кого учиться писать, — вопрошал Лев Толстой, — ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» Помните Федьку Макарова, соавтора Льва Николаевича по повести «Ложкой кормит, стеблем глаз колет», который поправляет Толстого: так похоже — если мужик будет в бабьей шубе. Как бы уличает Льва Николаевича в литературности. Астафьев никогда не был «литературным», даже когда делал литературу. Странно: почему иные писатели пишут «литературным» языком, а в жизни пользуются другим? У Виктора Петровича был и в писательстве, и в жизни один язык. Я приезжаю в сельское литобъединение. Начинаящая писательница, передовая доярка говорит на удивительном русском языке, а пишет: «грезы», «томные уста» и пр. Я ей: ты что, утром встаешь и говоришь: «Петя, я всю ночь грезил?»

Язык Астафьева не сочинительский. Натуральный. Как-то один так называемый филолог брезгливо поморщился: «Не люблю Астафьева, от его романа «Прокляты и убиты»

фекалиями несет». В одном из своих опусов я когда-то писал: «...вхожу в забой / Не лирическим героем, / А вот так, самим собой». Астафьев почти всегда сам «лирический герой». И это здорово: он пользуется своим родным языком, которым щедро наградила его природа. Язык писателя я бы сравнил с геологической брекчией — сцементированными кусками разных минералов. Мне не по силам объяснить, что такое «язык Астафьева». Остановлюсь на нескольких компонентах астафьевской «брекчии».

Фольклор. Писатель пользуется им широко. Слова «чудище», «змеиный», «царь-рыба», «оборотень», «поединок» — явно фольклорного происхождения. Его произведения насыщены пословицами и поговорками — не избитыми, затёртыми, а почти неизвестными, часто, возможно, своими собственными: «Не тереби лихо, пока оно тихо» («Царь-рыба»); «Видит кошка молоко, да рыльце коротко»; «Ловко в чаю плавает веревка»; «Чем хуже дела в приходе, тем больше работы звонарю»; «Раз занесло незваных гостей в дверь, вынесет в трубу» («Последний поклон»); «Тайга — наша кормилица, хлипких не любит»...

Речевая игра. «Два тайменя, один с вошь, другой помене».

Образность. «Червячками сползли головастые дождинки»; «Из-за кривых груш бодливо выглядывала избушка»; «До стеклянного блеска налитые помидоры».

Сравнения. «Свобода для народа незрелого, нравственно запущенного, с изуродованным сознанием, со смешанными понятиями добра и зла — то же самое, что бритва в руках ребенка»; «Тренькнула гороховым стручком по торчащему его петушку...»

Точность слова. «Ноги издрябли и сморщились от сырости»; «дряблая вода» — класс испугался будущего поступка мальчика.

Есть такое понятие — *художник слова*. Это — об Астафьеве. У него что ни слово — то картинка: «Пилотка скоро превращается в капустный лист» (из интервью Н. Михалкову о войне); «Анна, нашёлся пескаришка-то!» (дед о Васютке).

Мне очень нравится такая фраза: «И мотор, будто сунули ему в рот паклю, заработал глуше».

Твардовский заметил однажды в адрес К. Симонова: «... ни одного своего слова». У Астафьева свои слова, о которых мы даже не догадывались: «Гудела печка и малинилась»; «Уконтромлю! — кричит дядя Кузя на балабана». (Что за слово «уконтромлю»? ни в одном словаре я не нашёл. Видимо, от «уконать» или «ухайдакать». Или вот еще слово — «размахайство».)

Читать Астафьева без слез и смеха невозможно. Ирония, самоирония, юмор и грусть (печаль, сентиментальность) у него бок о бок. «Стрелок я плохой, на три метра с подбегом...»

Язык Астафьева живой, естественный. И еще я бы добавил: язык Астафьева — честный язык. В нем нет слов ложных, фальшивых, обманных, имитационных, маскировочных. Автор не виляет по страницам своих произведений. Вычитал в дневниках В. Крупина: «Не дает язык врать». Больше, чем кому-либо, язык не давал врать В. П. Астафьеву.

Язык Астафьева — жесткий, бескомпромиссный. Может быть, порою и злой язык, но не зловерный: «Нажравшись бормотухи, шофер, вывозивший с берега дрова, вылетел на тротуар и сбил школьниц... Пакостливый, как кошка, и трусливый, как заяц, шофер спрятался за прудом, не чуя оводов, облепивших его рожу» («Царь-рыба»).

Говорить о языке Астафьева можно бесконечно. Каждый читатель сам выберет ту грань, которая ему нравится. Хотелось бы предложить нынешним и будущим филологам составить словарь Виктора Петровича Астафьева.

Кудреватые Митрейки, мудреватые Кудрейки

Когда-то, оказавшись в Москве, я зашел в редакцию «Огонька» к Анатолию Кудрейко. К тому самому, которого обессмертил Маяковский:

Кто стихами льет из лейки,
Кто кропит, набравши в рот, —
кудреватые Митрейки, мудреватые Кудрейки —
Кто их, к чорту, разберет!

Анатолий Алексеевич похвалил мои опусы, что-то отобрал для журнала. Долго расспрашивал, сам рассказывал. А, прощаясь, сказал: «Если не напечатаем, не обижайся. Тут ведь как дело обстоит? Запланировали тебя. Звонит Смеляков. Так, мол, и так. У жены день рождения. Будь другом, выпиши авансик, а тетрадку я занесу. Потом звонит Мартынов. Так, мол, и так. Пообещал племяннице велосипед. Будь другом, помоги. Что-то напишется — передам. Ты сколько на своем экскаваторе зарабатываешь? Двести? У-у-у! От куска хлеба не зависишь, пишешь, когда пишется. Жизнью настоящей живешь. А вот я? Смотрю в одно и то же окно, из одного и того же пальца стихи высасываю. Семья, кормить надо...»

Мои стихи журнал так и не напечатал. Но я не в обиде. На хлеб, на велосипед дочке, наконец, на подарок жене я зарабатывал в карьере, в три смены, все четыре сезона, глотая известковую пыль. А писал для души, по её согласию. Она у меня вольноотпущенница.

1995

«Не стыдись любить ее тело...»

В очередной раз перетряхивая и перекладывая свое, не ахти какое богатое, книжное хозяйство, я наткнулся на польский журнал «Поэзия». Это майский номер за 1968 год. Журнал мне подарил ровно тридцать лет назад ответственный секретарь Мариан Гжещак прямо в редакции на варшавской улице Багатела, 14. На одиннадцатой странице номера начиналась поэма Гжещака «Ясность». Так во всяком случае я перевел название. А в правом верхнем углу красными чернилами Мариан сделал дарственную надпись.

Весной 1968 года Виктор Поляничко, тогдашний комсомольский вожак, пригласил меня в увлекательное путешествие. Мы ехали на автобусе по европейским дорогам бывшей Челябинской добровольческой танковой бригады. Ветераны М. Акиншин, А. Соколов, М. Львов... По ходу снимали документальный фильм, бурно встречались с участниками той далекой войны. В Польше лет за шесть до этого я уже бывал. И вот, уличив момент, я на сей раз махнул в литературный журнал. У меня была на выходе первая книжка стихов, и я, естественно, уже мнил себя известным поэтом.

Мариан Гжещак, почти мой сверстник, к тому времени издал пять книг и вполне заслуженно считался одним из лидеров молодых польских поэтов «новой волны». Человек провинциальный, из сельской глуши Познанского воеводства, поэт, перебравшись в город, стал его безоглядным певцом.

Поэты не убегают в леса
Пишущая машинка это всего лишь машина
Зачем же ваша машинка притворяется дятлом

— писал он в одном из программных стихотворений в книге «Густой свет».

В архиве у меня хранится коротенькое письмецо, датированное 7 июля 1968 года, в котором Мариан пишет: «Дорогой Николай! Большое спасибо за письмо и стихи. Я прочитал твои стихи в книге, и некоторые мне очень понравились. Я тоже устал от работы, поэтому поеду отдохнуть на

Мазурье, на озеро. Пишу стихи и роман, но идет это тяжело. В Варшаве сейчас хорошая погода, жара как в Африке. Пишу рукой и с ошибками, но, думаю, ты все поймешь. До свидания в Варшаве или Миассе! Мариан».

К сожалению, Ни в Варшаве, ни в Миассе нам встретиться пока не пришлось. Правда, была короткая встреча в 1981 году на страницах сараевской антологии Изета Сарайлича «Книга друзей», где рядом с Морандини, Ретамаром, Сореску, Гомесом, Окуджавой и наши с Марианом стихи.

Да, чуть не забыл. В заголовок данных записок я вынес строку одного из пронзительнейших лирических стихотворений Гжещака в переводе Бурича:

Не стыдись любить ее тело.
Оно прекрасно, а прекрасное хочет, чтобы к нему
возвращались.
Истосковавшееся по уродству — напоминает осеннюю
землю.

Забытое ливнем — находит солнце.
У него всегда хватает тепла, чтобы вызвать во мне трепет.
Знаю: ночь развонит меня к ее бедрам,
утро сотрёт сон ее кожей,

Войдя в день, ощущаем:
Ее мне не хватает,
Меня ей — лишь на минуту.
И так будет длиться, пока звезды
Опять не сойдутся в один вечерний светильник.
При свете его скажу: твоя красота — это мука бессонниц,
Стань уродкой, чтобы смог заснуть я.
Долго жить в ясновидении невозможно.
Прошептала: корона, которую ты несешь, не дает власти,
Хотя и является королевством, войди.
Прячу свое семя в тепло ее лона.
Оно прекрасно, молчу, как выразить это.

1998

Сергей Есенин, Николай Година и другие

Праздновали юбилей Есенина. И мне, литературному чиновнику, нужно было со сцены городского театра замолвить свое слово о поэте.

Смеясь, я сказал, что в доперестроечное время следовало бы разразиться докладом на тему: «Я и Сергей Есенин» или «Есенин в моей судьбе». Сегодня, мол, можно обойтись и без доклада, а вот Есенин к моей судьбе все-таки приложился. Правда, через своего друга Василия Васильевича Казина.

Четверть века назад я ехал на Кавказ попить минеральной водички, красиво, как все белые люди, потратить трудовые рубли.

В Москве тормознул на пару дней у семиюродной тетки по линии жены, тети Мани, почему-то любившей меня больше всех своих родственников вместе взятых.

Тетя Маня, кроме меня, любила «Столичную» из буфета Министерства иностранных дел, где служила кастеляншей.

Однажды, рассказывала она, попросили ее подменить уборщицу и прибрать в кабинете министра. Неожиданно вошёл Громыко, достал носовой платок, потёр подоконник и... выслушал едкий упрек тети Мани: «Вы что думаете, я свои шестьдесят рублей задарма получаю?»

Андрей Андреевич так растерялся, что ничего вразумительного сказать в свое оправдание не смог, кроме как: «Простите, я машинально...»

Итак, в Москве я позвонил на правах земляка Михаилу Львову, пересказал уральские новости, а он в свою очередь посоветовал вечером обязательно включить телевизор.

По телевизору показывали заседание поэтического клуба, на котором ведущий, поэт Казин, вдохновенно читал стихи из моей первой бело-синей книжечки. Как она попала к нему, не ведаю.

Позвонил Львов: «Набери Василия Васильевича, поблагодари и попроси рекомендацию в Союз писателей».

Я позвонил, представился и получил приглашение на утреннюю чашку чая. Поэт жил рядом с Третьяковкой, в Лаврушинском переулке.

«Боже! Какой оказался маленький Казин». Это из письма Есенина Мариенгофу.

Пили чай, читали стихи, говорили о Сергее Александровиче. Василий Васильевич надписал мне пару своих книг и сам предложил рекомендацию. Я не отказался.

Помню, Ручьев на заседании бюро писательской организации спросил: «Кто дал рекомендацию?» — «Казин», — говорю. — «Ну, тогда можешь быть спокоен», — и ушел с бюро до голосования.

1995

«Поеду в Овсянку к Астафьеву»

Ходим по улицам Овсянки, не то деревни, не то рабочего посёлка. На глаз не определишь.

По этим улицам согласно поимённому списку первоначальников ходили когда-то Лучка Савин, сын Кривогорницы, с ссыльным малороссийским казаком Тимошкой Ларионовым, сыном Тюменца. А теперь вот мы с приятелем Алитетом Немтушкиным, первым эвенкийским писателем и не последним бражником.

Улицы, как улицы. Сносно заасфальтированные, в меру заеложённые, особенно Щетинкина, где угловая, под номером 26, ещё куда с добром стоит присадистая изба Виктора Петровича. Зелёная, с белым наличниками и мощёным двором, уютная такая.

Два года назад августовским днем, заглянув за дощатую загородь, я с удивлением обнаружил диконравную дурнину, по-сибирски говоря. Рослый будыльник заполонил и так утеснённый огород. Да это и не огород вовсе был, а бросовый клочок земли.

Виктора Петровича в тот раз я нашёл в знаменитой, уже по праву ставшей прижизненным памятником своему великому земляку, библиотеке. Он был в семейных тапочках и

вистлых спортивных штанах, с десятком розовых луковиц в двуперстной авоське...

А нынче после ремонта в усадьбе полный порядок. Особенно шикарно выглядит туалет с красной седушкой, где-то по случаю добытой Андреем, младшим Астафьевым.

— Р-революционные мысли сразу лезут, когда сядешь! — хохочет классик отечественной литературы.

Добрую половину земли дружно обстали деревья: мироточные кедры, ели, пихты, зарная калина, рябина, яблонька. Правда, кедры, по темноте своей, я принял за сосны, но Бородин, спасибо ему, просветил. Леонид Иванович даже короткую лекцию по лесоведению прочитал. Знания еще те, лагерные...

В глубине двора — малуха по-нашему, избушка. Стол, топчан, десяток книжек. Окна закрыты и завешены чем-то плотным. Ни звука, ни света. Святая святых писателя. Здесь написаны лучшие книги.

Соседи Виктора Петровича занимают избу бабушки. Вроде удобно поглядывать на свое детство со стороны...

Пока я ходил по улицам Овсянки, память выдавала картинки из «детских» рассказов Астафьева. В каждой, теперь уже редкой, старушке мне блазилась Катерина Петровна, а в старике — Павел Яковлевич.

Земляки писателя по-разному проявляют свой интерес к нему. «Мы его редко видим, — говорит Валерий Наумович Бельшев, бывший строитель. — Все пишет... Я читал его книги». Кое-кто считает, что пенсии не выдают по вине Астафьева: «То библиотеку строит, то церковь на наши деньги».

— Ехал мужик на тракторе с бочкой, — рассказывает, смеясь, Виктор Петрович, — видит я в такую-то пору сиднем сижу у окна, пишу. Остановился, покрутил пальцем у виска и дальше поехал.

Недалеко от кладбища, что у Фокинской речки, по инициативе Астафьева на месте бывшей сельской церкви, разрушенной в 1934 году, за три недели возвели деревянный, без единого гвоздя, храм св. Иннокентия — Епископа Иркут-

ского. «Меня здесь крестили, пусть здесь и отпоют», — сказал на освящении храма Виктор Петрович.

А я к тому времени успел разглядеть и запечатлеть на плёнку пару лебедей...

Но вернемся на улицу товарища Щетинкина. Во дворе сдвинуты столы. Хлеб, рыба, водка... Не успели хорошенько разговеться, только-только вразноту заговорили, как перед нами возникла Анна Епиксимовна Козынцева, «хранительница духа астафьевских произведений», директор библиотеки поселка Овсянки. Так, мол, и так. Обморочили маленько свои головы, уезжаем теперь в Дивногорск. Не то завтра Виктор Петрович не откроет «Литературные встречи».

Мы, конечно, костями легли. Клятву дали. Но Анна Епиксимовна, египетская сила, наступала. Первым сдался Валя Курбатов...

Перед отъездом домой 18 сентября я еще раз побывал в Овсянке. Фольклорный ансамбль что-то бодро спел и сплясал для праздных овсянцев, а я вдохновенно прочитал стихотворение «Страсти по В. П.».

Поеду в Овсянку к Астафьеву
Без повода и не чинясь...
Господь милосердный, оставь ему
Подольше побыть среди нас.

Он весь, как терновник у пряслица,
Остистый снаружи, смотри.
Но в нем очень доброе прячется
И детское, может, внутри.

Трудящийся, плохо трудящийся,
Буря, исходит хулой.
А он же, судимый, судящего
Ужель одарит похвалой?

Посёлок. Дыхание вечности.
Ворона кричит на столбе...

Вот он, посредине отечества
Отдельно стоящий в толпе.

Виктор Петрович действительно отдельно стоял среди земляков с новенькой лопатой в руках. Начиналась закладка сквера около библиотеки. Сновали ребятишки с ведрами, стрекотали кинокамеры. Через полчаса на пустыре росло с полусотни деревьев.

— Чтобы козам было чем питаться, — грустно пошутил Астафьев.

Крайняя справа рябинка — моя...

1998

«Судьба определила быть мне в Челябинске...»

С лета 1990 года, с большим опозданием узнав о семейной трагедии, я стал робко, но настойчиво приглашать Астафьева в гости на Южный Урал. «Очень хочется показать вам, — заманивал я в феврале 1991 года, — и Ильменский заповедник в Миассе, и Тургойск (маленькая копия Байкала), и Златоуст. Вы, наверное, слышаны и про Аркаим, древнее городище, открытое недавно. Его учёные связывают с Заратустрой». — «Спасибо, брат, за письмо, за доброе приглашение посетить челябинскую землю. Давно хочется, да грехи не пускают, — вежливо отписывал Виктор Петрович. Но уже в начале апреля 1992 года радуется известием: «Кажется, судьба определила быть мне в Челябинске... Мне бы повидаться с вами охота и, если возможно такое, я бы на денек и остановился, ибо никогда в Челябинске не бывал, а когда впредь путь через него ляжет, одному Богу известно». И как бы не 22 апреля, в самый ленинский день, мы с Начаровым, тогда еще чуть ли не самым главным принципалом в области и моим давним приятелем, встречали знаменитого российского писателя в аэропорту. А утром уже топали с гостем по просторным коридорам казенного дома на углу улицы Кирова, куда любезно пригласил Анатолий Александрович на чашку чая. Двери кабинетов были заранее приоткрыты ровно на два пальца и сквозь щели большие и маленькие чинодралы разглядывали

низкорослого мужичка в какой-то рыбацкой штормовке и высоких резиновых сапогах, грубо попирающих топкие и пружинистые, как торфяной мох на болотах, ковровые дорожки. «Марья всю одежду упаковала в чемодан и не велела открывать его до Перми, — оправдывался Виктор Петрович. — А то, мол, не уложить обратно». Так и разгуливал, никем не признанный, один из самых честных русских писателей. «Урал люблю давно, — отвечал Астафьев на вопросы дотошного Саши Чуносова. — Тут он в конкурентах с моей родной Сибирью. Успел побывать, спасибо Коле Године, в Миассе, в Златоусте. Очень понравился весенний Тургояк. Походил по льду — здесь сапожки и пригодились, испил тургоякской водицы. Совсем, как байкальская! Полюбился и Челябинск. Вот ведь интересно, город вроде бы для меня чужой, а люди — родные...» Правда, уже на обратном пути, вернувшись из чудовских мест, греясь на солнышке против Оперного театра, Виктор Петрович со вздохом проговорился: «В этом городе жить нельзя, в этом городе можно только доживать».

Осилив дорогу в Миасс и Златоуст благодаря любезному Начарову, мы в один из вечеров оказались в гостях у Володи Курносенко, которого в свое время напутствовал Астафьев. На кухонном столе у холостяка плечом к плечу стояли бутылки с водкой. В чашке сиротливо теснились давно спечённых пять-шесть картошек в мундире, а на блюде вразброс темнела горсть крепких, как галька, фиолетовых бобов. Володя, занявшись писательством, не порывал окончательно с медициной. Увлекался разными народными рецептами. То проращивал зерно и ел, то бобами пробавлялся. А нами же, темными, правил инстинкт хищных предков. Нам бы к водочке чего-нибудь плотоядного. Но после златоустовских пельменей нас и бобы не смутили...

Непряздно «посетив знакомые места», Астафьев вернулся в Челябинск. Теперь уже при всем параде, с упрятанными в чемодан ставшими, благодаря газетчикам, знаменитыми не менее их хозяина резиновыми сапогами и прочей хламидой. Жил, если можно назвать мгновение жизнью, Виктор Петро-

вич у меня, временно обосновавшись в кабинете. Приходил к нам артист Женя Вохминцев, фотографировал. Ходили и мы то в Выставочный зал, то добирались до окраины, до Митрофановского кладбища. Астафьев в эти годы работал над романом о войне «Прокляты и убиты», где позднее на одной из страниц книги я вычитал: «Златоуст, Миасс — города уральских мастеров и потомственных умельцев, так трягнули, что в прославленном трудом своим и красотой Златоусте не осталось ни одного храма, вместо царя прямо у богатейшего музея рылом в дверь поставили Ленина, махонького, из чугуна отлитого, черного. Обдристанный воронами, этот гномик — копия Мусенка — торчал из кустов бузины, что африканский забытый идол». Конечно же, строки эти — результат кратковременного посещения писателем наших мест.

Улетал Виктор Петрович накануне своего дня рождения. Погода баловала нас. Мы коротали время в депутатском зале аэропорта вместе с говорливой японской делегацией. Высокий на редкость японец, видимо от нечего делать, ходил вокруг здания со счетчиком Гейгера. Перед самым улётом, а летела делегация тоже через Красноярск транзитом, длинноногий японец прибежал с ужасом в глазах и стал возбуждённо лопотать по-своему, показывая на прибор. Оказалось, что уровень радиации за углом, куда бомжи с похмелья и с трезва ходили по маленькому, был почти смертельным.

2000

Хуже Пушкина

Алина Ивановна Баженова рассказала. Ее деревенская подруга решила свозить свою дочку к живому классику в Овсянку.

Всю дорогу, пока ехали в посёлок, мама занимала малышку правилами хорошего тона: веди себя прилично, куда не просят не лезь и тому подобное.

В старом, но достаточно ухоженном доме на улице Щетинкина девочка долго рассматривала белоголового, украшенного лукавой улыбкой человека, затем строго спросила:

- Ты писатель?
 - Господь Бог сподобил, – развел руками Виктор Петрович.
 - Как Пушкин?
 - Нет, хуже, – обречённо повiniлся.
 - А ты старайся.
 - Ладно, ладно, – готовно посулил Астафьев.
- 2000

Тамбовская капуста

В Овсянке, обследуя астафьевское подворье, обнаружил за хилым пряслицем диковинную зелень, напоминающую гигантскую петрушку, а рядом помятого мужика в резиновых вездеходах. Мужик неохотно ковырял слежалую землю лопатой, и меня, как потенциального биолога, мало занимал. А вот растение приглянулось и даже незаметно задело шершавой веточкой самолюбие уральского овощевода-любителя: что такое? Почему не знаю?

Между тем мужик представился: Геннадий Николаевич Потылицин, через «и». И в знак дружелюбия, обхватив руками окомелье, выдернул из грядки невесть что и протянул мне: – Тамбовская капуста.

Тут же из-за моей спины возник возбужденный хозяин: – Отдай, Коля, обратно эту овощь, иначе Генка завтра же заявится и потребует с меня за нее бутылку!

Генка, между прочим, каким-то двоюродно-троюродным племянником, что ли, числится у Петровича.

Так с этой орясиной на плече в теплой компании писемников заявился я на поющий и пляшущий берег Енисея, где зазвонисто чокались и узывно швыркали тройную уху «от Астафьева».

А утром мне подарили «Сегодняшнюю газету» с жанровым снимком на второй странице и афористичной подписью под ним: Кураев, писатель, Година (с капустой).

2000

Часы-амулет

Засобирався я в очередной раз в Овсянку. У прознавших про мои намерения друзей и знакомых сразу появились всевозможные просьбы и поручения. Один передал книгу рассказов писателя для автографа, другой — толстенную рукопись своих гениальных творений. Третий, четвертый, пятый... Саня Донское пожертвовал для МарСем замечательную горку из уральских самоцветов, а Саша Блинов презентовал Виктору Петровичу часы «Молния» своего родного завода. Но часы не простые и не золотые, а часы-амулет Иисуса Христа Спасителя. Некто Николай Вдовкин из соседней области вовремя подсуетился и застолбил новшество авторской разработкой и с Божьей помощью подключился к духовной рыночной экономике.

Спустя неделю-полторы служебная машина известного в тех краях родственника благополучно доставила меня в красноярский Академгородок. Встречала хозяйка с сыном Андреем и московской редакторшей Агнессой Гремицкой. Сам Астафьев с утра уехал в деревню. Мария Семёновна с восторгом приняла подарок, любовалась камнями, пыталась найти в горке потайную шкатулку. Андрей интересовался не столько часами, сколько дополнением к инструкции. «...Специальное изделие, — читал он, — которое является амулетом и сохраняет жизнь его владельца в наземных транспортных средствах (автомобили, мотоциклы, трактора, автобусы).

— Здорово, то что надо! — радовался младший Астафьев и продолжал: «Амулет не действует на лиц, находящихся в управлении транспортными средствами в нетрезвом состоянии или выражающихся... — Тут Андрей осекся, посмотрел на нас и рассмеялся: — ...нецензурной бранью!» Положил часы в коробочку и добавил: — Нет, этот амулет отцу не поможет.

В Овсянке я не был более двух лет. Возможно, бережные часы вместе с минералогической горкой стали полноценными экспонатами музея великого писателя.

2003

Звонок

Звоню Астафьеву в Красноярск. Поздравляю с днем рождения и праздником христианской Пасхи.

— Спасибо, Коля, — с небольшой хрипотцой отзывается Петрович. — Я тебя тоже обнимаю.

И помолчав чуточку, как бы со скрытой иронией не то осуждая, не то любопытствуя:

— А что, сказать «Христос воскрес!» язык не поворачивается?

Мычу что-то в трубку, дую... И лицемерить не могу, и выкручиваться не умею. Уже по-стариковски, ворчливо, будто и не мне лично, а всему моему поколению выговаривает:

— Эж вам коммунисты головы-то задурили.

2002

На Курбенском озере

Греха большого, думаю, не будет, если слово в слово перескажу случай из воспоминаний вологодского сотоварища по перу Василия Елесина, хорошо знавшего Астафьева.

«...Случилось зимой на Курбенском: сидит он у лунки в драной шубёнке, в валенках с калошами и во всю мочь материт сопливых ершей, которые рвут наживку из-под носа у крупной рыбы. На беду мимо проходил то ли милиционер, то ли рыбинспектор. Послушал он Виктора Петровича и, приняв его за шофера, предупредил: — Ты бы, парень, поменьше язык-то распускал. Неудобно, писатели тут где-то ловят, а ты...»

2001

Так и задумано

Огненный и порывный, как пламя на ветру, Леня Быков, он же Леонид Петрович Быков, доктор филологии и профессор екатеринбургский, еще в молодые годы надумал составить и составил-таки «свою» книгу стихов Твардовского. Вычесал, выскреб, вылизал рукопись. Наконец, книга вышла. Решил подарком послать Астафьеву, о котором был много

наслышан, читал и восхищался. Еще раз перелистал стихи и с ужасом обнаружил нелепую ошибку:

Все учить вы меня норовите,
Преподасть немудёный совет...

С извинением, раскаянием и покорностью виноватого уральский литературовед послал Виктору Петровичу книгу. Вскоре вместе с самоличным отдарком получил успокоительный ответ на печатный казус: «...Может, так и задумано Александром Трифоновичем».

2004

«Маня, ты счастливый человек!»

Позвонила дочь, Оксана, из Миасса: пришла на старый адрес бандероль от Астафьевых. МарСем прислала книги. Свои. В том числе и «Знаки жизни».

Скажу откровенно, за последнее время не читал ничего более человеческого. Это после всех-то модных и перемодных, актуальных и интеллектуальных, метафизических и экзистенциалистских триллеров и бестселлеров, от которых появляется назойливое желание удавиться или, на худой конец, удавить кого-нибудь.

«Но признаюсь Вам за так неряшливо, плохо изданную, вовсе не отредактированную книгу «Знаки жизни», — пишет Мария Семёновна. — Это даже и не книга, а рабочий вариант, и утешаюсь лишь тем, что в ней всё истинная правда. Я ее читала в больнице, между капельницами, очень огорчалась не только опечаткам...»

И дальше. «Теперь вот собрала «россказни» — главки из рассказов отца, Петра Павловича, отца В. П., перенесла рассказы-воспоминания в палатные разговоры — я провела у кровати умирающего свекра 26 суток, до его последнего часа... А я и рукопись свою назвала «Свекор». Витя ее еще не читал, нет времени. А мне и не привыкать. Как-то пришла в Вологде в Союз писателей и попросила прочитать два моих новых рассказа — я тогда довольно часто печаталась в

«Смене», в «Работнице», в «Лит. России». — Мне хором ответили: Да ты что, МарСем! Рядом с тобой такой кит, а мы будем судить-рядить!.. И Витю не раз просила, но он всегда много работал, да и рыбалка, охота, поездки. Лишь дважды я воспользовалась моментом — один раз он простыл на охоте, я облепила его горчичниками и, пока он лежал, прочитала ему главу из своей повести «Отец», а другой раз — положила тряпочку с теплыми чайными заварками на глаза и прочитала рассказ «Нужны трехцветные кошки»... «Свекра» обещал прочитать, тут уж будет как будет, не будет лишь повода «пылить пехоте», как она, т. е. В. П. пылил, прочитав «Знаки...»

Жена писателя. Она всегда была на втором плане. Мы все знали о ней столько, сколько нужно знать о жене очень известного человека. И вдруг эта книга. Может, десятая, может, двадцатая. Книга на закате жизни, которой не завидуя позавидуешь. И неожиданный итог, как бы всей этой жизни, — однажды по другому поводу сказанное самой себе: «Маня, ты счастливый человек!»

1998

Алеша — червовый король

В начале жаркого июня 1992 года в московском Доме актера на Поварской шел 2-й съезд писателей бывшего СССР. Шел тяжело, нудно и даже скандально.

Виктор Астафьев, приехавший не столько на съезд, сколько в «Новый мир» с романом о войне, предложил плюнуть на «это сборище» и пойти напротив в ресторан ЦДЛ, где его дожидались столичные издатели.

— Это Коля Година, мой друг и поэт. Вы знаете, говно с собой я не вожу, — так мило и лестно представил меня Петрович.

А вечером вместе с Романом Солнцевым, Валентином Курбатовым и Борисом Никитиным мы поехали «на Петренко» в Московский театр-школу современной пьесы. Давали «А чой-то ты во фраке?» по чеховскому «Предложению». Главные роли исполняли монументальный Алексей Пет-

ренко, очаровательная Любовь Полищук и голубоглазый блондин буланой масти Альберт Филозов.

Галина Петровна Кожухова, жена Петренко, усадив нас, уехала домой, чтобы приготовить стол для гостей. А мы предались весёлому до умирания от хохота, созерцанию спектакля, в котором взрослые люди талантливо и с удовольствием валяли дурака...

До Суворовского бульвара, где живут Петренки, ехали в троллейбусе. На 5-й этаж поднимались пешком по лестнице. Виктор Петрович на каждом повороте делал краткие передышки.

Квартира оказалась основательной, как и сам хозяин. Одни книжные полки чего стоили! Толстые длинные плахи, подвешенные на цепи. Двойной с люком потолок для старых вещей. В общем, все по уму, удобно, оригинально и красиво. И главное — самодельно.

Алексей Васильевич, Алеша по-домашнему, подъехал чуть позже. Огромный, бородатый, смахивающий на абрека, он казался старше своих лет. Я даже заробел поначалу. На самом деле Алеша моложе меня почти на три года. Родился он в 1938 году в тех же местах, что и я, на Полтавщине. Кто знает, может, в детстве наши тропинки где-нибудь и пересекались. После окончания в 1961 году Харьковского театрального института Алексей Петренко работал в театрах, снимался в кино. Лишь в 1981 году после выхода на экраны «Агонии», актера стали «узнавать». Во всяком случае я имею в виду себя.

Но вернемся к столу, который любовно накрыла Галина Петровна на кухне. Не обошлось и без горилки с тающим во рту салом, приготовленным по особому рецепту хозяином.

После нескольких рюмок естественно потянуло на песни. Мои незабвенные родители, царство им небесное, были большими песельниками. Ни один мало-мальский праздник в деревне не обходился без них. К сожалению, Бог меня обошёл хорошим голосом, в отличие например от Виктора Петровича. А голос Алеши Петренко был открытием и не только для меня. И как же они пели, как пели!..

В час ночи засобирались в гостиницу. Во дворе дома окружённый деревьями задумчиво восседал на постаменте еще один, наш общий с Алексеем Васильевичем, земляк.

— Не верится, — сказал Петренко, — что здесь ходил когда-то сам Гоголь.

Уже дома, примерно через неделю, я толком разглядел подаренную открытку в виде большой игральной карты, где Алеша — червовый король с уёмистой бутылкой и бокалом. И лукавая надпись: «Миколі Годині і пити вмерти, і не пити вмерти. То вже ліпше пити та вмерти. Олексій Петренко. 4.06.92».

Воистину так.

1999

Человек с Большой Ордынки

Странное знакомство, но так уж случилось. В пригородной электричке я ехал из Миасса в Челябинск, чтобы вечером вместе с литературной командой отправиться в столицу Кузбасса на первое в своей жизни творческое испытание. Я был начинающим стихотворцем с горняцкими мозолями на руках. Конец мая 1966 года. Мне все еще тридцать лет, пусть даже с хвостиком. У меня еще не родилась, а вот-вот только должна бы родиться старшая дочь. В общем, жизнь — впереди.

В вагоне напротив сидел занятный на вид старикан, помаленьку втянувший меня в разговор. Это был Ардов. Виктора Ефимовича в наши края, видимо, привёл свой театральный интерес. Он много шутил, иронизировал. А так как я ехал с приличным багажом, пригласил в гостиницу «Южный Урал». «Оставишь вещи, погуляешь, а вечером к поезду заберешь». Я так и сделал. Отметился в писательской конторе у Шмакова. Занёс в областную газету несколько опусов. И ближе к вечеру, но раньше намеченного, появился в гостиницу. Стучал, стучал, пока мне неохотно открыли. У Виктора Ефимовича фигурировали гости, а мой визит был явно не вовремя. Я забрал чемодан. Ардов несколько посетовал: мол, зря так рано идешь с вещами. Они будут только мешать. Мне

стыдно за свою бестактность, и я готов просто испариться. Виктор Ефимович дал домашний адрес, пригласил в гости на Б. Ордынку и наказал обязательно сообщить про кемеровский семинар. Отчётливо помню подаренную книжку, из библиотечки «Крокодил» вроде. Жаль, но книжку я давно не вижу у себя дома. Кто-то «зачитал».

В конце июня в Миасс пришла открытка с экслибрисом Ардова, заполненная большими буквами каким-то плетёным почерком: «Стихотворение получил, постараюсь его продвигать. А вообще пишите мне. Я рад, что на семинаре дело пошло правильно. Привет! 20.06.66. В. Ардов».

Через год с небольшим от Виктора Ефимовича пришло маленькое письмо: «Коля, пошли стихи в Ташкент, ул. Навои, 30, редакция журнала «Звезда Востока». Гл. редактор Вячеслав Иванович Костеря. Им нужны стихи всегда. Сошлись на меня. Я им вербую авторов. Не стесняйся! Жму руку. 13.07.67. В. Ардов».

Я не стеснялся, но стихи не послал. Ташкентский журнал был, по моей тогдашней оценке, плохим журналом.

К сожалению, на этом наше короткое общение с Виктором Ефимовичем оборвалось. На Б. Ордынку, часто бывая в Москве, я не поехал. Вот тут уж постеснялся. А зря, квартира легендарная. Раньше многие ходили к Ардовым повидать Ахматову.

Весной 1969 года я познакомился с Алексеем Баталовым, сыном актрисы Ольшевской Нины Антоновны от первого брака. Откуда мне, провинциалу, было знать, что Ольшевская — жена Виктора Ардова? И только недавно, зачитываясь воспоминаниями протоиерея Михаила Ардова, сына Виктора Ефимовича, а также воспоминаниями Алексея Баталова, брата Михаила, с грустью думаю, сколько упущено возможностей пообщаться с замечательными людьми, поучиться наконец чему-то полезному и необходимому.

1998

«Посреди мировой чехарды»

25 августа 1960 г. на прилавке книжного магазина в поселке Первомайский, что на окраине Миасса, я увидел «Стихи разных лет» Евгения Евтушенко. Книга и сейчас у меня. На обложке надпись: «Эту книгу я подарил сам себе в честь 25-летия. Спасибо мне!»

Через шестнадцать лет, 9 августа 1976 года, Евгений Александрович сидел в редакции городской газеты на занятиях миасского литературного объединения, которым я руководил.

На вечер была запланирована вылазка на озеро Турго-як, ужин с банькой в узком кругу и ночевка в Доме отдыха. Самый младший секретарь горкома партии пытался было пресечь внеплановые контакты поэта, но Евтушенко вспылил: «Могу я в свое личное время пообщаться с друзьями или нет?»

После бани пили водку. Гость налегал на картошку с китайской тушёнкой, запивая шампанским. Какая-то жутко любознательная книголюбша изводила его допросами, после которых Евгений Александрович выбубнил мне на свежем воздухе: «Ну и бабу ты мне подсунул. Придётся ехать непорочным на станцию Зима. Там есть отличные девочки».

Утро было хмурым и довольно холодным. Евтушенко, поджарый и длинноногий, в закордонных портках бегал по берегу. Потом искупался. Фиолетовый и пупырчатый, поднялся на веранду, где кто-то из горкомовских вручил ему телеграмму с печальным известием о смерти Луконина.

Сели за стол. Разлили коньяк. Евгений Александрович сурово отодвинул посуду: «Я еще ничего полезного сегодня не сделал».

После такого заявления уже никто не решился на легкомысленный поступок.

Через какое-то время мы снова встретились в Магнитогорске. Во Дворце строителей Евтушенко читал стихи. Мы с Петькой, приёмным сыном поэта, сидели недалеко от сцены, а может, даже за столом на сцене. Чтобы передохнуть, Евгений Александрович тепло представил меня публике и попросил почитать.

В начале следующего года пришла бандероль с огоньковской книжкой «Спасибо» и автографом на обложке:

Дорогой Николай Година, —
посреди мировой чехарды
жизнь единственна и едина,
и поэтому не хандри!

1998

Неделимый Михаил Львов

Теперь о Львове. Посмею раздвоить Михаила Давыдовича на Львова-поэта и Львова-человека. Как человек, на мой взгляд, он значительно талантливей, ярче и неожиданней, но и как поэт... Впрочем, пусть уж он остается в моей памяти одним целым и неделимым.

В отличие от некоторых местных поделщиков, я не бегал из гостиничных номеров за бутылками в редкие наезды знаменитого земляка, не лез первым обниматься в минуты эмоционального всплеска. Мне повезло в большем: мы были на равных, несмотря на разницу в возрасте, несовпадение некоторых пристрастий и т. п. Мы, скорее всего, не были близкими друзьями, хотя проехали когда-то десяток тысяч километров по дорогам европейских окраин, провели много дней и ночей под одним кровом, в общем, съели вместе не один килограмм соли. Можно было бы похвастаться и некоторыми сугубо мужскими приключениями, но это, согласитесь, не совсем в духе российских условностей. Хотя, думаю, можно рассказать о таком забавном случае.

Приехали мы, группа бывших уральских добровольцев и молодых преемников героического наследия, в чешский городок, кажется, Теплице. Стояла сумасшедшая весна 1968 года. Напротив гостиницы обнаружилась маленькая церковка, а в ней — страшно лохматый русский пастырь. Узнав о доблестном десанте бывших соотечественников, святой отец по ускоренной программе закончил службу и, закрыв кованые ворота на огромный засов, повел нас за алтарь в полуподвальное помещение с несколькими

полками, где по-военному, рядами, стояли пыльные бутылки кагора.

Помню, покидали тёплое место небольшими группами и глубокой ночью. Михаила Давыдовича, как тяжело раненого, привели под руки два любезных и достаточно устойчивых неизвестно откуда взявшихся чеха уже под утро. Бредивший поэт порывался подняться на шестой этаж в двухэтажной гостинице. Но друзья-однополчане разубедили. А на следующий день в салоне автобуса висела стенгазета с дружеским шаржем на Михаила Давыдовича и моими, не менее дружескими, виршами:

Я так наелся у попа
В греховном заблужденье том,
Что еле-еле на попа
Меня поставили потом.

А вот еще случай, уже из московского цикла. Раскатываем как-то по столице на зафрахтованном такси, готовимся по ходу к возвращению из теплых краев жены Михаила Давыдовича.

— Хочешь, Коля, покажу, как надо знакомиться с девушками? — неожиданно активизируется Львов.

Выбрали жертву, развернули машину, пристроились к самоуверенно цокающему шагу незнакомки, фыркнувшей на лстивое приветствие лысеющего донжуана. А дальше... Дальше пришлось мне потесниться. Машина бежала на другой конец города, везла юную особу домой, а в кармане поэта покоилась бумажка с номером ее телефона. Потом мы долго дивились с водителем, но толком так и не поняли секрета обольщения.

Вот еще и таким был Михаил Львов, мой земляк по Уралу и по Миассу, где он учился на учителя и пробовал писать свои первые стихи.

1998

Свободный художник

Приехал я в село Чугуево. Помните частушку:

По реке топор плывёт
Из села Чугуева...

На клубе объявление: «У нас в гостях писательница Н. Година».

Встретили с удивлением, но готовно. В благостной тишине прочитал стихи громко и с выражением. Весело хлопали, как будто грелись. Особенно усердствовали две трухлявые старушонки в плисовых кацавейках, сидевшие напротив в первом ряду. Одна спросила:

- Скажи, мил человек, а где работаешь в городе-то?
- Дома, — говорю, — знаете, свободный художник...
- Знаем, знаем, — вперешиб отозвалась другая, — у нас в колхозе половина свободных художников.

В клубе стало еще веселее.

1998

«У поэтов есть такой обычай...»

Страдая по невозвратной молодости, перетряхивая дырявую память, я написал однажды стихи:

Я помню Ярослава Смелякова,
Ворчащего, пускающего дым...

А дальше, по неясным причинам, ограничился короткими строками об усталом — и то правда! — лице, знакомом — выдуманном! — посёлке и о доросшем до восклицательного знака топольке.

Суть в том, что я помню Ярослава Смелякова действительно ворчащим и пускающим дым, но по очень конкретному поводу.

В конце мая 1966 года мы, начинающие и подающие, собрались в Кемеровском отделении Союза писателей на Советском проспекте. В большой, сумрачной от табачного

дыма, комнате супротив сидели Василий Федоров и Ярослав Смеляков. У Ярослава Васильевича, заметно обветшавшего, видимо с глубокого похмелья, тряслись руки. Он бурчал:

— Что, Федоров лучший поэт, чем Смеляков? На «Волге», видите ли, встречают... Евгений Буравлев, верховодивший кемеровчанами, оправдывался:

— Ну не было свободной машины. Вас, Ярослав Васильевич, не на рейсовом же автобусе привезли, а персонально на заказном.

Василий Дмитриевич, чуть смущенно, но, в общем, самодовольно, улыбался.

— А почему Федорову одноместный дали, а мне двух?

— Но, Ярослав Васильевич, к Вам же в номер никого не поделят, — защищался Буравлев.

Мы, семинаристы, обеспокоенно наблюдали за перебранкой маститых и не больно понимали, почему это они так мирно ссорятся.

Только много позднее, уже кое в чем разбираясь, я заимел собственное мнение и принял — теоретически — одну из соперничающих сторон. Только много позднее, познакомившись ближе с творчеством того и другого, я сделал для себя выбор раз и навсегда.

1998

«Неопрятная весна» 1975 года

Дни литературы на Южном Урале шли полным ходом. Мне, молодому — в сорок-то лет! — стихотворцу доверили большую группу известных писателей и отправили в сторону Москвы. Мы переезжали из одного заштатного городка в другой. Нас настороженно и угодливо встречали местные чиновники, долго и нудно расписывали достигнутые успехи, кормили до наеду и поили до напиву за счет неизвестных внутренних источников, устраивали мимолётные встречи с трудовым народом и студенческим молодняком. На ночь селили в простеньких гостиницах, в подведомственных общежитиях и даже в отдельных квартирах, приспособленных под закрытые, скорей всего для шибко важных гостей,

апартаменты. Один раз я случайно, а может благодаря своей, женского рода, фамилии разделил подобное пристанище на пару с балкарской поэтессой Зумакуловой. Черноглазую горскую красавицу Танзилю нисколько, кажется, не смутило такое «недоразумение». Она сходу выбрала для себя угловую комнату с шикарнейшей семейной кроватью и вяло предупредила:

— Я устала сегодня, так что ко мне не приставай.

На творческих встречах обычно правил Нилин, человек суразный, добродушный и насмешливый. Для затравки чаще всего выпускал на публику крохотную, зело знаменитую Маргариту Алигер. Потом поочередно остальных. По просьбе ведущего я раз за разом забавлял людей «Стекло-ной женщиной». Чем-то приглянулась она Павлу Филипповичу и он, лукаво подмигивая, просил: — А ну-ка почитай нам еще про ту самую...

Сознание вообразало,
Пристойно любопытство жгло.
В углу поблескивало шало
Одушевлённое стекло...

Декламировал я, косясь на авторитета.

В машине Нилин на всякий манер заводил Леонида Ленча, но тот отшучивался, наоборот, поддакивал, успевая поглядывать по сторонам.

Стояла, по выражению Павла Филипповича, «неопрятная весна» 1975 года.

2002

«В пивную Швейка занесло...»

Пражская весна 1968 года. Никто, похоже, ни нас, молодых строителей коммунизма, ни ветеранов, бывших уральских добровольцев-освободителей, в том числе и Праги, не ждал с распростёртыми объятиями, как в других городах и столицах Европы. Это мы почувствовали сразу, предоставленные самим себе на несколько дней.

С утра до вечера бубнило радио, то и дело склоняло по всем падежам Масарика, Советы и КГБ. На стёклах львовского автобуса раз за разом появлялись рисунки с виселицами и краснозвёздными палачами. В гостиницу наведывались только дружелюбные моравы. Пили водку и слёзно жаловались на местных чехов, презирающих и унижающих: «От вас несет конюшней!»

У меня нет чувства стадности, поэтому целыми днями я бродил в одиночку по городу. С удовольствием любовался панорамой Градчан. Прошёлся по Карлову мосту. Посетил «Лютерну магику». Заговаривал с кем-нибудь только при острой необходимости.

В предпоследний вечер познакомился не то с Мирославом, не то с Милославом, короче со Славой, симпатичным студентом столичного университета. Он вызвался сыграть роль содруха-товарища и экскурсовода. Любуясь вечерним городом, в чертах которого уже явно наблюдалась и жила какая-то недобрая тревога, мы незаметно забрели в знаменитое заведение «У Калиха»:

Не пьянство и не ремесло,
А любопытство азиата
В пивную Швейка занесло
На огонек меня когда-то.

Там шумно пенилась, текла,
Местами штормовала даже
Накуренная полумгла
Застольного ажиотажа.

Качались шляпками столы,
Где только пили, весла бросив.
И со стены, как со скалы,
Поглядывал сам Франц-Иосиф.

Кружились сытые слова.
На люстрах мухи умывались.

И женщины, как острова,
Вниманьем теплым омывались.

Земля казалась озорной,
И тишина — рекламно броской,
Когда я вышел из пивной
Походкой больше, чем матросской.

Столица грелась у огня,
Любила, нежилась, шепталась.
Текла блаженная усталость
Сквозь ночь, сквозь время, сквозь меня.

Стихи, написанные по нетрезвым следам, не шедевр, конечно, но для возбуждения памяти годятся. А строки «И женщины, как острова, Вниманьем теплым омывались» мне до сих пор не кажутся такими уж бесталанными.

Где-то ближе к полуночи мы со Славой запинистым шагом перебрались в другое досужее место с названием «У Флека». Здесь тоже свое «секретное» пиво, только черное. Кто-то вроде хозяина, приветствуя, сразу же предупредил, обращаясь почему-то ко мне:

— Пан видит чёрта на стене? Когда их станет два, пану следует пойти домой.

Стоит ли говорить о том, что все так и случилось.
1999

«Уже писали о Даманском...»

Есть у меня «Баллада с натуры», написанная о чужой войне и не включенная ни в одну из книг, теперь уже потихоньку уходящая в небытие:

Уже писали о Даманском,
Когда на мусорном дамасском
Углу, где елось и пилось,
Среди окурков и ботинок,

Бродяг, шалав, ночных картинок
Кошмарно девочке спалось...

Только почему «Уже писали...», а не «Еще писали...»? Ведь на «дамасском углу», рядом с отелем «Семирамис», майским вечером 1969 года, когда «неон играл на стеклах шало и веточку изображала такая тонкая рука», я стоял, конечно же после, кровавых пограничных разборок на реке Уссури. И Даманский попал в стихи не просто случайной рифмой, а потому как был на слуху, отзывался болью и кровоточил. О нем пока помнили, о нем «еще» писали, об этом острове, никчемном клочке каменисто-песчаной суши в несколько сот квадратных метров, не стоившим загубленных жизнью 58 россиян и 800 китайцев. Случилось это 15 марта 1969 года.

А в конце марта, может, даже в начале апреля того же года мы сидели в одном из номеров московской гостиницы «Юность» и пили водку. Не праздно пили, не пьянствовали, а «обмывали» Золотые звезды героев-пограничников — капитана Бубенина и младшего сержанта Бабанского. Худенький, похожий на подростка, Бубенин, кажется, тоже Юрий, больше отмалчивался. Несколько лет назад он будто бы умер. Кемеровский архаровец Юра Бабанский, взявший на себя командование после гибели начальника погранзаставы Нижне-Михайловская лейтенанта Стрельникова, прозванного китайцами Черным Иваном за черный полушубок, в который он облачался, наоборот, был разговорчив, но колюч и нервозен. Тогда я по-школярски наивно пытал его:

— Юра, ну какой же ты все-таки подвиг совершил? Юра, опрокинув стакан с водкой, сказал:

— Знаешь, никакого подвига не было. А был психоз. Кругом дым, кровь, размазанные мои товарищи, с которыми ел из одной чашки и пил из одной кружки... Я не помню, что там делалось, я был как робот... Убивал, убивал... Такими тогда были все. Только одним повезло, другим нет...

Той весной я оказался на совещании молодых писателей, и свел нас вездесущий комсомол. В течение тридцати лет

раза два видел Бабанского по телящику. Сначала вроде майором, а потом уже пограничным генералом.

В 1998 году меня подрядили написать очерк о миасском лесничем Владимире Селиванове. Вечером в посёлке Ленинском, где живет Володя, он долго рассказывал о себе. Оказалось, будущий лесовод служил недалеко от Нижне-Михайловской заставы в разведподразделении и хорошо знал Бабанского. Как и большинство сослуживцев, так и не избавился от «синдрома Даманского»...

Юрий Бабанский, по слухам, недавно уволился из армии и уехал на Украину.

Дженьбаньдао, или Даманский, нашими вождями в свое время подарен китайцам. На нем пограничный пост и музей в память о той истории. Остров постепенно смывается рекой, и осталось, говорят, его пару раз «макнуть с головой», чтобы он исчез раз и навсегда.

1999

Похвала городской газете

30 декабря 1959 года газета «Миасский рабочий» писала: «Состоялось очередное занятие городского литературного объединения... С новыми стихами выступил бывший кронштадтский моряк, ныне помощник машиниста экскаватора в Тургоякском рудоуправлении Н. Година».

Значит, дня за четыре до этого я впервые пришёл на улицу Октябрьскую, б в старом Миассе, где на втором этаже обретала редакция одной — да что там! — самой лучшей провинциальной газеты, самой прогрессивной и интересной. Не думайте, что мне напекло голову или вдруг захотелось пошутковать, как говорили у нас на Полтавщине. Я в здравом уме и, как никогда, серьёзен. Конечно же, я имею в виду опекунство литобъединения при газете и литературные страницы. Первыми читателями и для меня тоже всегда были миассцы. Уже позднее, когда выходили книги, когда появилась возможность печататься в более солидных газетах, а также в журналах, мои литературные поделки проходили «обкатку» в «Миасском рабочем». Это стало ритуалом.

В газете работали творческие люди. Писатель Владислав Гравишкис руководил литобъединением, пока я его не сменил. Соломон Эпштейн сам пописывал и был хорошим литературным редактором. Миша Лаптев, окончивший Литературный институт имени Горького, почти сложился в профессионального сочинителя.

Везло газете и на редакторов. Когда я приехал в город, «Миасским рабочим» заправлял Арсений Аркадьевич Букинич, белорус, выпускник ВГИКа, бывший офицер, человек колоритный и импульсивный. За ним ходили по пятам были и небезлицы. Редактор вельми закладывал, и конец его был предрешен. Филипонец Александр Филиппович — сама противоположность. Хитрец и служака — видимо, национальное. Одно время под пустяковыми предложениями уклонялся от печатания моих поэтических опытов. У меня ненадолго сложились натянутые отношения с горкомом партии. Как мне рассказывали, накапал известный в городе кадровый стукач Шаров. Я тогда часто ездил за границу. Кстати будет заметить, что в целом жаловаться на местные власти не приходилось, поскольку всегда оставался и остаюсь человеком вроде здравомыслящим и законопослушным. Хотя на все сто уверен: конфиденциальная папочка на меня и сейчас покоится в конфиденциальном учреждении.

Но вернемся к газете. Постоянно выходили литературные подборки. Целые полосы посвящались творчеству членов литобъединения «Ильменит». Нередко удостаивались чести опубликоваться в газете не только чужеземцы, но и чужеземцы. «И спасибо тебе, дружок, — с легкой иронией писал 14 марта 1973 года мой далекий боснийский друг Изет Сарайлич. — Все-таки публикация в «Миасском рабочем» выше публикации в «Иностранной литературе». Там попадешь и иначе, а здесь...» А вот 8 марта 1978 года Изет вполне серьезно спрашивал: «А ты никогда не подумал все эти переводы послать нашему совместному другу Долматовскому для «Иностранной литературы»? Ведь это, может, самые лучшие переводы моих стихов у вас. А «Миасский рабочий», наверно, не доходит до читателей мос[ковских] журналов».

В начале семидесятых я неожиданно стал писать верлибры. В те годы нетрадиционные стихи еще были почти в диковину и считались как бы чужеродными и противоестественными для советского читателя. И конечно же, городская газета печатала их, в отличие от областных, например.

Однажды я с грустью и радостью пережил сорокалетнюю дружбу с газетой. Каждый день по нескольку часов я перелистывал огромные пыльные фолианты, будто прошлые годы. Впрочем, оно так и было. Захотелось составить антологию миасской поэзии. Более семидесяти поэтов связаны с запovedным городом. Историческая антология «Стихи Миасской долины» вышла тысячным тиражом в 1998 году.

Сегодня «Миасский рабочий» во всех смыслах переживает нелучшую свою пору.

А ведь было, было когда-то:

...Законам статистики подвластна,
Обозначалась тишина.
И с точки зрения Миасса,
Была событием она.
Сосной края ее горчили.
Как будто пасека в гречихе
Внизу посёлок утопал.
Шел снег красиво и... упал.
Боялся пропасти автобус,
Объятый краской, как огнем.
Я нес в редакцию свой опус
И думал с нежностью о нем.
Никто надежды не лишал.
Кустодиевский снег лежал.
Летели, а точнее летали
Снежинки, но они — детали...

2000

Рабочий поэт

Еще при советской власти многие из нашего брата страдали по так называемой свободе слова. Вот если б она была, вот если б нам ее дали... Сегодня нет-нет да и услышишь вроде упрека: «Вам же дали свободу слова!»

Одни стыдятся своей прошлой писанины, прячут ее подальше, другие, добравшись до самой свободы, такое стали выписывать, что страшно не только за литературу, но и за русскую культуру вообще. Язык деградирует, вырождается. О понятиях дозволенности и недозволенности вопрос теперь не стоит. Слава Богу, на меня лично никакая свобода слова не покушалась. Ни за одну прошлую строчку, кроме бездарной, мне сегодня не стыдно. И ни какая свобода слова не сделала меня более талантливым. Я писал свободно и писал о том, что хорошо знаю. А вот чего всегда не терпел и не терплю, так всевозможные извинительно-унизительные ярлыки, вроде «рабочий поэт», «сельский поэт», «комсомольский поэт» и т. п. Все это, наверное, еще горьковское. От его приглашений в писатели людей от станка, от лопаты, от плуга... А потом всевозможные конкурсы, конференции на рабочую тему в литературе. Нельзя было издать сборник стихов, если не было «паровоза», который тянул бы всю книгу, т. е. стихов рабочих, политических, гражданских, социальных. Вот, например, письмо от Сергея Викулова, в котором он еще 14 августа 1968 года призывал меня к «социальному заряду» и «гражданской наполненности». Другое письмо и совет В. Кузнецова от 22 января 1970 года: «В дальнейшей работе над рукописью вам следует обратить особое внимание на стихи о труде. Они должны составить основу вашей будущей книги». Были и другие письма. «Зачем вам, серьёзному, тонко мыслящему человеку, понадобились эти звучащие, право же, наигранные заявления...» — упрекал известный поэт Алексей Смольников по поводу таких стихов, как «Я начинал свою карьеру...» и «Никакая там не знаменитость...»

Отсутствие специального образования, отсутствие, наконец, хорошего общего образования — все это делало проблематичным творческое становление начинающего поэта.

Приходилось хлеб зарабатывать буквально руками. Оставшееся время — для стихов.

Едва отдраив руки от тавота
И сбросив робу в угол до утра,
Склонился он с волнением над блокнотом
Не слесарем, а мастером пера.
Он пишет, строки яркие рифмуя,
На сотню книг хватило б добрых тем!
А за спиной вполголоса толкуют
Герои им задуманных поэм.
Герои. Может, громким слово это
Покажется иному — не беда,
Что пулей комсомольские билеты
Не мечены — не те сейчас года...
Герои эти — просто работяги,
Горячие, зеленые юнцы,
Которым, кроме воли и отваги,
Любовь к труду оставили отцы.
Он пишет, и железный шум завода
Растёт в строке, волнуя и звеня,
И песнею спешит на лист блокнота
Поэзия рабочего огня.

Это наивное, не очень грамотное, но абсолютно не конъюнктурное стихотворение я опубликовал 6 марта 1962 года в газете «Миасский рабочий». О чем же еще мог тогда писать, как не о работе? А вспомните замечательные стихи шахтера Николая Анциферова: «Я работаю, как вельможа, Я работаю только лежа...»

Поэтому, несмотря на не совсем, может, убедительное отступление по поводу свободы слова, я абсолютно убежден, что если ты поэт — ты поэт, если нет — ты графоман, какие бы бирочки и ярлычки на тебе не висели.

2000

«Городской» писатель Гравишкис

В те дни, когда состоялось мое знакомство с Владиславом Ромуальдовичем Гравишкисом, он жил с семьей наискосок от кинотеатра «Энергия» по улице Ленина, в старом неудобном доме, явно неблагоприятном для хозяина с его слабым здоровьем.

Трехкомнатная квартира на проспекте Автозаводцев, которую писатель получил в начале 60-х годов, значительно меняла в лучшую сторону не только быт, настроение, но и творческую активность.

Владислав Ромуальдович любил работать у окна, положив на подоконник ученическую тетрадь. Обдумывая фразу или предложение, он обычно смотрел на улицу, где суетился народ, обгоняли друг друга машины...

Мне всегда казалось, что любое движение, любой звук мешали ему сосредоточиться. Но однажды, проходя по тротуару мимо, я заметил Владислава Ромуальдовича. Он смотрел на меня. Я подошёл поближе, кивнул, но ответа не получил. И только после моей усиленной жестикуляции, как бы поборов оцепенение, Гравишкис заметил меня, помахал рукою, приглашая к себе...

«Есть скромные писательские имена, но и их жизненный и литературный опыт поучителен... Было когда-то такое понятие «областной» писатель. Не со знаком минус, а порой и со знаком плюс, и все же — «областной»... Должен заметить, что Владислав Ромуальдович формально не подходил под ранг «областного». Он скорее «городской», ибо всегда жил не в областном Челябинске, а в подчинённом ему административно большом городе Миассе...»

Эти слова я выписал из сборника «Люди и книги» Сергея Баруздина, с которым у меня в свое время сложились довольно дружеские отношения и который хорошо знал Гравишкиса.

А моя первая встреча с Владиславом Ромуальдовичем произошла во второй половине декабря 1959 года в старом Миассе, в тогдашнем помещении городской газеты, куда по объявлению я пришёл на очередное занятие городского

литературного объединения. В тесном редакционном кабинете собралось много начинающих: автозаводцы Артем Подогов и Василий Маслов, строитель Владимир Милай, журналист Соломон Эпштейн и другие. Вел занятия руководитель объединения В. Р. Гравишкис.

Владислав Ромуальдович увлекался фотографией. Как-то раз я пригласил его в карьер. Я тогда работал машинистом экскаватора. Выдалась свободная минутка, и мы вдоль борта прошли до склада готовой продукции. Гравишкису моя профессия была в новинку, и он подробно расспрашивал о глубине карьера, производительности машины и т. д. Вскоре подали думпкары. Мы поднялись в кабину моего экскаватора, и я начал погрузку. Забой был не из легких. То и дело приходилось снимать опасные навесы, разбирать целики, раскладывать для бурильщиков вдоль борта бульжники.

— А если свалится? — кивает Владислав Ромуальдович на небольшой козырек, нависший над кабиной. — Не страшно?

— Ничего, — говорю я. — Бывает пострашнее.

И рассказал о недавнем случае, когда огромный негабарит, сорвавшись с десятиметровой высоты, смял в гармошку угол кабины, выбросил меня из сиденья, перерезал шестикивольтный кабель.

— Попробую написать рассказ, — пообещал Владислав Ромуальдович, взволнованный необычной обстановкой и моими будничными историями.

Такого рассказа я не видел, но свои впечатления от известного карьера он позднее описал в очерке «Член литобъединения», опубликованном в конце 1965 года в литературном выпуске «Уральская новь».

Уже давно нет той замасленной кепки, которая была так к лицу моей юности, ни того старенького экскаватора, переплавленного в какое-нибудь современное чудо техники. Но есть пожелтевшие фотографии, любовно сделанные писателем.

В одну из последних встреч он спросил меня:

— Послушай-ка, Николай. Как бы ты отнёсся, положим, к профессионализации?

– А зачем она мне? – говорю.
– А время? Было бы свободно со временем.
– Со временем у меня и так не тесно. Кроме того, стихи в основном пишутся на работе, за рычагами.

Он улыбнулся своей завсегдашной улыбкой:

– Кто знает? Может быть, в будущем занятие литературой и искусством вообще будет второй профессией человека...

Я вспомнил один любопытный разговор в редакции миасской газеты. Речь зашла о Гравишкисе. Коренной житель города удивил меня несколькими веселыми страницами из книги молодости Владислава Ромуальдовича. Оказывается, он, такой тихий и застенчивый, любил со своим другом Михаилом Семёновым, как говорится, повалять дурака, почудачить, поздними вечерами устраивал на городских пустырях красочные фейерверки или, привязав колотушку к воротам, дергал за веревочку, спрятавшись в кустах...

А что, собственно, тут удивительного? Кто из нас в юности не грешил озорством? Кто знает, может, из того же самого детства Владислав Ромуальдович привёл в свои книги и Витю Дунаева, и Павку Столетова, и Бориску Сесюнина, и еще многих-многих персонажей. Гравишкис был детским писателем не только по тематике, но и по складу характера, по доброте души. Рано начавший трудовую жизнь подпаском городского табуна, писатель как бы перевоплощался в мальчишек и девчонок на страницах повестей и рассказов, переживая вместе с ними то далекое, неповторимое. Наделяя каждого героя частицей собственной души, Владислав Ромуальдович до конца своих дней не растратил того прекрасного, которым наградила его природа, несмотря на то, что сама жизнь складывалась трудно и временами совсем неудачно...

Итак, тридцать лет спустя, в очередной раз навестив Миасс, иду по проспекту Автозаводцев. Осенний ветер гоняет первую листву. Я вздрогнул, увидев человека, сидящего у знакомого окна в доме № 42. Смутная боль тронула сердце...

1998

Говорите о любви любимым...

Я всегда его вижу с бородой. Может, он родился таким в своем крохотном, но золотом Бодайбо, что прилепился к Витиму. Мы ровесники, одногодки с Фоняковым. Дружим долго и необременительно. Дружим письмами, стихами, книгами. А началось все так давно, аж дух захватывает. Маленький расхлябанный автобус, грозя рассыпаться в любой момент среди зеленого усторонья, пылил тряской сибирской дорогой, напоминающей подвижной грохот с какой-нибудь сортировочной фабрики. Только-только закончился, теперь уже исторический и судьбоносный лично для меня, Кемеровский зональный семинар молодых писателей. Закончились нервные волнения, азартные споры и преднамеренные пьянки до исполегу с хлебосольными шахтерами, строителями, бытовиками. А нынче мы, слегка затомлённые, разъезжаемся небольшими группами по области сеять разумное, доброе, вечное. Нас ждут с нетерпением, готовятся. Шутка ли, живые классики едут. Не о нас речь, конечно. Нам далеко еще. Ждут Смелякова, Соболева, Федорова... Я еду с Виктором Астафьевым, Романом Солнцевым, Ильей Фоняковым в Междуреченск, в Горную Шорию. Увы, в Новокузнецке тормознули. Разлилась какая-то мятежная речка, пути дальше не было. Шла первая неделя июня 1966 года. А 11 июня в южноуральском Миассе у меня рождается первая дочь, Оксана...

Прохладной весной 1969 года я отправился в Москву на 5-е Всесоюзное совещание молодых писателей, накануне начистив моську одному нарывистому графоману. Начистил за дело, но чуть-чуть побаивался, как бы ээпэ не дошло до Виктора Поляничко, дружественного мне комсомольского вожака области. Я, как-никак, был членом обкома, лауреатом «Орленка».

И вот оказался везучим. Попал, наверное, в лучший семинар, которым руководили Владимир Соколов, Юрий Левитанский, Евгений Долматовский, Илья Фоняков, Алексей Смольников и другие, не менее примечательные поэты и критики. Прошёл достойно, вроде лучше всех, был рекомен-

дован в члены СП, а рукопись — в издательство «Молодая гвардия». Вскоре тут же началась грязная возня косячной молодежи уральского развода. «Был бы ты не в «еврейском семинаре» — так не прошёл!» — выговаривали мне пролетарии умственного труда.

Илья Фояков, один из свидетелей этой возни, писал в январе 1970 года в Миасс: «Чего стоит Богданов — я еще с Кемерова знаю. Они не одиноки: поднимается какая-то мутная, гнусная волна в литературе... Вот на это на все надо как-то реагировать. И творчески, и граждански, и даже, при случае, физически — я имею в виду битье морды, ибо вся эта мерзость сопровождается клятвами в верности Руси и русскому народу».

Да, воистину, патриотизм — последнее убежище негодяев. Толстой прав. В 1971 году партийные власти предлагают мне кресло директора Южно-Уральского книжного издательства. Я упорно отказываюсь. Илья мягко упрекает: «Благородный отказ имеет смысл до определённого возраста, а теперь-то мы уже давно не юноши, пора и ответственность какую-то на себя брать... Это я не только с тобой, это я — и с собой говорю тоже. Далее. Я не думаю, что тебе следует еще долго оставаться «экскаваторщиком, пишущим стихи», «экскаваторщиком — членом Союза писателей СССР».

Я уже и сам подумывал о своем статусе. Но простудился в карьере и надолго загремел в больницу. Илья из Новосибирска перебирается в Ленинград, в город своей юности, по-прежнему служит в «Литературной газете». Газетный кошт — моя судьба, Подёнщина моя!

Обмениваемся книгами, впечатлениями, новостями. «Коле Године — с большим и неизменным интересом к его поэзии...» — надписывает Илья свои «Лучшие годы». На 35-й странице стихотворение, которое мне очень нравится:

Говорите о любви любимым!
Говорите чаще. Каждый день.
Не сдавайтесь мелочным обидам.
Отрываясь от важнейших дел.

.....
Чудаки, медведи, нелюдимы,
Слышите? Отверзните уста:
Нынче миру так необходимы
Нежность, чистота и доброта!

После избрания меня «главным писателем области» и переезда в центр, стали чаще встречаться. На пленумах, на съездах, на Днях литературы. Нам уже давно за пятьдесят. Один полысел — жена плеханом обзывает, другой поседел до нет спасу...

В июне 1999 года С.-Петербург пригласил меня на Международный конгресс поэтов. Праздновали 200-летие своего учителя и старшего товарища — А. С. П. В последний день Илья забрал «конгрессмена» из гостиницы. Долго катал по городу на своем драндулете, который уросил, не хотел бежать в гору, путался под колесами у роскошных иномарок. Мишка Фоняков, внук Ильи, фотографировал нас на фоне легендарного «Красина». Надо же, 73 года, а сохранился неплохо. — Чижик-пыжик, где ты был? — спросил я у бронзовой пичуги на Фонтанке. — На болоту зопу мыл! — скоро ответил другой Мишка, соседский пацан из деревенского детства. Где-то на углу столкнулся носом к носу майора Ковалёва. На М. Посадской из подъезда дома № 18 выбрасывали битый кирпич, деревянные брусья, мусор и книги. Многомного книг, целую библиотеку Георгия Холопова. «Умер человек, — с грустью пояснил Илья, — теперь никому это не нужно». Когда-то я знал Таню Холопову...

В моем домашнем кабинете в Челябинске висит замечательная монотипия «Осень в горах» Эллы Фоняковой. Я помнил художницу еще белокурой и молодой. А каким приглядистым медом она угощала меня в этот раз! Из морхлых питерских одуванчиков.

2000

«И не хотелось жить, солдат...»

Сегодня, глядя на эти руины, трудно поверить, что в предельной юности я здорово смахивал на Сергея Гурзо. Был такой в свое время замечательный артист. Отчаянный, вроде Алейникова. Я еще в студентах ходил, когда Петр Мартынович приехал в Коркино с выступлением. И выступил, конечно. Напился, стал перед местными блатными права качать: «Да я, в рот меня!..» Ну те по своей необразованности начистили ему физиомордию и восьмиклинку, ужас как тогда модную, отобрали.

Так вот о Гурзо. Он был нашим кумиром. Мальчишки играли в Серегу Тюленина и Васю Говорухина. А я играл в Серезку Гурзо. Дурачась, особенно перед девчонками, я стал выдавать себя за младшего брата Сергея. Как-никак девять лет разницы. Амбиции мои зашкаливали. Игра получалась и заходила слишком далеко. Правда, я скоро понял, что за счет чужой славы не прожить. И — отрезал, а может быть, детство рассталось со мной навсегда. Но любовь к артисту и память о нем остались.

Сергей Сафонович родился в 1926 году. Успел повоевать где-то в Польше. Был ранен. В то время, когда я поступал в Коркинский горный, он оканчивал ВГИК, всю снимался в кино. Уже был — в двадцать-то пять лет! — дважды лауреатом Государственной премии.

В 1965 году Сергей Аполлинариевич Герасимов в Миассе на банкете по поводу окончания съемок «Журналиста» мне немного рассказывал о Гурзо, о том, как снимались «Молодая гвардия» и «Смелые люди».

Потом я с ревностью прочитал книгу другого моего земляка, бывшего миассца Владимира Иванова, сыгравшего роль Олега Кошевого. К сожалению, в книге почти ни слова о Гурзо-Тюленине. Зато в 80-х годах, дважды побывав в Краснодаре, я насладился славой старшего «брата».

В конце 50-х годов в Кронштадт, где я тянул свою флотскую лямку, однажды приехал Сергей Сафонович. Он, кажется, в очередной раз женился и перебрался в Ленинград. Спроса на него у киношников практически не было, поскольку

ку той системе, как и многие другие, он стал без надобности. Новое время требовало новых героев.

Рассказывали, что писатель Сергей Антонов специально для Гурзо написал сценарий «Дело было в Пенькове». Безусловно, фильм был бы совсем другим. Но на киностудии решили иначе.

Сергей спивался. Помню он вышел на сцену под сводами бывшего собора Иоанна Кронштадтского. В светлом костюме, опухший, с монгольскими заплывшими глазками. Передавал какие-то актерские байки. А потом читал стихи. Свои стихи. Может быть, вот эти:

Шинель протёрли костыли.
Не ордена и не медали.
Домой в деревню привели.
И даже пенсии не дали.
.....
Он на завалинке сидел,
Курил зеленый самосад
И долго-долго вдаль глядел
И не хотелось жить, солдат.

Я к тому времени, вдохновлённый морской романтикой, тоже строчил километрами, точнее милями, водянистые вирши. Даже печатал в газетах. Поэтому нашёл в Сергее Сафоновиче дополнительный родственный штришок.

Позднее я узнал, что Сергей Гурзо отлично рисовал, играл на рояле, сочинял песни. Их даже Пьеха исполняла. В минуты просветления писал стихи. В середине 60-х годов в Ленинграде выпустил тоненький сборник «Самое близкое». Но успех закрепить уже не смог. Окончательно спился и умер от инфаркта в 1974 году за три дня до своего 48-летия.

Странно, но Сергей Гурзо мне всегда напоминает Сергея Есенина.

1999

«Женщина, которую я бросил»

Давным-давно, затомлено плетясь сосняком через гору из карьера, я наткнулся в кустах на журнал. Обычный литературный журнал без конца и начала, зачитанный до закруглений на углах. Полистав на ходу, сунул этот фрагмент в полевую сумку с остатками горняцкого обеда. Через какое-то время снова обнаружил старую находку, выгребая пыль из кабины экскаватора. Похоже, выложил и забыл.

Наконец, я прочитал сохранившуюся середину японского романа «Женщина, которую я бросил». И был потрясён. Прокажённые, лепрозорий, молодая женщина со страшным диагнозом. От нее отворачиваются поочерёдно друзья, родные, любимый человек. В конце концов болезнь, слава Богу, не подтвердилась. Женщине некуда идти, и она остается в лечебнице ухаживать за несчастными... Мало ли таких историй из жизни и из книг я знал! А вот надо же, зацепило. Я чувствовал себя тем подлецом из романа. И от этого веселей не становилось. Думаю, закономерно, без мучительных поисков, без доработок вскоре на листе бумаги появилась «Элегия»:

Та женщина, которую я бросил...
Заплаканное дождиком окно.
С красивой задумчивостью осень
Похоронил я памяти давно.

Та женщина, которую я бросил...
А этот страшный холод рос и рос.
И восходила крохотная просинь
Над заревом неоновых берёз.

Та женщина, которую я бросил...
Сквозь белый день смятение несую.
Я вырубил в душе десяток просек,
Но в том лесу все так же, как в лесу.

Та женщина, которую я бросил...
О, Господи, к чему все это мне?
Никто не скажет и никто не спросит,
Никто не отзовется в тишине.

Та женщина, которую я бросил...

Элегия вошла в книгу «Дерево любви». Затем в книгу «Осенины». Несколько банальная строка «С красивой задумчивостью осень», оставленная без изменения Алешей Еранцевым, редактировавшим книгу, впоследствии под нажимом другого редактора была заменена на «С есенинскою задумчивостью осень». Не думаю, что намного удачней. Потом я вообще перестал стихотворение включать в книги. Один из моих «заклятых друзей» поведал однажды о том, как Ручьев, якобы прочитав «Элегию», с моралистическим негодованием швырнул книгу в угол: «Ну и гусь!»

Очень сомневаюсь, чтобы опытный Борис Александрович перепутал автора с героем.

В общем, все претензии к литературной стороне данного сочинения я принимаю, а вот что касается добродетельной — увольте. Не разбрасывался я женщинами, поскольку никогда не было лишней!

1998

«Счастливы судьбою я, честное слово...»

Во втором томе «Дневников» К. Чуковский 30 марта 1932 года записал: «...Я хотел увидеть Каракозова, но оказалось, что он представлен... кадрами фильма «Дворец и крепость».

Так вот, «Дворец и крепость», одна из лучших тогдашних картин, поставлена в 1924 году по роману О. Форш «Одеты камнем» и повести П. Щеголева «Таинственный узник» режиссёром А. В. Ивановским.

Сорок лет назад — «Помню я еще молодухой была!» — моя служба на рейдовом тральщике № 932, а позднее на «козе», канонерке «Красное знамя», тесно протекала

в течение четырех затяжных лет бок о бок с Саней Ивановским, достойным внуком Александра Викторовича.

Это весьма существенное обстоятельство плюс безупречные послужные списки позволили нам частенько случаться в Ленинграде на Кировском проспекте, 14-14, в Доме работников искусств, где на втором уровне в трехкомнатной квартире жительствоваали Ивановские.

Александр Викторович, худой и высокий, с зачёсанными назад поредевшими волосами, являлся истинным интеллигентом, человеком «старого образца». Речь его была изысканной, впопад изукрашенной изречениями, строчками стихов, слегка ироничной. Родился будущий режиссёр и сценарист в начале царствования Александра III 17 ноября 1881 года. Окончил Казанский университет, в ректорах которого в свое время хаживал его отец. Начинал оперным режиссёром. По собственному признанию, не любил кино и за искусство не признавал, считал его фальшивым и пошлым. Но судьба сыграла в свою игру. После ученичества у Протазанова практически всю жизнь экранизировал классику: «Декабристы», «Дубровский», «Иудушка Головлёв», «Музыкальная история», «Антон Иванович сердится», «Укротительница тигров»...

Не знаю, чем я ему приглянулся, но Александр Викторович ко мне благоволил и, несмотря на мою желторотую несуразность, обходился как с равным. Известный режиссёр писал стихи. Писал и я стихи. И даже был известен кронштадтцам десятком опубликованных виршей в местных газетах. Александра Викторовича можно считать первым моим серьёзным критиком, причём поощрительным критиком. Где-то подказывал, а в основном ободрял.

А вот с Марианной Алексеевной отношения складывались с иной интригой. Я ее, похоже, побаивался, хотя все свои неудовольствия она адресовала старшему внуку. И причиной их стали наши весёлые пирушки в обществе компанейских девиц. Не жаловала она и многих сотоварищей своего благоверного. Скорее всего ревновала к славе и популярности некоторых из них, к наградам и званиям. Однажды бабушка,

как мы называли ее, подозвала меня к окну и с брезгливостью сказала:

— Видишь, у подъезда пьяный в кожаной куртке валяется? Это Пашка Кадочников.

В конце 70-х в Миасс приехал с лекцией-концертом Павел Петрович. Я тогда заправлял горняцким профсоюзом и после азартного монолога именитого актера зазвал гостя в кабинет директора подведомственного Дома культуры, где за стаканом молдавского коньяка рассказал про тот случай.

— Она такая! — молодо смеялся Кадочников.

А в книге воспоминаний «Оставайтесь молодыми» одним из своих учителей назвал и А. В. Ивановского.

В квартире на Кировском, кроме стариков, проживало и среднее поколение — отец Сани, тоже Александр Александрович, документалист «Ленфильма» с предельно молодой женой Ириной, на два года отставшей от нас. Училась Ирина, кажется, в хореографическом училище. Кокетничала и втихаря «морально разлагала» шведскими журнальчиками с голыми, извините, бабами...

Мать Сани, забитый шкраб по-нынешнему, тихо учительствовала и жила где-то отдельно, в одиночку.

В последние годы Александр Викторович Ивановский написал сценарий о молодом Ленине, о поре учебы в Казанском университете. Но принципалы киностудии отказали в постановке, заявив, что автор плохо знает то время. Но тем не менее сценарий купили, как говорится на вес, в качестве сырья для будущих картин.

Кроме невоплощённой мечты создать свой образ вождя, у патриарха появились весьма серьёзные осложнения. По некоторым соображениям я эту тему опускаю.

Последние месяцы талантливый режиссёр доживал вместе с Виктором, младшим внуком, в Доме творчества кинематографистов в Репино. Умер в январе 1968 года.

Упокоился недавно и мой самый близкий флотский дружок Саня Ивановский. Работая директором базы «Изотоп», однажды получил дозу облучения. А доконала его большая щитовидка на фоне заурядного инфаркта.

P. S.

Нечаянная милость. По воле судьбы и по случаю Международного конгресса поэтов в самый разгар пушкинского юбилея оказался в Санкт-Петербурге. Через 28 лет!

Встретил меня офицер российской таможни Виктор Ивановский. Я знал его пятиклассником. Похож на деда. Сразу увез к Тане, Санькиной вдове. «Умер от радости, — всхлипывала Таня, — так сказала врачиха. Лежал долго, устал. А тут пришли его встречать друзья, родные, товарищи с работы... Полно цветов... Вышел из больницы, увидел всех, зажмурился и...» Эх, Саня-Саня!

1999

«Люди в кожах»

Буквально перед смертью «дорогого Леонида Ильича» довелось мне с хорошей компанией побывать в Канаде. И достойно принимало нас, кормило по-божески, поило, как могло, возило с ветерком по стране, даже развлекало по особому, довольно раскрепощённой программе Товарищество объединённых украинских канадцев. Где-то в уголочке письменного стола до сих пор хранится большой круглый значок Товарищества, подаренный на память в монреальском аэропорту перед самой посадкой в обратный самолет Марийкой, канадской украинкой, нашим постоянным спутником и добрым ангелом-хранителем.

Оказывается, в Канаде более семисот тысяч «людей в кожах», так называли раньше украинских эмигрантов. Начиная с 1891 года большими и малыми группами сюда прибывали искатели счастливой доли из Восточной Галиции, Буковины и Закарпатья...

— И о чем твоя книга? — спросил в Украинском рабочем доме на торонтской Бетгорст-стрит тогдашний коммунистический вождь лукавый Уильям Каштан, когда мы спустились в бар выпить по рюмке «Смирновской» после официального, так сказать, мероприятия.

— О любви, — говорю, — о природе.

Каштан улыбается и допрашивает:

– А почему стихи на русском, а не на украинском языке?

Пришлось объяснить, что украинец я – нарошничный, по паспорту. В конце 30-х годов, а точнее в 1939 году, я, малолеток, вместе с батьками тоже «эмигрировал» в поисках «липшого життя» на Урал. Там я и вырос среди русских, русский стал мне родным языком.

Еще в Монреале Марийка пообещала познакомить с некоторыми видными «диячами» Товарищества объединённых украинских канадцев. Первая встреча состоялась в Торонто в «Карлстон Инн» с Генеральным секретарем Товарищества Василием Гарасимом. Фамилия показалась знакомой. Марийка загадочно улыбалась, а Василий Петрович, хорошо говорящей по-украински, извинился за свою «дружину» – оказалось, Марийка его жена, – что не удастся встретиться в более приятной обстановке. Пока мы топтались в Оттаве, Василий Петрович похоронил своего друга, почётного президента Товарищества объединённых украинских канадцев Петра Прокопчика.

..Автобус остановился перед аркой, за которой музей и мемориальный парк имени Т. Г. Шевченко. Небольшой канадский городок Палермо, что в штате Онтарио. Марийка указала на корзину с цветами, заранее приготовленную. Идем по тропе к памятнику поэту. Осторожно ставлю цветы у подножия. Василий Гарасим щелкает фотоаппаратом. На гранитном пьедестале надпись:

Т. Г. Шевченко
1814–1861
Від українського радянського народу
українцям Канади
м. Київ, 1950 рік.

Кстати, это первый памятник Великому кобзарю на американском континенте.

Мы стоим у застеклённой веранды музея, и известный историк и общественный деятель канадских украинцев Петр

Ильич Кравчук рассказывает о тех незабываемых минутах 1 июля 1951 года:

— С раннего утра сюда со всех сторон прибывали люди: альбертинские шахтеры, манитобские железнодорожники, лесорубы Британской Колумбии, фермеры Саскачевана... Среди прибывших оказались представители четырех поколений: отцы, дети, внуки и правнуки. Тут, у памятника, впервые за долгие годы пребывания в Канаде встретились брат с братом, сестра с сестрой, односельчане, знакомые...

Еще не холодный, но сухой вечер «индейского лета». На маленькой волне покачивается белый кораблик. Онтарио — мертвое озеро. И ни каких тебе краснокожих рядом, кроме чернооких с печальной поволокой потомков «людей в кожухах».

1999

Как читать стихи

На Пятом Всесоюзном совещании молодых писателей в 1969 году мне повезло. Я попал, по выражению некоторых русофильствующих земляков, в «еврейский» семинар. Соколов, Левитанский, Долматовский, Фоняков, Николаев, Гейдеко, Смольников, Соболев...

Обсудился я довольно успешно. Хвалили, рекомендовали в Союз писателей. Но не потому, что я такой уж гениальный. Просто не было рядом других, более интересных, хотя помню прекрасных ребят. Дронникова например, Карпунина.

Правда, потом мне этот семинар припомнили. Фирсов по какой-то смехотворной, а не стихотворной причине не включил в программу заключительного литературного вечера. А издатели из «Молодой гвардии» выбросили стихи, отобранные для коллективного сборника. Были еще кой-какие инсинуации. Но я о другом. Любопытно то, что ничегошеньки из всего сказанного по поводу моих поэтических опытов я не запомнил, кроме второстепенного, на первый взгляд, спора двух мэтров — Левитанского и Долматовского.

Евгению Ароновичу не понравилось мое искусство выразительного произнесения своих опусов:

— Коля плохо читает стихи!

Юрию Давыдовичу, наоборот, понравилось:

— Читает своеобразно, так, как и должен читать свои стихи поэт. Они от этого только выигрывают.

Однажды, в очередной набег на столицу, Долматовский пригласил меня выступить на пару с ним в Доме книги, что на Новоарбатском. Он, кажется, вел там какой-то поэтический клуб. Как мне показалось поэт остался доволен. Может стихами, а может декламацией.

К слову, я — помните Светлова? — до сих пор тоже мечтаю написать такое стихотворение, которое хотелось бы читать шепотом.

1998

«Планета здесь на холмик стала выше»

Два поэта на Урале, к которым я давно не равнодушен. Алексей Решетов, пермяк, и курганец Алексей Еранцев. С Решетовым, к сожалению, встречаться пока не приходилось, а с Еранцевым, давно уже покойным, не только общались, но и дружили.

Не помню, когда мы познакомились. Судя по сохранившимся письмам и дареным книгам где-то году в 1966-м. Интересно, что Алеша тоже был в списках кемеровских «семинаристов», но почему-то не приехал. Скорее всего он состоял уже в доблестных рядах Союза писателей. За ним числились две маленьких книжечки: «Вступление» и «Ночные поезда». А вот следующую, «Кумачовые журавли», он мне благословил с пожеланием большого полёта.

Еранцев редактировал мою первую книгу и в первых официальных письмах еще величал по батюшке и на «вы».

«Живет человек на земле, делает черную работу во имя красных дней, смотрит на мир быстрыми, с искрой, глазами. Светит в эти глаза красота и радость. И горе хлещет по ним, оседает в душе, тяжелит ее, просится на волю. И тогда начинаются стихи...» Это он обо мне и о себе тоже.

А вот из другого письма: «Привет автору сборника, подборки в «Молодой гвардии» и строчки «Скала расселась по-

середь пути». Несмотря на снявшую штаны скалу, я все-таки запланировал тебя на 69-й. Потому что все остальное сильно обнадёживает. Тем более я читал твои стихи после опусов потомка и тёзки кровожадного гунна Атиллы. Садыков — верный ученик Сорокина, барабанный, свержвосклищательный, мне сильно не понравился и я его прикончу...»

Да, это было трудное время первых шагов. Время преодоления сопротивления партийно-литературных авторитетов, местнических традиций, школ, идеологических установок.

Вот и Алеша Еранцев, сын репрессированного крестьянина, закончив Уральский госуниверситет, начинает работать в партийной газете «Красный Курган». Однажды новоиспеченный секретарь обкома Матвеев, обходя свои владения, обнаружил бородатого журналиста. «Разберитесь!» — приказал редактору. А редактором был писатель Н. Глебов. Помните «Карабарчика»? Николай Александрович вызывает в кабинет подчинённого. Снимает стружку. Мол, коли вы работаете у нас, извольте и вести себя соответственно.

На следующий день, заглянув в отдел, редактор опешил. За столом сидел безбородый, налысо стриженный Алексей, одетый в полосатый, с большим намёком, пижамный костюм.

— И, знаешь, сошло ведь ему! — смеялся художник Герман Травников, рассказавший недавно эту историю. Герман Алексеевич, наш общий с Алешей друг, больше других общался с ним в последние два года. Еранцев уже тяжело болел. Обострение диабета отразилось на психике, что, в конце концов, и привело к трагедии.

А весной 1972 года Алеша мне писал: «У меня — счастливое время. Пишу каждый день, с наслаждением, заканчиваю поэму “Пророк”».

Отступила, как потом оказалось временно, болезнь. Алексей покупает избушку в лесной Боровлянке, приглашает к себе: «Пойдём по грибы, авось, кого-нибудь спасем!» Намёк на мое ««Может быть, кому-то помешаю, может быть, кого-нибудь спасу»».

Я сам в ту пору тяжело заболел почками. «Помогли мне, конечно, не эскулапы, — писал он, — а счастливая случай-

ность. Наткнулся на гимнастику йогов...» Советует и мне заняться.

Увы, йога ему не помогла. Поездка на тюменский Север, нарушение лечебного режима сказались отрицательно на здоровье. Не складывалась и деревенская жизнь. Селяне, потомки каторжан и старообрядцев, невзлюбили стихотворца, причислив и его к властвующим структурам. Начались конфликты. В это же время Алексей, хорошо зная изнутри так называемую деятельность писательской организации под руководством Якова Вохменцева, Яши-Воши по выражению Еранцева, пишет в обком партии разгромное письмо под названием «Осенняя охота». Письмо, в котором досталось и тем и другим, не было ни доносом, ни кляздой. Идеалист и правдоискатель Еранцев просто-напросто вслух сказал то, о чем все тогда шептались.

Конец был печальным. Московская клиника, шизофрения на почве диабета, смирительная рубашка, физическая деградация. Куда только девалась неуёмная энергия?

И снова временное улучшение. Возвращение в Курган. «29 декабря 1972 года, — рассказывал Герман Алексеевич Травников, — Алеша позвонил и пришёл в мастерскую. Грустный-грустный. Мне уже нельзя жить, говорит, на хлебом буду. Писать теперь не смогу».

30 декабря, спровадив жену за покупками в магазин, Алексей Еранцев повесился на шнуре от утюга.

«Я так был потрясён, — вспоминает Гера, — что по дороге в морг все пытался надеть на руки Алешки перчатки».

Ему было чуть больше тридцати шести. Жена Валентина с дочерью подалась на Украину, примкнула к секте адвентистов 7-го дня. На курганском кладбище осталась могила поэта, а в библиотеках и у друзей его талантливые книги.

1998

«Земля, поклонись человеку!»

Не правда ли, обычные до банальности и знакомые до комсомольского восторга патетические слова. На месте гибели Юрия Гагарина поставлен камень-обелиск с этими же словами, посвящёнными первому космонавту в апреле 1961 года моим казахским ровесником и великолепным поэтом Олжасом Сулейменовым. Мы родились почти в один год в разных государствах, но под общей кровавой звездой войны. У нас и профессии родственны. Олжас геолог, а я горняк. Потому и стихи наши нередко как бы перекликались. У него: «Жара над пустынной степью, тени медленны и косы, усталые парни не могут сомкнуть пересохших губ. Ровно гудит бурилка, ворчливо сопят насосы, и медленно вниз уходят метры бурильных труб». И у меня: «Лбы мокнут, бур в сторонке стынет, И пахнет скважина Баку... Как под наркозом спит пустыня С дымящей раной в боку». И еще оба мы инородцы, как презрительно называют нас русофильствующие «патриоты» 90-х годов, инородцы, пишущие на русском языке. У Олжаса были на этой почве проблемы среди соплеменников. Меня, к счастью, обошла эта напасть, хотя намёки на «неполноценность» случались.

А встретились и познакомились мы в холле гостиницы «Мальти», что на Рю де Ришелье, 63. Это как раз напротив Национальной библиотеки, рядом с домом, где жил Стендаль и написал, сказывают, «Красное и черное». Стояла очаровательная осень 1975 года.

— Привет, Олжас! — вырвалось как-то само собой.

— Здорово, старик! — обнимая, воскликнул, блеснув раскосыми глазами сын «спалённого Востока». — Давненько мы с тобой не виделись.

Мне стыдно было признаться, что встретились мы впервые, и он явно спутал меня с кем-то другим из многочисленной писательской братии. Его окружали несколько женщин азиатского облика и седой, размахивающий руками, стройный мужчина. Олжас любезно представил имярека со товарищам, среди которых оказался глава алма-атинского горсовета — мэр по-нынешнему, и легендарный Пьер Пуяд,

командир эскадрильи «Нормандия — Неман». Генерал в цивильном костюме смотрелся молодцом в свои 68 лет, улыбался и мило картавил, будто пересыпал горох или полоскал горло.

Конечно же, по-русскому обычаю стоило обмыть такое событие. И мы вдвоем с будущим классиком поднялись в уютный номер, где и оросили воспалённые недра. Поэт только что вернулся из гостей — казахскую делегацию принимала вдова Жерара Филиппа. Он был взволнован, читал только что родившиеся строки...

Подкрался вечер, и Олжас, повязав по-вознесенски витиеватый платок на крутую шею, засобиравшись на литературную сходку. Кажется, недавно вышла, может, даже в «Галлимаре», книга «на троих» с его стихами. Пригласил и меня. Но я с сожалением отказался. Руководитель нашей группы областной прокурор и довольно педантичный мужик четко придерживался правил общения с буржуйским народом. Естественно, придерживал и нас. Признаюсь, в самоволку я все-таки несколько раз бегал в основном на Монмартр. В результате написалось стихотворение «Автобус № 85», посвящённое Олжасу Сулейменову.

В конце 70-х годов в Алма-Ате вышла итоговая книга Сулейменова «Определение берега». Я написал письмо редактору книги и моему давнишнему приятелю Геннадию Круглякову с просьбой достать эту книгу. Гена, когда-то окончивший геологоразведочный техникум в моем родном Миассе, в просьбе отказал. У него книги тоже не было.

В 1979 году миасские комсомольцы пригласили меня составить компанию в поездке на советско-китайскую границу, где недавно погибли двое уральцев. В Алма-Ате позвонил Олжасу. Увы, дома его не застал. Зато в библиотеке войсковой части подарили «Определение берега»... за мой сборник с автографом.

В горбачевские времена раза два наспех встречались с Сулейменовым на писательских съездах. Потом рассыпалось мозаичное панно одной шестой части света, разбежались по своим углам и писатели. Олжас у себя стал киношным

министром. Сегодня, насколько известно, он живет в Италии, возглавляет посольство.

Изредка я снимаю с полки одну из самых необычных его книг — «Глиняную книгу». Перечитываю...

...Но даже эта темная вода
поэту не заменит никогда
вина, что превратит его в злодея.
Эй, кравчий, опрокинь кувшин скорее!
Из новой чары встанем и допьём
последнее.
Им хорошо вдвоем.
Она ножом пробита,
он копьём.
Зато — вдвоем.
Кому что достаётся.
А мы с тобой, читатель, расстаёмся.
Зато — живем!..

1999

«Художник красками живет»

В детские годы я пытался, по цеховому выражению художников, красить. Рисовать, значит. Говорят, получалось немного. Родственники предрекали успех, учителя пророчили славу. Но графомания пересилила. С акварелей незаметно перешёл на стихи, в которых нет-нет да аукнется прошлая страсть.

Художник красками живет
И красками переживает...

Задолго до хрущевской «исторической встречи с интеллигенцией» в декабре 1962 года, до разгромной выставки в Манеже, похоже, в 1958 году главная комсомольская газета, помню, распекала молодого ленинградского художника Ивана Наливайко за формалистические отклонения. Мол, Бог не дал таланта, вот и занимается пачкотнёй. А еще комсомолец...

В 1961 году, впервые оказавшись за границей, точнее в Польше, я по темноте своей был немало обескуражен очевидными фактами охватившего несчастный народ «кризиса буржуазного искусства». Это потом уже, позднее, объездив полмира и насмотревшись на всяких там поп-артистов, оп-артистов, дадаистов и прочих сюрреалистов, я попривык, поприглядялся, попривык и даже записал кое-что и кое-кого в собрание своих симпатий и увлечений. Например, Сальвадора Дали с его «иберийским неистовством».

Прогуливаясь по Варшаве, оказался в Старом Мясте у Барбакана — памятника средневекового фортификационного искусства, построенного еще в середине XVI века в системе оборонительных стен города Красные Башни: башенки, узкие окна-бойницы... А на мощных кирпичных стенах — грубо сколоченные щиты и полотна свободных художников. Ржавая проволока, шестерёнки, пружины... Все, что можно легко найти на промышленных и бытовых свалках. Вырубленный и прилаженный к щиту «живой» кусок асфальтовой дорожки с настоящими окурками, плевками, подсолнечной шелухой, раздавленными насекомыми. «Композиция № 1», «Тротуар», «Воспоминание о войне»... Неожиданно натякаюсь на кусок фанеры с надписью: *Wystawa prac Naliwajko*. Рядом худенький молодой человек, скорее подросток. Узкие брючки-дудочки — стилиажные. Светлый клетчатый жилет, белая рубашка, черная бабочка. «Пан муви по-польски?» — «И по-русски тоже», — отвечаю. Миловидная блондинка — жена Ивана. А это был тот самый Иван Наливайко, которого в свое время прославила молодёжная газета, о чем он с удовольствием поведал сразу. «Вот перебрался сюда. Работаю, как хочу, выставки делаю». Подошла старая полька. Долго рассматривала ржавую абстракцию на стене. Смачно плюнула в ноги художнику и гордо удалилась, ворча под нос: «Чтоб тебе...»

Раза два или три я навещался к Ивану пока жил в Варшаве. Фотографировал его вместе с женой и его композициями. Спорил, чего-то доказывал, выслушивал темпераментные монологи. «Люди еще не доросли до такого искусства, —

убеждал меня «маларж», что означает не только художник, но и почти буква в букву маляр, мазила. — Всему виной симметрия. Человек симметричен. Отсюда и заблуждение, что симметрия — это красиво. Нет, красота в асимметрии. Представь Парфенон, у которого одна колонна круглая, другая квадратная, третья треугольная... Разной толщины, разной высоты, разного цвета...»

Давно это было. Через семь лет я снова приходил к Барбакану. Как и прежде, стены украшали многокрасочные фантазии свободных художников, непонятых гениев. Но Ивана среди них не видел.

2000

«Есенин, переодетый в Маяковского»

Я смотрел с высоты Требевича на отдалённый город, напоминавший сказочный лес, усеянный красными шляпками подосиновиков, а может, груды битого кирпича на дне заросшего кустарником оврага. Не знал и не догадывался еще, что где-то внизу на тихой сараевской улице в прокуренной редакционной комнатухе издательства «Веселии Маслеша» задумался над корявой строчкой молодого гения мой завтрашний весёлый друг, удивительный боснийский поэт Изет Сарайлич.

Наутро я спустился с небес на грешную землю, где когда-то шумно роились иллирийские племена. Соблазнил местную студентку филфака, сбежал вместе с ней и челябинским приятелем Валерой Ефимовым от бдительного старшего нашей компании подначальных вояжеров.

Студентка привела нас на улицу Милутиновича, 4. Крайним оказался Изет, хорошо знавший не только русский язык, но и русских поэтов. На подмогу Изету явился Чедо, еще один писатель с крохотным жукообразным «фиатом», на котором мы вскоре отчаянно ринулись в Башчаршию, старую часть города, навестывать упущенное. До сих пор, кажется, звенят в ушах голоса ремесленников, зазывающих покупателей, и держится на языке вкус чевапчицей под кислое молоко.

Сарайлич — основоположник и лидер нового поэтического направления. Родился Изет в Добое на берегах красавицы Босны в 1930 году. Жил в Требине, потом в Дубровнике. В 1942 году итальянские фашисты расстреляли его старшего брата.

Он тоже мечтал о примятой траве,
о блузке, расстёгнутой на груди,
он был совсем молодым.
Всего восемнадцать лет.

В свои девятнадцать лет Изет издаёт первую книжку. Сейчас их у него десятки на многих языках мира.

Итак, мы понравились друг другу и надолго. Теперь уже более чем на тридцать лет.

В статье «Парни из Челябинска», опубликованной в саревской газете-журнале «Эхо» в октябре 1967 года Сарайлич писал: «Година не поверил, когда я сказал: «Не удивляйся, если однажды твой челябинский почтальон принесёт югославскую газету с твоими стихами в моем переводе!» Година не поверил моим словам, а Валерий, видел я, уже представил того почтальона у дверей Николая. Валерий страшно обрадуется, когда его друг, поэт Николай Година, позвонит по телефону и скажет: «Нет, Валера, Изет действительно молодчина, прислал все-таки газету с моими стихами! Я тоже порадуюсь»».

Изету по душе и мое славянское наименование: «Уж и твое имя — Николай Година — мне очень нравится. С таким именем невозможно лишь прогуляться по литературе. Такие имена остаются». «Неколько година Николай Година...» — смакует он, предваряя публикацию моих стихотворений в собственном переводе.

Я тоже перевожу Сарайлича. Иногда настолько прилично, что поэт переписывает стихи по русской версии: «Ведь это, может, самые удачные переводы моих стихов у вас».

В начале восьмидесятых годов выходит своеобразная антология «Книга друзей» на сербско-хорватском языке. «Книга

друзей» уже вышла, и ты ее получишь в ближайшее время. Строчек твоих в ней мало, как и у остальных, но зато, как мне кажется, вместе со мною ты в очень хорошей компании». Действительно, компания великолепная: Альфонсо Гато, Тадеуш Ружевиц, Юстинас Марцинкявичус, Марин Сореску, Роберто Фернандес Ретамар...

Позднее выходили «Братья Grimm», «Кого завтра будут возить таксисты», но книги терялись где-то на пути в Россию. В Боснии лилась кровь и бесчинствовала война, «...бросили три миллиона гранат на Сараево. Одну специально от «поэта», русского лауреата Радована Караджича получил и мой дом...», «Много, слишком много дорогих людей я потерял на этой войне. Даже двух сестёр схоронил за пятьдесят дней в 1993 году...» Сам Изет был ранен, о чем однажды сообщалось в российской печати.

Так мы и жили все эти годы: он — там, а я — здесь. Писали милые письма, радовали друг друга стихами. Старились, как ни печально. Хвастались уже не тонконогими дочерьми, а любимыми внуками, «...лучше всего смотреть в глаза внука и быть генеральным секретарем его маленькой жизни». — «А у меня три внука!!!» — отвечаю и как летчик-истребитель звезды на фюзеляже, рисую тройку замечательных восклицательных знаков. А вот печальные строки, пришедшие из Сараева: «Меня в феврале постигло самое большое горе — умерла моя Ида, моя единственная любовь от студенческих дней. Твоя книга («Сарайлич из Сараева») обо мне была и ее последней, которую осмотрела... Поэтому она мне дороже других». Спустя полтора года: «...после военных смертей моих сестёр в прошлом году умерла и моя жена... Умерла во сне того дня, когда закончилась работа на разрушенной квартире».

16 марта 2000 года Изету Сарайличу, этому, по выражению известного критика, «Есенину, переодетому в Маяковского», сводившему сараевских девчонок с ума, исполнилось семьдесят лет. Ой, ты диду-дидуга!..

Конец века,
но конец и гуманистического идеализма.
Так, по крайней мере, пишут в газетах.
А мне пора домой
заняться своими стихами.
Ничего нет другого гуманистичней и идеалистичней!

Мы так больше и не встретились. Пока не встретились...
2000

«Игра в слова — опасная забава...»

В конце 60-х я знал, что есть замечательный поэт Самойлов. И не только от Левитанского, которому понравился на Всесоюзном совещании молодых. Уже я знал «У зим бывают имена...» и «Ильдефонс-Константы Галчинский дирижирует соловьями...» Случайно — повезло! — приобрёл в одном из миасских книжных магазинов третью книгу стихов «Дни». Я не гожусь в ученики, скорее всего в поклонники и сотоварищи.

Игра в слова — опасная забава.
Иное слово злобно и лукаво,
Готово огонь разжечь и двинуть рать...
О, старости единственное право —
Спокойным словом страсти умерять.

Как и Самойлову, мне чуждо праздное любование природой. «Ее не рассматривать надо, а проживать... Проживание природы означает практические, жизненные отношения с ней. Отсюда же порождается истинный поэтический образ природы как атмосферы и условия человеческого действия. Образ, который все меньше дается поэтам XX века, воспринимающим и воспроизводящим явления природы как отдельные, иногда сильные, впечатления. Это и есть «пейзажная лирика».

Вообще, в прозаической книге «Перебирая наши даты» у Давида Самойлова много близких мне замечательных мест. Он мечтал о свободе — свободе выговориться. «Выговорить-

ся, отmaterиться, откритаться, отспориться, отречься». И любопытное окончание рассуждения, будто с оглядкой, будто о сегодняшнем дне: «Уже такое наболтано, наговорено, на-сказано, наплетено, наоткровенничано, что так запросто не расхлебать».

Поэт оказался удивительным рассказчиком с аналитическим уклоном и хорошей ориентацией как во времени, так и в пространстве.

Много лет назад на довольно редкой в наших краях книге стихов «Улица Тооминга», изданной в 1981 году в Таллине и подаренной мне, Самойлов написал: «Николаю Ивановичу Године с надеждой встретиться поэтому адресу и с наилучшими пожеланиями». Увы, встретиться нам не удалось, хотя переписка наша длилась семь лет. Письма Самойлова доброжелательны и поучительны. «Спасибо за книгу... Многие в ней понравились. У Вас хороший глаз, ощущение места, погоды, сезона, природы... Стандартных судеб в литературе нет. И Вы можете доказать, что для Вас путь, Вами избранный, наиболее верный. Для этого необходимо подняться еще на один этаж высоты — научиться мыслить не поэтически-ми ощущениями, не метафорами, а высшими категориями человеческого бытия».

В августе 1981 года Давид Самойлов писал: «Книга мне понравилась и по тону, и по поэтике. Баруздин пишет: «Поэт неотделим от своей биографии». Это верно. Но всегда ли хорошо? Поэт, мне кажется, должен иногда отделиться от себя в сторону кого-то или чего-то другого. Надо быть сосредоточенным не «на себе», а «в себе». Я думаю, что Вы и сами (судя по стихам) до этого доходите. Выскажу еще одну мысль (может быть, спорную и не очень ясную): биография поэта должна быть не содержанием, а формой его поэзии, т. е. органикой, а не простым сюжетом».

Летом 1976 года поэт писал из Пярну, где он только что навсегда обосновался: «Из стихов Ваших больше мне нравятся «традиционная» пейзажная лирика. Свободный стих и Вам не удастся — он холоднее, рациональнее. Секрета его многие добиваются, но пока без решительного успеха».

И в «Поденных записях» от 20.02.71 года Д. С. настроен скептически: «Единственно, что можно об этом сказать: русский верлибр пока еще не состоялся. Едва ли Бурич и Мете сдвинут его с места».

Правда, уже осенью 1982 года Самойлов признается мне, что лирические стихи (например «Берестяная грамота»), написанные верлибром, ему понравились.

После смерти поэта я опубликовал в газете «Уральская новь» в 1992 году шесть писем Д. С. Позвонил Юрию Левитанскому. Он сказал: «Пришли газету мне в Москву, а я передам Гале». Галя — Галина Ивановна Медведева, жена Самойлова.

Тема вроде была закрыта. Но несколько лет назад неожиданно написалось такое стихотворение.

Д. С., читая книгу о русской рифме

Теперь
это ближние страны,
там,
за вторым перевалом,
где кончились
дни равноденствия
и стихли
голоса за холмами.
Дороги,
похожие на линии руки,
уже не обещают
благую весть.
Шуршат времена,
как горсть песка
с янтарного берега залива.
Волна и камень...
Но есть
улица Тооминга, 4
и две несбывшихся надежды
на одного.

«Есть дальняя пристань, последний удел...»

Звонок. Жанна:

- Пап, ты знаешь Олега Чухонцева?
- Знаю.
- Он челябинский?
- Москвич. А что?
- Умер. Какая-то женщина ошиблась номером и сказала...

Жанна работает на «междугородке». Значит, звонок был из Москвы. Известие оглушило. Я потерянно ходил из комнаты в комнату, не знал что делать. Наконец, поехал в писательскую организацию. Может, там что-то известно. Но вряд ли, поэт из «чужого» Союза. В голове творилось непонятное. Припоминались какие-то детали, незначительные случайности, которые логично подводили к неожиданной беде. Да, Олег переболел недавно, перенёс тяжёлую операцию. Почему-то не был на Международном конгрессе в Питере, хотя в списке значился. Видимо, уже лежал. Приходила даже сумасшедшая мысль: «Сейчас позвоню в первопрестольную, и он, как всегда, снимет трубку. Фантастика».

С Олегом Чухонцевым, посмею сказать, мы в дружбе с далеких лет, когда он еще не был одним из самых больших современных русских поэтов. Он тих и незаметен, этот павлово-посадский затворник в сравнении с воинственными Фирсовыми, Чуевыми и Исаевыми, лбом и локтями пробивающими подступ к Парнасу. Помню, в конце 60-х Олег опубликовал замечательное стихотворение «Повествование о Курбском», кажется, в «Юности»:

...Вот он, волчий простор! Несть людей да людишек,
но безлюдье гнетет, как в ногайских степях:
тот испанский сапог натянул — аж не дышит,
этот русский надел — ан и тот на гвоздях!

Все остро — нет спасенья от пагуб и пыток,
все острее тоска, и бесславые, и тьма,

а острее всего — это малый избыток
оскорблённой души и больного ума.

Чем же, как не изменой, воздать за тиранство,
если тот, кто тебя на измену обрёл,
государевым гневом казня государство,
сам отступник, добро возводящий в порок?..

Скоро поэту резко возразил сереньким, малограмотным
стишком В. Сорокин:

...Пусть это было в давние года.
Но и сегодня в нас не вспыхнет жалость:
Измена одинакова всегда.
В какой бы модный фрак не наряжалась.

..Лисицей шнырит по селеньям тать
И блудит — от монголина до перса...
Доколе душу мыкать и топтать
Хвастливым и коварным иноверцам?

Да отпоёт их карканье ворон.
К отмщенью, братья славные, к отмщенью,
А кто не с нами — убирайтесь вон,
И нет вам ни возврата, ни прощенья!

Да, против лома нет приёма. И против карканья ворон
тоже. Может, поэтому Олег не включает «Повествование о
Курбском» в свою первую книгу «Из трех тетрадей», вышед-
шую в 1976 году, когда автору исполнилось 38 лет.

Чухонцев сидел на переводах и воспринимался в опреде-
лённых кругах как поэт-переводчик, пусть и очень высоко-
го класса. Жил он тогда недалеко от Белорусского вокзала в
Угловом переулке, в крохотной, заваленной книгами квар-
тирке вместе с бывшей женой. Каждый сам по себе в огра-
ниченном пространстве.

Бывал я и по другому адресу, в Б. Тишинском, где познакомился с Ириной. Приветливой и симпатичной хозяйкой. Дела Олега наладились. Пришла заслуженная слава, издаются книги, присуждаются премии. Мы редко встречались в последнее время, чаще перезванивались. В августе 1998 года Олег прислал в подарок последнюю книгу — «Пробегающий пейзаж», в которой есть и вот это стихотворение:

По гиблому насту, по талой звезде
найдёшь меня там, где не будет нигде.

Есть дальняя пристань, последний приют,
где скорби не знают и мертвых не чтут.

Кто был для единого слова рожден,
пусть ветром и пеплом развеян, но он

как кочет туда безголовый взлетел,
а это, скажу вам, не худший удел.

...В Союзе писателей я подсел к телефону и долго собирался с духом. Позвонил в Москву. Трубка молчала. Сейчас не до меня, подумалось. И вдруг печальным, как слышалось, голосом отозвалась Ирина Игоревна.

— Что случилось? — заикаясь, спрашиваю.

— С кем?

— С Олегом.

— Все нормально. Отдыхает в Павловом Посаде.

— Так он жив?! А у нас прошла молва...

Я бессвязно рассказал про звонок, про какую-то женщину, будь она неладна с ее дурацким известием.

— Значит долго будет жить! — кричу на прощанье Ирине.

— Дай-то Бог! — отвечает она.

1999

«Кто уже не придёт никогда...»

Роберт Рождественский, один из именитой поэтической четверки, был самым удобным для тогдашних правителей. Не диссидентствовал, слыл богомствующим, достойно, по-советски представлял свой демос за границей. Писал газетным языком «под Маяковского» длинные декларативные поэмы:

Человечество не хочет лезть в бункеры.
Человечество не хочет лечь в бою!..
И когда вы на земле
жить
будете,
берегите, люди,
землю свою!

Был хорошим песенным текстовиком, в отличие от нынешних, вроде Резника и прочих. Вспомним хотя бы «Балладу о цветах». Это вам не «Крошка моя, я люблю тебя!»

Одно время Роберт Иванович заделался даже телеведущим. Но тут уж был явный перебор при его-то чудовищном косноязычии.

Я много раз встречался с поэтом на разных литературных сходках в Москве, но до знакомства «по ручкам» не доходило.

Однажды Рождественский появился в Миассе и, кажется, не в первый раз. Друзья пригласили меня на встречу. Роберт Иванович что-то читал, что-то рассказывал, громоздкий и гулкий. После выступления, выждав очередь любителей автографов, рискнул и я подойти к столичной знаменитости. Раскрыв «Радиус действия» для подписи, я промямлил о своей непритязательной принадлежности к питомцам муз. Знаменитость отреагировала вопросом: «Ну и что?»

Через какое-то время одна знакомая позвала меня почитать стихи в доме отдыха «Тургояк», где она заправляла. В конце вечера, под занавес, тухлявый пенсионер справился у меня о Рождественском. Как, мол, я к нему отношусь.

Иногда читаю, говорю. Иногда что-то нахожу у него стоящее. А в целом поэт для меня малоинтересный. На том и разошлись.

А недели через две получаю приглашение на партбюро писательской организации. Оказалось, в Челябинский обком партии поступила жалоба от моей знакомой из дома отдыха по поводу попраiania большого (за метр восемьдесят!) поэта Роберта Рождественского.

Я повторил свое «отношение», но в более резкой форме. Мужики покаянно развели руками: «Мы понимаем, но обком требует отреагировать». И отреагировали единогласно: «Лишить имярека на три месяца выступлений через Бюро пропаганды художественной литературы». И все-таки:

...Мечту пронесите через года
и жизнью
наполните!..
Но о тех,
кто уже не придёт никогда,
заклинаю, —
помните!

1999

«Я хочу остаться на земле...»

Когда-то я основательно простудился на экскаваторе в пыльном забое Тургоякского рудоуправления. Долго и мучительно болел. Лечился с переменным успехом. Наконец более-менее твёрдо встал на ноги. Вскоре передовой рабочий класс, к которому я тоже законно принадлежал, за неимением лучшего, обрёл меня на очередной год на профсоюзное лидерство или руководство, как хотите. Правда, очередной профсоюзный год затянулся и продлился аж семь календарных лет. В конце концов, расплевавшись с начальством рудника, мелко поворовывавшем, по сравнению с нынешними «прихватизаторами», я гордо покинул по своему хотению высокий пост, а заодно и сплочённые ряды трудового народа.

Так вот, в годы довольно активной профсоюзной деятельности мне приходилось не только молотить языком, но и шевелить мозгами, просиживать штаны на всевозможных совещаниях, съездах, слетах, а также ездить с опытом или за опытом к соседям, пить водку, дарить сувениры и т. д. и т. п.

Однажды судьба свела с редким по тем и этим временам человеком — Федором Селяниным. Федор Тимофеевич руководил Свердловским обкомом горно-металлургического профсоюза. У нас был общий интерес и общая головная боль — санаторий-профилакторий «Кошкуль». Селянин — крупный, громкий, с романтической комсомольской биографией. Удивительно симпатичный собеседник. Я к тому времени уже состоял в писательском Союзе. Успел издать несколько книг. Федор Тимофеевич тоже пописывал стихи. Иногда что-то печатал.

Заблудилась песня в перелеске,
Отдохнуть присела возле пня,
И берёзка в золотых подвесках
Что-то шепчет ей, листву склоня.

Пчелы песне мед душистый носят,
Гостье муравьи венок сплели.
И забыв, что наступила осень,
Над полянкой кружат журавли.

Тишина. Лишь ветка где-то треснет,
Рядом — поле, спелое жнивье...
На траву легла, как в зыбку, песня,
И ветра баюкают ее.

Федор Селянин родился в 1930 году. Окончил Свердловский горный институт. Работал электриком. Строил Качканар.

«Подумать только: у подножия каменной скалы бродили медведи, лоси, можно было заметить маленькие тропки старателей. Ныне же как могучие белые корабли высятся в

зеленом море корпуса фабрик, девятиэтажные жилые дома, а гору Долгую опоясали асфальтированные шоссе...»

Это из книги «Сердце на скале», изданной в 1992 г. в Екатеринбурге, куда вошли комсомольские тетради, стихи и песни.

Весной 1999 года меня пригласили принять участие в поэтическом конкурсе горнометаллургических профсоюзов России. Как-никак я тоже горняк, хоть и бывший. И профсоюзную школу несостоявшегося коммунизма тоже проходил. А 3 августа 1999 г. я стал лауреатом премии имени Ф. Т. Селянина. Пути Господни неисповедимы! Теперь уже канонизированный Федор Тимофеевич напоминал что:

Тишина пройдётся вдоль аллея,
И дорогу день уступит ночи.
Я хочу остаться на земле,
Той, что нам бессмертие пророчит.

Умер Селянин в конце 1998 года.
1999

Такой, например, как Виктор

Если в компартию в 50-е годы я вступал под штормовым напором капитана 3-го ранга Пегова, замполита канонерской лодки «Красное знамя», то с комсомолом отношения складывались совершенно полюбовно. В двенадцать лет добровольно и охотно бегал на сходки в Чудиновскую семилетку, а в тринадцать — досрочно! — мне выдали в районе заветный билет. Случилось это в феврале 1949 года. Не знаю, чего во мне такого выдающегося было в ту пору, что серьёзные люди пошли на явное нарушение устава. Скорее всего ради увеличения поголовья. Комсомол — не более чем игра во взрослых. И несмотря на унылые сборища с надуманными повестками, было в нем много хорошего и полезного. Съезды, фестивали, стройотряды, общения, знакомства, дружба... И не вина большинства таких, как я, в том, что из комсомола сделали партийную «шестёрку», кормушку для

молодых номенклатурщиков, наконец, кадровый инкубатор для «старших товарищей».

Лично меня все это мало касалось. Я выбрал другой путь, но комсомолу благодарен, хоть и не знаю за что. Может, за хороших ребят, которые в нем водились. Таких, например, как Виктор Поляничко.

Я не был так уж близок к нему, не входил в его круг, не набивался в друзья, не посвящал ему свои несовершенные опусы. Он симпатизировал мне, я — ему. Как творческому человеку Поляничко нравились мои стихи. И это выражалось не только присуждением премии «Орленок» за первую книжку «Белое, синее». Уже работая в Москве, в Баку, в Кабуле, Виктор Петрович не забывал, интересовался... «А как там Коля Година?» — прямо с порога спрашивал Поляничко у Кости Скворцова, заехавшего однажды в московскую лечебницу, где врачевался наш земляк. Иногда на миасский адрес приходили скупые открытки с пожеланием успеха. Помнил, значит.

В свое время Виктор Поляничко наведывался в ростовское литературное общество на «Россельмаше», которым руководил пресловутый Анатолий Софронов. Писал стихи, очерки, заметки.

«И снова горы. Хвойный лес, простроченный белой прошивой березняка. Мы взобрались на перевал, осмотрелись: на склонах задумчивых гор — золотые островки берёз, выше — белые облака.

Мы все горы облазили,
Переплыли Урал —
Меж Европой и Азией
Он волною играл.
Это явь, не фантазия —
Ясно зеркало вод:
Видим, облако в Азию
Из Европы плывет».

Это из книги Виктора «Река весны». Стихи будто перекликаются с моей «Малиной»:

В Европу ходим за малиной,
Тут недалеко напрямиком,
За речкой узкою, но длинной,
За озером Тургояком.

Вообще, несмотря на внешнюю монументальность и даже легкую угрюмость, Виктор Петрович был добряком с лирическим уклоном: «Встречаем рассвет. Подкрашенные зарей облака, над нами алмазной каплей искрится утренняя звезда. Все это отражается и легонько колыхнется в Урале».

Как-то он пригласил вместе пообедать на Старую площадь. Говорили о стихах, об уральских знакомых. О своей новой работе Виктор говорил без охоты и безо всякого удовольствия. Я думаю, без особого желания он брался по уговору и за коммерческую затею, оставшись не у дел в начале 90-х годов. Не получился из него производственник по выпечке вкусного и дешёвого хлеба. У него была совсем иная судьба.

Я жалею, что челябинские партийцы не смогли в подходящий момент договориться друг с другом о кандидатуре Поляничко на роль первого секретаря обкома. А ведь он давал согласие оставить Бакинское кресло.

Недавно на глаза попался журнал «Наш современник» с отрывком довольно неважного сочинения Проханова «Красно-коричневый», где в герое по прозвищу Вельможа неявно просматривался Виктор Петрович. «Голова Вельможи покоилась на подушке, продавливая ее своей тяжестью. Серо-голубое лицо, покатый лоб, лохматые брови, выпуклые закрытые веки, большой, набрякший нос и тяжёлый торчащий из гроба подбородок — все было грубо слеplено, смещено остановившейся гримасой боли и недоумения. В этой гримасе был последний отпечаток излетевшей жизни, когда на просёлке, среди тополей, он умирал на сиденье «Волги», простреленный очередью. И кто-то осторожно, позвериному, выходил на обочину, приближался к торчащей из кювета машине, хрустел по крошкам стекла, поднимал ствол для контрольного выстрела. Именно в этот момент

дернулось, остановилось на лице Вельможи выражение боли и изумления. Осталось навсегда, как след ветра, замороженный в застывшее озеро».

Наверное, так и было. Погиб в осетино-ингушских краях, преданный всеми нами, большой во всех смыслах человек с украинской хлебной фамилией Поляничко.

На моем столе под стеклом лежит старая фотография молодого Виктора, а в шкафу хорошо сохранившийся комсомольский билет ученика 5-го класса Чудиновской семилетки Коли Годины, с грустью напоминающие о первозданных временах нашей юности.

2000

«Все, что было его, — нынче ваше...»

С Булатом Окуджавой меня познакомил Михаил Львов где-то в 80-х годах. Мы зашли в ЦДЛ не столько выпить, сколько потолкаться среди московской литературной шати, а, может, ради того и другого. Правда, в ЦДЛе чаще всего москвичи оказывались в меньшинстве. А толкалась в основном провинция. Обхаживала, спаивала мелкую сошку, обычно посредственных, если не сказать бездарных, литсотрудников, консультантов, заведующих отделами всевозможных журналов и журнальчиков. Уж больно хотелось нашему захолустному тщеславию, возросшему на четвертых страничках районных газет, отметиться в столичных изданиях. Неважно для начала в «Рабочем корреспонденте» или в «Новом мире».

Окуджава сидел с Евтушенко у входа в большой зал, оба сурово серьезные, с постными, выражающими страдание лицами. С высокой, так сказать, думой на челе.

Михаил Давыдович чуть не за шиворот потащил меня к мэтрам. Сходу выложил обо мне все, что знал. Евтушенко, с которым мы уже общались до этого не раз, поддакнул Львову. Булат Шалвович улыбнулся, привстал и подал худенькую, почти женскую, руку...

С приходом отъявленной демократии имя Окуджавы приобрело какое-то культовое значение. К месту и не к месту

бард замелькал на экранах телевизоров, зазвучал на радио. Стал чуть ли не символом новой, ельцинской, власти.

Стихи Окуджавы, как и Роберта Рождественского, меня по-настоящему никогда не трогали. Обычные, с примесью прозы и юношеской патетики, тексты. Песни в его исполнении тоже. Но это замечательные песни:

Ваше благородие, госпожа разлука,
Мне с тобою холодно, вот такая штука...

Письмецо в конверте
погоды — не рви...
Не везет мне в смерти,
Повезет в любви...

Или

Когда внезапно возникает еще не ясный голос труб,
слова, как ястребы ночные, срываются с горячих губ,
мелодия, как дождь случайный, гремит; и бродит
меж людьми
надежды маленький оркестрик под управлением любви...

На очередной «астафьевской» литературной встрече в 1998 году в Дивногорске за круглым столом выступил некто Шумский из Тюмени: «У Окуджавы — блуд словесный, а не проза. Он такой же, как Бродский. А им сразу музеи и т. п.».

Честное слово, у меня и у моих друзей Вали Курбатова и Миши Кураева тогда появилось острое желание похоронить все, что натворил Шумский, как мы на предыдущих чтениях похоронили бездарные книги другого стихотворца, обозвавшего говном Державина с Буниным. Страсти на грани с экстремизмом, но что поделаешь...

На мой взгляд, такие поэты, как Владимир Соколов, Николай Панченко, Глеб Горбовский, в соответствии с их талантом, конечно же, достойны большего «поклонения», чем

Окуджава например. Но это о-очень личное мнение. А вот к месту, кажется, стихи самого Булата Шалвовича:

У поэта соперников нету
ни на улице и не в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
это он не о вас — о себе.

Руки тонкие к небу возносит,
жизнь и силы по капле губя.
Догорает, прощения просит:
это он не за вас — за себя.

Но когда достигает предела,
и душа отлетает во тьму...
Поле пройдено. Сделано дело.
Вам решать: для чего и кому.

То ли мед, то ли горькая чаша,
то ли адский огонь, то ли храм...
Все, что было его, — нынче ваше.
Все для вас. Посвящается вам.

2000

Другие и Шолохов

В очередном журнале прочитал опус очередного низвергателя Шолохова. Никаким доказательным доводом он не утруждает, а просто скромно до застенчивости прокламирует мысль о том, что «Тихий Дон» написал не Шолохов, а некто другой. Кто именно? — автор не знает. Но Шолохов, дескать, написать не мог. Не мог и все.

«Тихий Дон» попал в мои детские руки в конце 40-х годов. Была уже страсть к чтению, проявлялась и другая — собирать книги. Одной из первых в запечной, поскольку располагалась за печкой на двух негладких полках, библиотеке и стал увесистый фолиант вешенского затворника. Выцыга-

нил я его у одноклассника за детекторный радиоприемник «Комсомолец».

Я никогда не был шолоховским фанатом. Никогда не считал его большим праведником. По мере возможностей читал все, что выходило. Из любимых книг писателя скорее назвал бы «Донские рассказы».

Осенью 1965 года на венском вокзале в газетном киоске случайно увидел «Курьер» с огромным портретом Шолохова. Оказалось, Михаил Александрович стал Нобелевским лауреатом. Конечно же, порадовался за соотечественника, тут же рядом, в кафе, отметив событие кружкой пива и сосисками с горчицей.

Лет через пять, примерно, на одном из литературных семинаров в Москве чуть-чуть было не состоялась встреча с живым классиком, великим россиянином. В то время великим не каждого называли. Не то, что теперь: без стыда и совести навеличивают друг друга все, кому не лень. В точь, как у дедушки Крылова. Так вот, поехали посланцы за писателем в гостиницу «Минск», где временно обитал «апостол соцреализма». Михаил Александрович после очередного бражничества спал беспробудным сном. В общем, не повезло нам. Не судьба, как говорится...

Итак, «Тихий Дон» написал, утверждают одни знатоки, Федор Крюков. Крюкова я тоже читывал, и очерки и рассказы. Совсем другой, на мой неученый взгляд, писатель.

«Тихий Дон» написал, настаивают другие знатоки, Серафимович и подарил Шолохову. А на фига? — выражаясь, спрошу. Что Александру Серафимовичу слава в тягость была?

Не верю я и Татьяне Борисовой, графологу, утверждающей: «Я участвовала в экспертизе по Шолохову и уверена на 100 процентов, что он не является автором «Тихого Дона». Эту книгу он переписал».

Говорят, некий Лев Колодный нашёл рукопись Шолохова. Тогда в чем дело? Показывай. И еще. У юристов есть такое понятие, как презумпция невиновности...

1999

«Тихие беззлые похороны»

В августе 1996 года во время первых «Литературных встреч в провинции» мы жили в получасе езды от Дивногорска в основном лесу на высоком берегу Маны. Уютные деревянные домики базы отдыха какого-то красноярского банка, замечательная столовая, может, даже ресторан, хорошая мебель. Но высшим шиком, конечно, была баня. Просторная, пахнущая дымом и лесом. Топилась баня почти круглосуточно.

Днем мы или ездили, или заседали. Маршрут в основном не менялся: Красноярск, Овсянка, Дивногорск, база отдыха. Дороги в тех местах крутые, извилистые, а водители молодые и без тормозов.

Пишущая братия сразу же поделилась на маленькие группы или товарищества по вкусам, интересам, симпатиям. Я держался ближе к старым знакомым Валентину Курбатову и Олегу Хомутову. Вошёл в наш круг и обаятельный питерец Миша Кураев.

По вечерам после трудов праведных мы устраивались надолго за столами. Не столько ели и пили, сколько говорили, спорили, вспоминали...

И однажды все это вылилось вот во что:

«— Нет такого поэта — Иван Бунин. Прозаик Бунин есть, не спорю.

— И пароход есть “Иван Бунин”, — сказал прозаик из Тобольска.

— Может быть, и пароход есть, — не отдавая нить в случайные руки, стоял на своем Клемазов, — да поэта нет.

— Для Горького есть такой поэт, и не просто поэт, а “первейший поэт наших дней!” — сказал кинематографист из Шарьи...

— ...Хорошо, — обратился Клемазов по имени-отчеству к Ваграмову, — а как вы относитесь к Бродскому?

— Хорошо отношусь к Бродскому, — поспешно ответил Ваграмов...

— ...Да его же никто не знает, только кормящиеся от литературы, его же невозможно пять строк запомнить, это же словопад!..

Неожиданно раздался голос кинематографиста из Шарьи:

— “Вижу колонны замерших внуков, гроб на лафете, лошади круп. Ветер сюда не доносит мне звуков русских военных плачущих труб. Вижу в регалии убранный труп: в смерть уезжает пламенный Жуков...”

— А я что говорил! — рассмеялся Ваграмов... Берет державинского “Снегиря”, достаёт сданный в архив размер дольник, и вот уже пересвистываются века!

— ...А Державин вообще говно, — неожиданно, может быть, и для самого себя выпалил неукротимый Клемазов...

...В эту крайнюю минуту встал из-за стола поэт из Миасса. Уже стоя вытер салфеткой рот, и многие подумали, что сегодня Клемазов все-таки будет бит...»

Дальше события развивались так:

«...Ржаво взвизгнули отодранные гвозди, и красная лопата сама упала к ногам поэта Ивана Хвилины.

Подхватив инструмент и сверток, Хвилина двинулся в сторону бани к обрыву, где шагах в восьми от края белым факелом била из земли высоченная берёза в обхват толщиной.

...Его фигура на фоне облитого лунным светом леса на том берегу казалась вырезанной из черной бумаги, типичный кладоискатель из театра теней.

Работал Хвилина спокойно, неторопливо, тщательно. Сильными ударами сверху вниз обрубал попадавшие корни, ровнял стеночки, и во всех его жестах и движениях обнаруживалась привычка работать в строгом соответствии с замыслом, требовавшим точности и усердия».

А еще дальше вот так:

— ...Чтобы не наводить тень на ясный день, — сказал Ваграмов, — я тут... как бы это сказать... сопроводиловку набросал...

Ваграмов развернул сложенный лист:

“В шестидесяти шагах от этого места, по направлению на восходящий Орион, в Каминной зале базы отдыха Сбербанка пиита злокозненный, Николай сын Клемазов, возгордевся, запсел и возляях хулу на мучеников, страсотерпцев и живых

ревнителем природного русского языка — Бунина Ивана, Бродского Иосифа, Державина Гавриила. (Перечислены в порядке поношения.) Блядословием своим потешил пиита бесов и послужил Князю Тьмы. В утешение и радость бесам и Вождям их препровождает в глубокий Тартар сосуд души беззаконного пииты в трех экземплярах, дабы послужил снедью огню негасимому. Аминь!”

Слава Богу, все кончилось и кончилось таким образом:

...Справились одновременно, Хвилину обхлопывал обратной стороной лопаты аккуратный холмик под берёзой, а Ваграмов как раз совладал с пробкой, налил коньяк в колпачок и протянул Ивану: “Помяни”.

Иван Хвилину с надлежащей паузой выпил и протянул братину Крупчатому.

“Прости, Господи, вольные прегрешения и невольные”, — торопливо проговорил Крупчатое, выпил и вернул колпачок Ваграмову.

— Будешь? — обратился Ваграмов к стоявшему все еще рядом Клемазову. Клемазов помедлил и кивнул.

— Ну вот и хорошо, — наливая коньяк, проговорил Ваграмов. Кстати, похороны очень сближают».

И вместо эпилога.

Позвонил старый друг Женя Федяков из Коркино: «Почитай в “Знамени” № 9 за 1998 год повесть Михаил Кураева “Тихие беззлобные похороны”. Там про тебя написано».

Прочитал, посмеялся. Все так и было. И все мы легко узнаваемы. А Михаилу Николаевичу с меня за излишнее цитирование причитается. Может, наоборот с него, за скрытую рекламу.

1998

«Что в имени тебе моём?»

Начну с рассказа Толи Пчёлкина, лидера магаданской писательской группировки, выражаясь сегодняшним слогом. Да так оно, в общем-то, и есть. Союз писателей рассыпался на мелкие группы, объединения и ассоциации (чуть не на-

писал «бандформирования») , агрессивные и взаимоисключающие...

Итак, в квартире Пчёлкиных раздался междугородный звонок. Жена сняла трубку. «Здравствуйте. Вас беспокоит Борис Березовский. Мне бы...» — «Так это вы и есть! — перебила жена. — Что же это вы, Борис Абрамович, вытворяете с Россией?! Толя! Тебя тот самый Березовский...»

У меня было по-другому. Борис Леонидович Березовский, генеральный директор Санкт-Петербургского отделения Международной ассоциации содействия культуре от имени оргкомитета во главе с губернатором Яковлевым письменно и официально пригласил на Международный конгресс поэтов, посвящённый 200-летию А. С. Пушкина.

Ехал я на поезде беззаботно и с повышенным настроением. Подумать только, двадцать восемь лет не был в городе на Неве. В 1971 году, возвращаясь из Швеции, заскочил на пару дней в Ленинград к Сане Ивановскому. Пообщались, погудели. Умудрились даже побывать в закрытом еще Кронштадте, где последние два года в 50-х дослуживали на военных кораблях.

Ехать на поезде одно удовольствие. Читаешь, спишь, глязишь в окно. Вот в такие минуты я категорически не согласен с Кьеркегором, что «жизнь моя остается все же всего лишь жизнь поэта».

Однажды, полусонный, я заглянул в вечернее окно и увидел незнакомую станцию с каким-то дырявым и даже абразивным названием «Шарья». Откуда она здесь? В городе с таким именем живет мой давний приятель Олег Хомяков, киношный редактор и писатель. Но это, казалось, где-то за три девять земель...

На конгресс поэтов съехалось около двухсот стихотворцев и их планетарных спутников: критиков, переводчиков, литературоведов почти из двух десятков стран ближнего и дальнего зарубежья. Достодолжные приборы, наверное, отметили бы в данное время и в данном месте явственную аномалию. Особенно 4 июня, в первый день конгресса, в Таврическом дворце, когда после торжественных слов казенных

людей началось «Поэтическое приношение» — удостоенные поэты читали свои, а изредка и пушкинские стихи.

Зачинщицей выступила баснословная Белла, раскрашенная под «европейский ремонт», который не смог скрыть следов бурной, не всегда праведной жизни. Как обычно в черном, на «тонких эротических ножках», опрокинув голову, нараспев, по-ахмадулински, читала «Дачный роман»:

«...Как будто фосфор ядовитый,
в меня вселился — еле видный,
доныне излучает свет
ладонь...» — с печалью деловитой
я поняла, что он — поэт,
и заскучала...

«С печалью деловитой» читал Саша Кушнер. Рука его с листком стихотворения мелко дрожала, почти так же, как и у нас в Челябинске 22 мая 1998 года. Волновался...

Читал Глеб Горбовский, один из симпатичных мне поэтов. Спившийся до ручки, опухший и, конечно, нетрезвый, он долго пробирался к микрофону, размахивая пластиковым пакетом, из которого потом извлек несколько помятых листочков. Но это были уже не стихи...

Много чудачков на свете. Один из них Дмитрий Александрович Пригов.

Моя здоровая нога,
С утра наевшись творога.
Пока я бедный голодаю,
Здоровая и молодая,
По улице пошла гулять.
Куда же ты, едрёна мать !

Это из книги «Явление стиха после его смерти», подписанной мне еще года за два до петербургского конгресса. И так, шикарный Таврический дворец вдруг наполнился какими-то первобытными звуками. Дмитрий Александрович пел,

а точнее орал буддийские мантры. Зал хихикал, злословил, удивлялся. Во второй половине дня здесь же Пригов выступил на пленарном заседании с докладом «Тактика и стратегия художников современной культурной ситуации (как низкое становится высоким, а высокое серьёзным)». И тут уж случился полный скандал. Зал бурлил, кричал, топал ногами. Особенно неистовствовали Коржавин, Казакова, Ковальджи...

Да, с поэтами нелегко. Уж очень они не любят походить друг на друга. Вот и талантливый Виктор Соснора не читал и даже не пел, а мычал свои стихи минут пятнадцать. Я так ни слова и не разобрал. Говорили, что на японском языке...

Звучало много хороших и отличных стихов. Читали Кибиров и Кинжеев, похожий на Карла Маркса Кривулин и Гандлевский, заунывный Рейн и Казакова, Солнцев и... Чуть не сказал: Чухонцев. К сожалению, Олег не смог приехать, хотя приглашенным был.

Меня почему-то представили белорусским поэтом. Правда, потом поправились. А читал я «Баркова», поскольку других стихов, связанных с Пушкиным, у меня просто нет. К моему удовольствию стихи искушенной публике понравились. В перерыве подошли и поздравили Римма Казакова, Елена Елагина, Мариэтта Чудакова. Юрий Колкер, из Англии, попросил книгу. И подарил свою.

6 июня началось с поездки на Мойку, 12. После ремонта открылся музей. Во двор долго не пускали — прибыл губернатор со свитой. Беллу в белой шляпе под белы ручки пробовали вести вперед. Милиция стояла насмерть. Казакова ворчала сзади: «Суют ее (Ахмадулину) всюду. Понавезла шляп целую дюжину, а у меня — одна!»

Стихи читали у памятника Александру Сергеевичу. Я проскочил одним из первых, и мне повезло. Вскоре грянул гром, хлынул такой дождь — спасу нет! Толпа рассеялась. Остался только Пушкин. Кто-то сказал: «Надоело ему слушать...»

Нарочно опускаю доклады, дискуссии, культурные, так сказать, мероприятия. Что может быть лучше застольных

знакомств, общения со старыми друзьями, стихов попеременно с писательскими историями. Забавный парень Коля Игнатенко из Томска. Регулярно спаивал Казакову и отправлялся на поиски Ахмадулиной, чтобы с ней сфотографироваться. Обещал распропагандировать в Сибири мои, написанные в соавторстве с А. С. П. хулиганские стихи:

Что в имени тебе моем,
Когда мы без трусов вдвоем!

В общем работали, веселились. И никаких тебе истерических воплей по поводу гибели России и умирания культуры. Пока есть Пушкин, пока жива любовь к нему в народе — у нас есть будущее. А бездарные правители и раньше были...

И на посошок. Первый конгресс поэтов состоялся в 1899 году, в столетний юбилей русского гения. Теперь вот второй. Рассчитываю побывать и на третьем, в 2099 году. Во всяком случае устное приглашение уже получил.

1999

«Еще до Осовавиахима играл...»

Если я не ошибаюсь, в 1972 году Р. И. Эйленкриг показывал в Миассе кинофильм «Никакая там не знаменитость», где и представил меня, доморощенного героя документальной ленты, своему учителю Леониду Оболенскому.

До этого я практически ничего не знал о Леониде Леонидовиче. Сначала меня оглушили обывательскими и официальными сплетнями. И предатель, дескать, и развратник. Кивали на госбезопасность, на очевидцев. Упоминали похабные откритки якобы от бывшей, давно спившейся жены...

Наконец, мы подружились. Стали бывать друг у друга. Сплотилась даже компания во главе с Мишей Терентьевым, лидером миасских фотохудожников. Было подъёмное время для творческих поисков, патриотических побуждений. Нашлась и общая проблема — спасение озера Тургояк.

Однажды, где-то году в 80-м, накануне 1 апреля мы столкнулись с Леонидом Леонидовичем на проспекте Автозавод-

цев. Он вел под руку незнакомую глазастую диву. Я пригласил Оболенского поучаствовать в городской юморине. Леонид Леонидович рассмеялся:

— Вот самый смешной номер: женюсь!

Я гостился на дружеской вечеринке. Жених называл мамой свою тещу, которая лет тридцать уступала ему. И мне, провинциалу, казалось происходящее скорее плоскодонной хохмой.

Леонидыч, как мы почти все его уветливо называли, с участливым благоволением относился к моим стихам, особенно к верлибрам. Он не раз сравнивал их с музыкальными миниатюрами Клода Дебюсси. На одной из фотографий 13 февраля 1977 года он оставил беглый инскрипт: «С Вами, Николай, забываю, что мне 75. Спасибо за Вашу светлую речь к людям».

Я не знаю, писал ли сам он стихи, но стиховедением, как и многим другим, занимался. Помню, к примеру, разработал формулу, по которой можно было запросто рифмовать «под Вознесенского».

После женитьбы Леонид Леонидович заметно оживился. Появилась, казалось, возможность перебраться поближе к Москве. Его приглашали сниматься.

В январе 1982 года я, шутки ради, написал стихотворение «Оболенский-80», которое и прочитал на юбилейном вечере в ДК «Прометей»:

Родила мама Леонида
Дав-ным дав-но.
И выпала ему планида
Играть в кино.
Играл он тех и этих столь-ко,
Игру любя.
Играет и теперь, но только
Увы, себя.
Еще до ОСОАВИАХИМА
Играл...

Леонидыч смеялся:

— Зато мне не надо гримироваться!

С ним было легко. Не чувствовалось разницы в возрасте, разве что в житейской мудрости. Он никогда не вел «диссидентских» разговоров. И никогда не путал Родину с начальством.

В последние годы, перебравшись в Челябинск, я редко навещался к Оболенскому. Доживал он довольно скудно, даже бедно. Почти не выходил на улицу. Друзья, как могли, помогали ему.

Он умер 19 ноября 1991 года. Мы все стояли поочерёдно у гроба в почётном карауле. В северной части Миасса, за Машгородком, на перенаселённом кладбище слегка холмится его могила.

1998

Несколько эпизодов из жизни «ушедшего объекта»

Фрау Марта

Где-то в начале 30-х годов удачливая судьба забросила молодого чечёточника и киношника в Берлин на фабрику грез УФА. Советскую киноиндустрию интересовал звук в кино. Были какие-то наработки, но не было опыта. На приеме, устроенном по случаю приезда Леонида Леонидовича, директор киноцентра спросил:

— Как вы, герр Оболенский, отнесётесь к тому, что мы вам предоставим отдельный коттедж? Там прекрасная хозяйка фрау Марта. Если она за вами будет ухаживать, вы не будете возражать?

— Нет, конечно.

Фрау Марта не подвела: всегда чистое белье, сорочки, изысканная еда. Однажды хозяйка, смущаясь, спросила Леонида Леонидовича:

— Скажите, герр Оболенский, вы всем довольны?

— Да, спасибо, всем.

— А как женщина я вас не интересую?

— Отчего же, — стушевался постоялец.

Все когда-то кончается. Задание выполнено. Состоялась удачная сделка с немцами. На прощальном ужине директор кинофабрики обратился к отъезжающему:

– Хочу спросить, всем ли довольны, герр Оболенский?

– Да, очень.

– А как вам фрау Марта?

Леонид Леонидович не подозревал о чем речь:

– Ну, что вы, выше всяких похвал. – Сделав небольшую паузу, добавил: – Между прочим, это моя жена.

Шанс

Оболенский еще был в Берлине, когда группа советских кинодеятелей – Эйзенштейн, Александров, Тиссэ – по пути в Мексику заглянули в столицу Германии. Пригласили за океан и Леонида Леонидовича, но он отказался. Интересная работа под теплым боком фрау Марты для него оказалась предпочтительней.

В один из вечеров в шикарном ресторане режиссёр Джо-зеф фон Штерн, снимавший фильм «Голубой ангел», передал Сергею Михайловичу желание Марлен Дитрих потанцевать. Эйзенштейн не был хорошим танцором и любезно переадресовал маленький каприз очаровательной актрисы Оболенскому. Леонид Леонидович своего шанса не упустил.

Защитник

Война есть война. Вместе с профессорами и доцентами недавний преподаватель ВГИКа Оболенский оказался ополченцем в подмосковных лесах. Государство вооружило своего защитника тяжёлой кинокамерой, выделило возницу с телегой и строго наказало не пропустить героического момента при разгроме захватчиков, запечатлеть нашу победу под Москвой.

Увы, ополчение вскоре попало в брянско-вяземское окружение. Во время обстрела возница сбежал вместе с телегой и аппаратурой, а Леонид Леонидович лежал контуженным на дне сырой воронки. Подошёл немецкий офицер с двумя солдатами.

- Ауфштейн!
- Их бин кранк.
- Офицер приказал солдатам: «Поднимите».
- Кто ты?
- Я артист.
- Ага, артист! Как же ты, артист, попал сюда?

Разговор шел на немецком и на латыни. Немец понял, что перед ним действительно не солдат...

В свое время человек из органов прямолинейно в лоб спросит Оболенского:

- Почему же ты, советский человек, не покончил с собой, а стал работать на врага?
- Я хотел жить.

Ромео и Джульетта

Одним из самых эффективных способов борьбы с политзаключёнными или к ним приравненными было «шефство» уголовников. По сговору с администрацией за каждым эком стоял один, а то и два блатаря. Почти каждую ночь случались в бараках трагедии. Когда все спали, намеченную жертву будили, снимали с нее кальсоны и на этих кальсонах вешали. Повод? Да любой. «Морда мне твоя не нравится», – к примеру.

Оболенский почувствовал: не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра придёт его черед. Он был так измучен, обессилен, что даже подумывал: «Скорей бы уж конец».

И вот однажды ночью приходят и к нему. Он понимает все, но тут в экстремальной ситуации как всегда срабатывает инстинкт самосохранения. Человек хочет жить!

– Знаете что, – говорит он «шефам», – я вижу, пришёл мой конец. Но, если чуть-чуть потерпите, я расскажу напоследок одну интересную историю.

И стал рассказывать историю Ромео и Джульетты. Во время этого рассказа он почувствовал, что куда-то уходит все дальше и дальше от ночного кошмара. Сделалось легко-легко. Рассказывает, а сам себе думает: «Ах, умирать это совсем не страшно. Сейчас умру и никаких пыток».

И продолжает говорить-говорить. Сколько это длится, не помнит. И вдруг, очнувшись, слышит тако-ой художественный мат. Открыл глаза, а главарь ему:

— Ты что, падлю, решил подохнуть и недорассказать нам про Ромео и Джульетту?

Оказывается ему ввели в мышцу адреналин.

— Не вздумай, — пригрозил, — вот когда закончишь, тогда мы и решим, что с тобой делать.

Так в течение нескольких вечеров Леонид Леонидович понемногу рассказывал. Когда шекспировская история закончилась, главарь сказал своим:

— Этот старик должен жить и, если хоть один волос упадет с его головы...

Так инстинкт самосохранения и находчивость в который раз ему помогли остаться в живых.

Объект

Зэка Оболенского вызвал начальник строительства:

— Борода, я слышал ты маляешь?

— Так точно.

— Так вот. Я получил новую квартиру. Ничего, неплохая. Дело в туалете: зайдёшь, сядешь — ну, никаких мыслей! Не мог бы ты придумать что-нибудь такое...

— Так точно, могу.

— Сделай, голубчик, а я прикажу двойную пайку тебе выделить. Закончишь, подыщем работёнку полегче. Хватит камни таскать.

Леонид Леонидович крепко почесал ту самую бороду, за которую получил прозвище и решил, что цвет мрамора наиболее благородный цвет для туалета.

Шли дни, объект преображался. Мастер не спешил: все-таки две пайки — не одна пайка. Да и никто особенно не торопил. А когда дело было сделано, хозяин пригласил к себе и сказал:

— Ну тебя, старик, следует беречь. Надо ж так, захожу, сажусь — мысли идут и идут.

Мадам Судейкина

Да, мадам Судейкина, как в шутку и вроде подчёркнуто неуважительно называл свою бывшую жену, кажется, опереточную актрису, Оболенский. Предавшую в свое время и теперь не оправдавшую надежд вчерашнего лагерника. Она, конечно, приютила временно его, притом выговорила:

— Ленечка, хорошо что вы приехали, но не хочется, чтобы мы вместе находились.

— Отчего же?

— Знаете, в нашем возрасте как-то неудобно, когда два старика в одной квартире.

В Москве Леониду Леонидовичу жить и работать не разрешалось. Потому расчёт на то, что пока он адаптируется, гроза пройдёт и он осядет в столице рядом с друзьями, которые тоже поначалу отвернулись от него, не оправдался. Кроме того, каждое утро садясь за стол и съедая два яйца всмятку, не предполагал, что это вызовет у мадам Судейкиной бурю возмущения:

— Как ты можешь, интеллигент, позволить себе два яйца всмятку!

И однажды, не вытерпев, хлопнул рукой по столу, сгреб барахлишко и отправился на московский вокзал. Две ночи кое-как перекантывался, купил билет до Свердловска и уехал. Кто-то сказал, что там его могут взять на работу.

Встреча

Работая на Свердловской киностудии, Леонид Оболенский снял свой первый фильм «Тайна булата».

Существовало такое правило, а может и сейчас существует, снятую картину режиссёр везет в Москву в Главное управление по производству фильмов. Если там принимают, то картина имеет право на прокат.

В аэропорту Кольцово Оболенский ждет свой самолет. Ходит из зала в зал, из зала в зал. И вдруг видит очень знакомое лицо. Великолепный костюм, белоснежная сорочка и... Золотая звезда Героя. Леонид Леонидович еще раз проходит

мимо. Человек поднимается навстречу. Так, мол, и так... Север, такие-то годы. Вас называли Борода...

— Да, это я, — признался бывший экз.

— Боже мой! — воскликнул герой. Пожал руку и пригласил:

— Пойдёмте в ресторан, закажем коньячку — такая встреча!

Оболенский никак не мог отвести глаз от звезды. Где-то глубоко-глубоко, но настойчиво пробивалась мысль: «За наш рабский труд заработал себе славу».

И к великому разочарованию «знакомых лиц», сославшись на здоровье, вежливо отказывается. И вскоре улетает.

Это был начальник минусинской шахты «Черногорка».

Режиссер

После съемок «Гайны булата» на Свердловской киностудии наступила пауза. Никто и никуда Оболенского не приглашал. Через какое-то время ему все-таки дали возможность снять 10-минутный документальный фильм о наглядной агитации в цехе «Уралмаша».

Приехала группа в цех. Леониду Леонидовичу поставили кресло и стол с табличкой «Режиссёр». Бегают осветители, что-то оператор делает. Оболенский сидит, ждет, когда к нему подойдут и скажут: «Все готово, можно снимать». Время идет, но никто не подходит. Бригада по-прежнему чем-то занята, что-то там, в глубине цеха, происходит, а режиссёр при своих мыслях: «Ну не может же быть так долго! Скоро смена кончится...» Подзывает ассистента и спрашивает:

— Что же это мы затанули? Когда же мы начнём съемки? Ассистент удивленно:

— А мы уже.

— Что уже?

— Мы уже сняли. Оболенский ахнул:

— Так я-то зачем здесь!

Вернулись на студию. Леонид Леонидович написал заявление: «Прошу уволить, поскольку моя профессия здесь

не нужна». Вскоре мастер покинул Свердловск и переехал в Челябинск.

В кабинете Ленина

— Снимая «Крылатых мастеров», — рассказывал Рафаил Исаевич Эйленкриг, — узнали, что златоустовцы подарили Ленину разрезной нож для бумаги. Поехали с Оболенским в Москву. Обратились к хранителю Оружейной палаты, чтобы он в ночное время провел нас в кабинет вождя.

— Так-то нельзя, — сказал он, — но если у вас есть деньги, то я договорюсь официально с начальством. Сделать смогу только тогда, когда Хрущев уедет из Москвы.

Так и случилось. Через несколько дней Никита Сергеевич уехал на целину. И вот ночью нас ведут в ленинский кабинет. Условие: 25 минут. Когда мы переступили порог, Леонид Леонидович буквально остолбенел: стоит, как столб, что-то шепчет сам себе...

— Леонидыч, время идет! — одернул я. Он как бы очнулся.

Там произошла любопытная история. Требовалось отодвинуть огромное кресло Ленина. Нас сопровождал капитан и два солдата.

— Товарищ капитан, нужно кресло отодвинуть.

— Нельзя, не положено.

Оболенский как бы отсутствовал. Боялся вступать в какие-либо разговоры, чтобы не привлекать к себе внимание. Лагерный синдром.

— Время-то идет, товарищ капитан!

— А вы попробуйте сами.

Я подошёл сзади, взялся за спинку и меня будто током ударило: «Кто я и кто он, здесь сидевший!» Я попробовал еще раз — то же самое. Поэтому кадры получились не совсем удачные. Но сняли.

Уже в гостинице я спросил Оболенского:

— Что с вами было, Леонид Леонидович?

— Знаете, когда я переступил порог кабинета, представил себе как заходил сюда мой отец. Он был «красным дипломатом». Выполнял особые поручения.

И помолчав, с грустью добавил:

— Эх, отец, отец, если б ты знал, куда занесла судьба твоего блудного сына!

В Миассе — это в космосе?

В начале 70-х годов именитый баловень иных времен Григорий Александров вкупе с чехами и немцами снимал кинофильм «Скворец и лира». Власть, шпионские игры, любовь... И все это, естественно, с неповторимой Любовью Орловой. Режиссер пригласил на съемки и Леонида Оболенского. Правда, на маленькую эпизодическую роль. Фильм снимался трудно, с большими перерывами... В конце концов Леонид Леонидович попросту забыл о приглашении. Отсиживался в своем Миассе. Возился с местными фотохудожниками. Консультировал, организовывал, играл свою главную, может, лучшую роль.

Однажды столичный звонок потревожил Челябинскую киностудию: «Помогите разыскать Оболенского. Говорят, он где-то в ваших краях обитает». Звонили с «Мосфильма».

Миасский отшельник скоро собрался и направился в белокаменную. Буквально в первый же день в длинном-длинном коридоре студии Оболенский сталкивается с Орловой.

— Боже мой, Ленечка! Наконец-то. Мы столько времени вас разыскиваем. Никак не можем начать... Кстати, я хотела вас спросить, где вы живете?

— Я живу в Миассе.

— А это где, в космосе, что ли?..

Между прочим, «Скворец и лира» так и не вышел на экраны. Запрещение, возможно, сводилось к последней воле популярной актрисы, разочаровавшейся своею игрой. Были и другие предположения.

Кто это всё придумал?

Известный режиссёр Иван Правов, снявший на пороге войны фильм о старателях «Парень из тайги», через пятнадцать лет вернулся к этой теме. Снял по произведениям Мамина-Сибиряка «Во власти золота».

В окрестностях Миасса недалеко от Тургояка была выбрана съемочная площадка. Построили на бугре копёр, провели узкоколейку. Набрали добровольцев для массовок. Жара стояла неимоверная.

Мужики в брезентовых робах сновали с тачками по настилу туда-сюда, туда-сюда. Устали. Перерыв. Подходит один ко второму режиссёру — Оболенскому:

— Извини, вижу из всех тут, которые бегают и кричат, ты самый спокойный. Так вот, хочу спросить: «Кто это всё придумал?»

Леонид Леонидович, как человек интеллигентный, отвечает:

— Видите ли, это всё придумал Мамин-Сибиряк.

И вдруг раздаётся трехэтажный мат:

— Вы подумайте, что же это творится? Один сибиряк придумал, а столько мужиков мается!

Наоборот

Едут по Нижнему Тагилу в трамвае Оболенский с помощником. Едут со съёмок «Находки». Усталые, притихшие, погрузневшие. Особенно Леонид Леонидович. Чтобы разведелить мастера, коллега кричит на весь вагон:

— Леонидыч, посмотрите! Утром-то, когда мы ехали, Ефимка Черепанов стоял, а Миронка сидел. Теперь наоборот...

— Боже мой! — подыграл Оболенский.

Пассажиры повскакивали с мест и, толкаясь, дружно ринули к окнам.

Между прочим

Между прочим, Леонид Оболенский по каким-то, только ему известным, признакам отыскивал исполнителей для своих фильмов нередко на пляжах. Таким, к примеру, способом однажды он высмотрел токаря Челябинского металлургического завода Юрия Филиппева на роль Ивана Бушуева в «Крылатых мастерах». И где бы вы думали? На одном из пляжей у реки Миасс в центре города. Теперь этого пляжа, естественно, нет.

Дерби

Перебравшись в Челябинск, Оболенский работал на студии и параллельно занимался фотографией, приглашая к себе домой девушек-натурщиц. Скопилась целая фототека. Мастер получал от этого занятия удовольствие. Но однажды фотографии попали к его гражданской жене Анне, которую Леонид Леонидович привёз с собою из Туруханского края. Как раз готовились документы в Союз кинематографистов на присвоение звания «Заслуженный артист РСФСР». Анна, не долго думая, отправила фотографии в Москву. Знаем, времена были строгими: по любой жалобе тут же затевалось персональное дело. Несмотря на то, что к Оболенскому все хорошо относились, с рассмотрением документов решили повременить.

Как-то поехал он по делам в столицу. Остановился у своего старого приятеля. Тот до выхода на пенсию работал много лет в кордебалете Большого театра. Одинокий, обеспеченный. Шикарная квартира. И — страсть к танцовщицам. У него был список всего наличного состава группы. По очереди пенсионер приглашал к себе балерину, молодую, голодную. Целый день ходил по квартире взволнованный. Сервировал стол: вино, закуски. Принимал ароматический душ, изысканно одевался. Наконец, звонок. Приходила очередная Тоня или Таня. Хозяин сходу отправлял ее в душ. Выходила свежая, цветущая. А потом такая пауза: они долго смотрели друг другу в глаза. Каждый отлично понимал, за чем это все. И он говорил:

— Ну, беги!

Это называлось у него ипподромным словом «дерби» — скачки. Она, смеясь, убежала, халатик ее очаровательно распахивался. Он возбуждённо восклицал:

— Ой, догоню! Ой, догоню!

Где-то на третьем круге балерун, почти бездыханный, падал в кресло. Беглянка хлопотала рядом, обмахивала его, чмокала в лоб и гладила:

— Ну что вы, успокойтесь, в следующий раз обязательно догоните.

Он петушился:

— Знаешь, что я тебе скажу? Вот если бы я тебя догнал, то точно бы...

Так вот этот самый приятель и говорит уральскому гостю:

— Слушай, Лёня, ну как я не понимаю, ты в таком возрасте, когда, чтобы себе не позволил, ты не подлежишь обсуждению и каким-то там отсрочкам званий.

Собеседник

— Знаете, как скрашиваю свое одиночество? — спрашивал Леонид Леонидович. — Я использую магнитофон.

И подходил к аппарату, нажимал кнопку:

— А, старина, добрый вечер! Ты пришёл, и я надеюсь, день у тебя сегодня был удачен. Ты ведь не один пришёл? Ты пришёл со своим другом. Ну что ж, раздевай гостя и, главное, не ленись. Открой холодильник, у тебя там что-то есть — разогреешь, и вы поужинаете. А захочешь, там в самом уголке спрятано мороженое. Ты же так любишь мороженое! Сделай перед сном коктейль...

Оболенский записывал разные программы. Ему все время нужен был собеседник. С одной стороны, это как бы забава, а с другой — трагедия.

Стресс

Киностудия, где одно время подвизался и Леонид Оболенский, ничем особым не отличалась от других. Та же, скрытая от посторонних, профессиональная возня, те же склоки и свары, подсиживания и нашёптывания. В общем, обычное «творческое» соперничество.

— Знаете, — рассказывал Леонид Леонидович, — я вчера испытал самое большое желание высказать в глаза «этим» все, что я о них думаю. Стресс был таким — я пришёл домой, разделся, выложил на стол протезные зубы, а они все еще чакали от возмущения!

Свое мнение

Однажды на съёмочной площадке Леонид Леонидович неожиданно спросил у помощника:

- Скажите, Рафонька, у вас есть свое мнение?
- Ну как же... есть, наверное. А у вас разве его уже нет?
- Отчего же, оно у меня есть. Только дело в том, что я с ним не согласен.

Анна Каренина

– Рафонька, – задумчиво спросил однажды Леонид Леонидович, – как вы думаете, почему покончила жизнь самоубийством Анна Каренина?

– Скорее всего, это был своеобразный протест против общества, в котором она жила. Общества насилия, деспотии. Ей не хватало воздуха... Она, если заметили, достаточно свободолобива...

Оболенский слушал-слушал, а он умел слушать. Потом неожиданно сказал:

– Это все случилось с ней только лишь потому, что она была охоча и ненасытна.

Неординарный случай

Сидит как-то Леонид Леонидович на балконе второго этажа по улице Сони Кривой. Дышит, любителю, размышляет. И вдруг – ж-жик! Заглянул за ограждение, а там в кустах молодая-красивая валяется. Муж с третьего этажа выбросил. Старый джентльмен спустился вниз, поднял, отряхнул и позвал: «Пойдем, Золотина».

Привёл домой, приготовил ванну и давай птичке перышки чистить. И тут Анна нарисовалась, как всегда пьяная. Сколько ни доказывал, что такой неординарный случай, – не поверила.

Доспехи

– Раф, не пойдёте ли со мной в спортивный магазин? – позвал приятеля Оболенский. – Я хочу купить себе доспехи хоккеиста.

– Зачем?

– У меня такие неприятности. Анна исцарапала напильником всю оптику, чтобы не снимал. Сказала, что когда я буду спать, она ударит этим напильником меня в темечко. Поэтому я буду ложиться в шлеме.

Умножение

Предпоследние годы Оболенский много снимался. В основном в эпизодических ролях.

Звонит однажды с балтийских берегов режиссёр фильма, в котором занят был и Леонид Леонидович, просит приехать. Выяснилось, что в монтаже не хватает крупного плана актера.

Студия, съёмочная площадка, обычная суэта. Режиссёр и говорит:

– Леонид Леонидович, вы готовы? Сейчас начнём. Ваше лицо должно выражать нечто такое, чтобы вызывало удивление, а потом как бы разочарование.

– Это что же? – молчаливо вопрошает Оболенский. – Неужели ты сам не мог придумать что-нибудь такое? А давай-ка я придумаю тебе сейчас и ты, наверное, будешь доволен. «Внимание, съёмка!»

– Я сию, – рассказывал Оболенский, – сию, а потом говорю себе: «Слушай, старина, ты можешь 6250 умножить на 7300?». Но вспомнил: «Боже мой, я же плохо таблицу умножения знаю!».

– Вот-вот! – восторженно восклицает режиссёр. – Это и нужно было.

Режиссёр так и не узнал об одном из многочисленных актерских секретов мастера.

Эффект Оболенского

Вокруг имени «ушедшего объекта» много слюней.

Слюни обожания, слюни ненависти, просто слюни по конкретному поводу. А поводы случались.

Ходило и ходит множество противоречивых, абсолютно необоснованных легенд о жизни и творчестве Оболенского. Автором многих из них был сам Леонид Леонидович.

Недавно прочитал я в уральском журнале воспоминания Олега Хомякова, поэта и прозаика, человека симпатичного и, естественно, честного. Олег несколько лет проработал редактором на Свердловской и Одесской киностудиях. Какое-то время бок о бок с нашим героем. Заметки Хомякова построены в виде диалога, беседы со старейшим кинематографистом. Вот идет разговор об игровом фильме «Трубка» — странице легендарной сталинианы. Пионеры находят в сибирских краях курительную трубку ссыльного большевика и везут в Москву. Вождь, которого сыграл актер с удивительным портретным сходством Гоберидзе, трубку признает, благодарит детей.

Посмотрев фильм, Сталин, покуривая другую трубку, долго молчит, потом спрашивает: «Кто снимал?» — «Оболенский, товарищ Сталин». «Хитрый режиссер...» Фильм закрыли, а Оболенскому перестали давать постановки.

Дело в том, что «Трубки» никогда не было. Был примитивный детский фильм «Сибиряки», снятый Львом Кулешовым. А вот Леонид Леонидович в нем представлен только звукооператором. Конечно, Сталин имени звукооператора, может, и знать не знал. А легенда живет. Кто автор?

В своем маленьком мемуаре «Еще до Осоавиахима...» я давно расставил все точки в довольно добрых взаимоотношениях с Леонидом Леонидовичем.

С огорчением добавлю: несмотря на талантливую, пусть черно-белую, и долгую жизнь, Оболенский так и не смог создать ничего значительного, цельного. Как бы не реализовался по объективным и субъективным причинам. Эффект Оболенского...

2002

Посвящения. Пародии

Николай Грачёв

* * *

*Николаю Године,
в минуту заочного знакомства*

Улетели кукушки.
Обмолочена рожь.
Лед на зорьке в кадлушке
Кулаком не пробьёшь.

Ветер свищет и плачет.
Небо сеет снежком.
Брови милая прячет
Под пуховым платком.

Белый снег. Белый иней.
В белом роцца и сад.
И один только синий
Твой, с лукавинкой, взгляд.
г. Иваново

Станислав Слепенков

* * *

Николаю Године

Все шло обычно, как заведено:
Плыла Земля по замкнутости круга,
Нырлял корабль и, как веретено,
Входил в волну зеленую упруго.

А под волной рогатые шары
С времен войны добычу сторожили...
Но мы с тобою все-таки дожили
До сединой отмеченной поры.

Лежали в клюзах плотно якоря,
И воду винт кромсал неутомимо...
За нас молились матери не зря:
Прошли шары заржавленные мимо.

Александр Кердан

О ценностях

Николаю Године

Спорим.
когда наступит
новое тысячелетие,
есть ли жизнь на Марсе,
что такое полтергейст?..
Забываем
поздравить с днем рожденья
маму...
Не замечаем.
как взрослеют дети,
как убегают меж пальцев
мгновенья жизни...

— Смещение ценностных ориентиров, —
скажут психологи.
— Смешение вечного с сиюминутным, —
провозгласят поэты.
А юная особа,
на которую ты, по привычке,
загляделся в трамвае,
вдруг уступит тебе место:
— Присаживайтесь, дедушка...

г. Екатеринбург

Валерий Кузнецов

Вечер

Н. Године

По-чеховски блеснёт кусок стекла
На старой Поликарповской плотине,
И жизнь идет, и так она светла,
Что, рот раскрыв, замру посередине.

Удался день. И, кстати, он воспет
Не мной одним. На поиски букета
Мальчишка гонит свой велосипед
По замыслу рубцовского сюжета.

Одет не по-онегински народ
Под бунинскую свежесть из оврага.
По-байроновски лаает у ворот
С Есениным знакомая дворняга.

Пьет по-некрасовски — не воду и не квас —
Лицо закинув к солнцу пролетарий.
Он на стене оставит комментарий,
Что любит он но, кажется, не нас.

Промышленно вздымается труба,
А вот бездымье — верный знак застоя,
Где жизнь моя, по классику, — борьба,
По-лермонтовски требует покоя...

г. Миасс

Леонид Григорьян

* * *

Николаю Године

Что там осталось ещё от меня? —
Отзвуки позавчерашнего дня:
Тени любимых, замашки-промашки,
Неодолимая тяга к рюмашке,
Мамы страдальческие глаза,
Милых друзей голоса, адреса,
Шаткие стены родимого дома,
Благовест храма, эдем левбердона,
Пенье Вертинского, Блока строка,
Город под немцами, страх воронка,
К родине-мачехе острая жалость...
Боже, не так уж и мало осталось.

г. Ростов-на-Дону

Григорий Котницкий

Тельняшка

Посвящается Н. Г.

Сейчас тельняшки стали в моде
Среди ребят, среди девчат...
Кто часу не служил во флоте —
В тельняшке ходит, полосат.

Беды от этой моды нету —
Тельняшки лучше ярлыков,
Расползшихся по белу свету,
Размывших суть материков.

Глядишь — «ковбои» в «адидасах»,
Заморский герб, заморский флаг...
Поклонник моды нынче массов,
Такой к родному — ни на шаг.

Забыты русские рубахи,
Расшитые воротники...
Мы перед модою не в страхе,
Мы лишь бездумности враги.

А коль тельняшка вам по нраву —
Носите славную, гордясь...
Ведь только крепче будет, право,
От этой моды с флотом связь.

Возможно, что поймут ребята,
Что флот — нелегкий, строгий труд,
С «морской душой» полосатой
На корабли они придут,

И захотят служить на море,
А девушки их будут ждать...
Не стану с этой модой спорить —
Ведь перед ней не устоять.

Скажу лишь, что матроса душу,
Во что бы ни был он одет,
Как долго ни прожил на суше,
Узнаю: в ней особый след

Оставила навеки служба
На кораблях и на морях...
Матрос ценить умеет дружбу,
Ему в бою неведом страх.

Он перед штурмом не спасует,
А с подлостью вступает в бой.
Матроса душу вот такую
Всегда я вижу пред собой.

И если старую тельняшку
Он сохранил как сувенир,
Ее наденет под рубашку
Лишь в день, когда ликует мир,

Когда мы отмечаем даты
Свершений наших и побед...
А моды прочие — когда-то
Ведь и они сойдут на нет.

г. Симферополь

Александр Иванов

Пропахший лес

*Лес именем своим пропах,
Развел цветы на серой ткани,
Горча смолою на губах
И каплей вермута в стакане.*

Николай Година

Я совершил прогулку в лес
В осенних золотыхakraпах.
И я поглубже в чашу влез,
Вдруг ощутив знакомый запах.

Вот на меня заполз жучок,
Я раздавил его, конечно,
Понюхал — точно коньячок!
Так бы и нюхал бесконечно...

Пошёл туда, где ельник рос,
Окрашенный вечерней зорькой,
Но там всюду шибало в нос
То старкой, то лимонной горькой.

Накрыл меня лесной шатер,
Принюхиваюсь — что за диво!..
Направо повернул — ликер,
Налево — мать родная! — пиво!..

Наутро вновь попутал бес,
Хоть разум говорил: довольно...
Но был уже оцеплен лес —
В нем гнали самогон подпольно.

г. Москва

Основные публикации

1. Поэты Урала : антология. — Свердловск, 1975.
2. Русская советская поэзия Урала : антология. — Свердловск, 1983.
3. Час России : антология. — М. : Современник, 1988.
4. Слова любви. — Пермь : Перм. книж. изд-во, 1978.
5. Рабочая поступь России. — М. : Современник, 1976.
6. Парнасские страдания. — М. : Молодая гвардия, 1990.
7. Антология русского верлибра. — М. : Прометей, 1991.
8. Книга друзей / пер. И. Сарайлича. — Сараево, 1981.
9. Кого завтра повезут таксисты / пер. И. Сарайлича. Сплит, 1998.
10. Сибирские огни. 1963, 1988.
11. День поэзии: альманах. М., 1973.
12. Поэзия : альманах. М., 1975, 1988.
13. Юность. 1972. № 1.
14. Нева. 1979. № 7. и др.
15. Наш современник. 1981. № 8. и др.
16. Урал [Свердловск]. 1990. № 2. и др.
17. Новый мир. 1980. — № 9; 1982. № 10; 1991. № 7.
18. Живот [Сараево]. 1974. № 2. Сараево.
19. Киев. 1994. № 5—6.
20. День и ночь [Красноярск]. 1995—2013.
21. Голос [Свердловск]. 1996. № 2.
22. Уральский следопыт. Разные годы.
23. Волга. 1987. № 5. и др.
24. Арион. 2000. № 1; 2003. № 3.
25. Знамя. 2002. № 8.
26. Антология сибирской поэзии: стихи о матери : в 2 т. Тобольск, 2011.

27. Антология: современная уральская поэзия, 1997 – 2003. Челябинск, 2003.
28. Антология XX век: русская сибирская поэзия. Кемерово, 2008.
29. Стихи // Нева. 2013. № 9
30. Стихи // День и ночь. 2013. № 4; 2014. № 2.
31. Стихи // Дети Ра. 2014. № 9.

Отдельные издания

1. Белое, синее : стихи. Челябинск : Юж-Урал. кн. изд-во, 1967.
2. Дерево любви : стихи. Челябинск : Юж-Урал. кн. изд-во, 1970.
3. Неожиданность души : стихи. Челябинск : Юж-Урал. кн. изд-во, 1975.
4. Осенины : стихи. Челябинск : Юж-Урал. кн. изд-во, 1981.
5. Состояние : стихи. Челябинск : Юж-Урал. кн. изд-во, 1985.
6. Будни : стихи. М. : Современник, 1990.
7. Старые игрушки : стихи. Челябинск : Юж-Урал. кн. изд-во, 1990.
8. 1 + 1. Стихи о любви. Челябинск : Юж-Урал. кн. изд-во, 1991.
9. При чем здесь шуточки : рассказы, миниатюры. Челябинск : Атоксо, 1994.
10. Избранное для друзей: стихи, проза, переводы. Челябинск : Книга, 1995.
11. Берестяная грамота: верлибры. Челябинск : Автограф, 1996.
12. Миасское время : стихи. Челябинск : Автограф, 1997.
13. Сарайлич из Сараева : стихи, переводы, письма. Челябинск : Автограф, 1997.
14. Ручная работа : стихи. Екатеринбург : Банк культ. информации, 2000.
15. Царенок : повесть. Челябинск : Транспорт, 2001.
16. Графоман : стихи. Челябинск : Центавр, 2002.
17. Музыка легкого поведения : стихи. Челябинск : Центавр, 2003.

18. Страна деревьев : стихи о лесе. Челябинск : Книга, 2004.
19. Человек, похожий на меня : стихи и переводы. Челябинск : Книга, 2005.
20. Поцелуй меня с разбегу : повесть, рассказы, миниатюры, автобиографическая проза. Челябинск : Книга, 2005.
21. Венера Миасская : стихотворения. Челябинск : Цицero, 2006.
22. Стеклянная женщина : стихи. Челябинск : Книга, 2006.
23. Запевалов против Запивалова : повесть, рассказы. Челябинск : Книга, 2007.
24. Живые глаголы: лирика. Челябинск : Книга, 2008.
25. Избранное : стихи. СПб. : Маматов, 2008.
26. Страна деревьев : стихи. 2-е изд. доп. Челябинск : Книга, 2010.
27. Творительный падеж : стихи. Челябинск : Цицero, 2010.
28. i: новые стихи. Челябинск : Цицero, 2013.
29. Царенок : повесть. Челябинск : Цицero, 2013.

Литература

1. Азаров В. Молодые поэты Балтики // Советский моряк. 1959. № 8.
2. Ковалев Д. Вступ. статья в книге «Белое, синее». Челябинск, 1967.
3. Сарайлич И. Парни из Челябинска. Сараево : Одиек, 1967.
4. Лаптев М. Частичка биографии // В мире книг. 1972. № 5.
5. Никишов Ю. Шаги к зрелости // Урал. 1972. № 3.
6. Карпунин Г. Неожиданность души // Сибирские огни. 1976. № 5.
7. Быков Л. От лица жизни // Урал. 1982. № 3.
8. Басовский Н. Осенины // Литературное обозрение. 1982. № 6.
9. Бирюков С. Состояние и движение // Урал. 1986. № 1.
10. Бавильский Д. Тишина на весу. Урал // 1992. № 2.
11. Фояков И. Может быть кого-нибудь спасу // Литературная газета. 1996. 28 авг.
12. Быков Л. Николай Година. Уроки времени. Свердловск, 1988.
13. Баруздин С. О Николае Године // Писатель. Жизнь. Литература. М., 1985.
14. Астафьев В. Среди деревьев мне уютней. Красноярск, 2000.
15. Кураев М. Человек, способный на поступок : вступ. статья // Н. И. Година. Венера Миасская, 2006.
16. Курбатов В. Человек, похожий на меня. Полуоткрытое письмо // Лит. Россия. 2010. № 34 – 35.
17. Лукьянин В. Познание умножает скорбь // Урал. 2010. № 12.
18. Лукьянин В. Не путайте меня с лирическим героем // Урал. 2013. № 7; Графоман. 2013. № 2.
19. Николай Иванович Година : научно-вспомогательный библиографический указатель / сост. Г. А. Губанова. Челябинск : Книга, 2001.
20. Николай Иванович Година : научно-вспомогательный библиографический указатель / сост. Г. А. Губанова, В. Мииль Изд. 2-е. доп. Челябинск : Цицеро, 2010.

Указатель имен

- АЗАРОВ Всеволод Борисович — поэт, Ленинград.
АСТАФЬЕВ Виктор Петрович — писатель, Красноярск.
АСТАФЬЕВА — КОРЯКИНА — писатель, Красноярск.
БАВИЛЬСКИЙ Дмитрий Владимирович — критик, прозаик, Москва.
БАРУЗДИН Сергей Алексеевич — писатель, гл. редактор журнала «Дружба народов» 1966 — 1995.
БАСИНСКИЙ Пётр Владимирович — критик, прозаик, Москва.
БИРЮКОВ Сергей Евгеньевич — поэт, литературовед, Германия.
БОГАТЕНКОВ Юрий Анатольевич — журналист, Челябинск.
БЫКОВ Леонид Петрович — критик, д-р филол. наук, Екатеринбург.
ВАЛЕЕВ Айвар Рустамович — журналист, Челябинск.
ВОРОНОВ Николай Павлович — писатель, Москва.
ГИЗАТУЛЛИН Эльдар — журналист, Челябинск.
ГРАНТС Янис Илмарович — поэт, Челябинск.
ГРАЧЁВ Николай Григорьевич — поэт, Иваново.
ГРИГОРЬЯН Леонид Григорьевич — поэт, Ростов-на-Дону.
ДОЛМАТОВСКИЙ Евгений Аронович — поэт, Москва.
ЕРАНЦЕВ Алексей Никитович — поэт, Курган.
ИВАНОВ Александр Александрович — поэт-сатирик, Москва.
КАРПУНИН Геннадий Фёдорович — поэт, гл. редактор журн. «Сибирские огни» 1987 — 1997.
КЕРДАН Александр Борисович — поэт, Екатеринбург.
КОВАЛЁВ Дмитрий Михайлович — поэт, Москва.

КОТНИЦКИЙ Григорий Петрович — поэт, Симферополь.
КУЗНЕЦОВ Валерий Александрович — поэт, журналист, Миасс.
КУРАЕВ Михаил Николаевич — писатель, Санкт-Петербург.
КУРБАТОВ Валентин Яковлевич — критик, литературовед, Псков.
КУШНЕР Александр Семёнович — поэт, Санкт-Петербург.
ЛУКЪЯНИН Валентин Петрович — критик, гл. редактор журнала «Урал» 1980—1999.
ЛЬВОВ Михаил Давыдович — поэт, Москва.
МИХАЙЛОВ Александр Алексеевич — критик, литературовед, Москва.
МОРГУЛЕС Ирина Израилевна — журналист, Челябинск.
НИКИШОВ Юрий Михайлович — критик, литературовед, д-р филол. наук, Тверь.
ОГНЕВ Владимир Фёдорович — критик, Москва.
ОРЛИЦКИЙ Юрий Борисович — литературовед, Москва.
ПАВЛОВ Василий Васильевич — журналист, критик, Челябинск.
ПОЛЯНИЧКО Виктор Петрович — вице-премьер РФ, Москва.
ПРЕЛОВСКИЙ Анатолий Васильевич — поэт, Москва.
САМОЙЛОВ Давид Самойлович — поэт, Тарту.
САРАЙЛИЧ Изет — поэт, Босния и Герцеговина.
СЛЕПЕНКОВ Станислав — поэт, Сатка.
СМОЛЬНИКОВ Алексей Степанович — поэт, Москва.
ТАТЬЯНИЧЕВА Людмила Константиновна — поэт, Москва.
ФОНОТОВ Михаил Саввич — журналист, писатель, Челябинск.
ФОНЯКОВ Илья Олегович — поэт, Санкт-Петербург.
ЧУХОНЦЕВ Олег Григорьевич — поэт, Москва.
ШИШОВ Кирилл Алексеевич — писатель, Челябинск.

Николай Иванович Година

Личное дело

Из литературного досье

Оформление С. В. Андрусенко

Верстка В. Б. Феркель

Подписано в печать 16.06.15 г.
Гарнитура Palatino Linotype.
Бумага Гознак. Формат 84×108/32.

Усл. печ. л. 23,52

Тираж 150 экз.
Заказ № 81

Издательство ЗАО «Цицero»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано в ООО
«Фотохудожник»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.

1949 г. Чудиновская неполная средняя школа,
7-й класс. Внизу слева Н. Година

1950 г. Семья.

1952г. Коркино. Горный техникум.
Справа Н. Година

1954г. Коркино.

1958г. Кронштадт.
Служивцы.

1957г. Кронштадт.
Старший матрос.

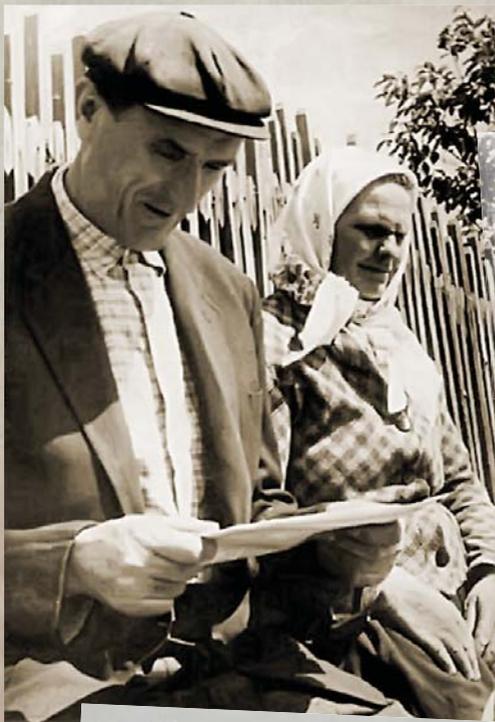
1958г. Кронштадт.
В увольнении.

1961 г. Годы молодые.

*1960-е годы. Миасс.
Тургойское рудоуправление.*

1963 г. Миасс.
Родители
Иван Кузьмич
и Надежда Ивановна

1963 г. Борис и Любовь Ручьевы в редакции
газеты «Миасский рабочий».
Справа вверху: Н. Година

1968 г. Миасс

1967 г. Миасс. С. Герасимов среди актеров, журналистов, творческой интеллигенции по случаю окончания съемок к/ф «Журналист». Во втором ряду сверху 2-й слева Н. Година

1967 г. Сараево. Изет Сарайлич и Н. Година

1968 г. Польша, г. Санок. Н. Година (слева) и М. Львов (в центре) с группой ветеранов 63-й Уральской добровольческой танковой бригады и челябинской молодежи

1960-е годы. Встреча с ветеранами

1979 г. Советско-китайская граница

1968 г. Челябинск. Л. Доброхотов вручает Н. Године премию Челябинского комсомола «Орленок»

1976 г. Челябинск. С делегатами XX партконференции.
Второй справа: И. И. Седов

1970-е годы. Миасс

1976 г. Миасс. Н. Година и Е. Евтушенко
на занятиях литературного объединения
«Ильменит»

1981 г. Миасс. Н. Година и Л. Оболенский

1980-е годы

1985 г. Стаханов Н. Година, С. Баруздин, Н. Упеник и др.
Дни литературы в Донбассе

1987 г. Н. Година, К. Скворцов, Е. Березиков.
Дни литературы в Узбекистане

1989 г. Челябинск. Хорошее настроение

1990 г. Челябинск. Дом актера. Б. Клачев, Н. Година,
Б. Гринев, Л. Рабченко

1990 г. Ялта. С первым наставником, бывшим руководи-
телем литобъединения при газете «Кронштадская
правда» поэтом Г. Котницким

1992 г. Челябинск. Н. Година и В. Астафьев

1992 г. Миасс. С Астафьевым

1980-е годы. Дочери Оксана и Жанна

2009 г. Грибной сезон. З. Прокопьева, Н. Година, баба Ася

1998 г. Челябинск. Сидят: В. Павлова, А. Кушнер. Стоят (слева направо): А. Алехин, Д. Бавильский, В. Кальпиди, Н. Болдырев, Н. Година

1999 г. Н. Година,
Е. Щетинкина,
Р. Эйленкриг

1998 г. Челябинск. Александр Кушнер
и Николай Година

1999 г. С.-Петербург. На фоне ледокола «Красин».
Слева направо: И. Фоняков, Н. Година

2000 г. Овсянка. Слева направо: А. Варламов,
Н. Година

2000 г. Магнитогорск.

Слева направо:

Н. Година, Н. Воронов, Л. Братцева

1999 г. С.-Петербург. Международный конгресс поэтов.
Слева направо: Н. Ахпашева, Н. Година, М. Чудакова

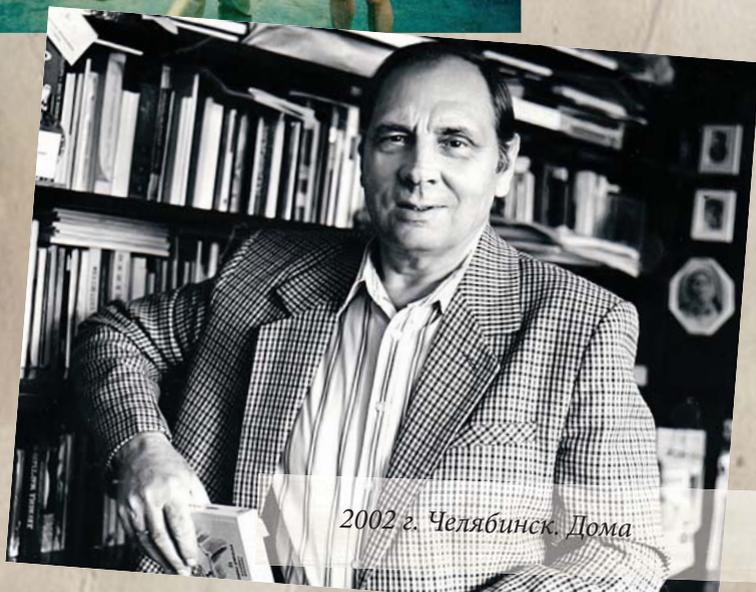
2001 г. Миасс. Ракетный центр. Члены землячества
«Миасская долина». Крайний справа: Н. Година

2001 г. Миасс. Литературное объединение «Ильменит»

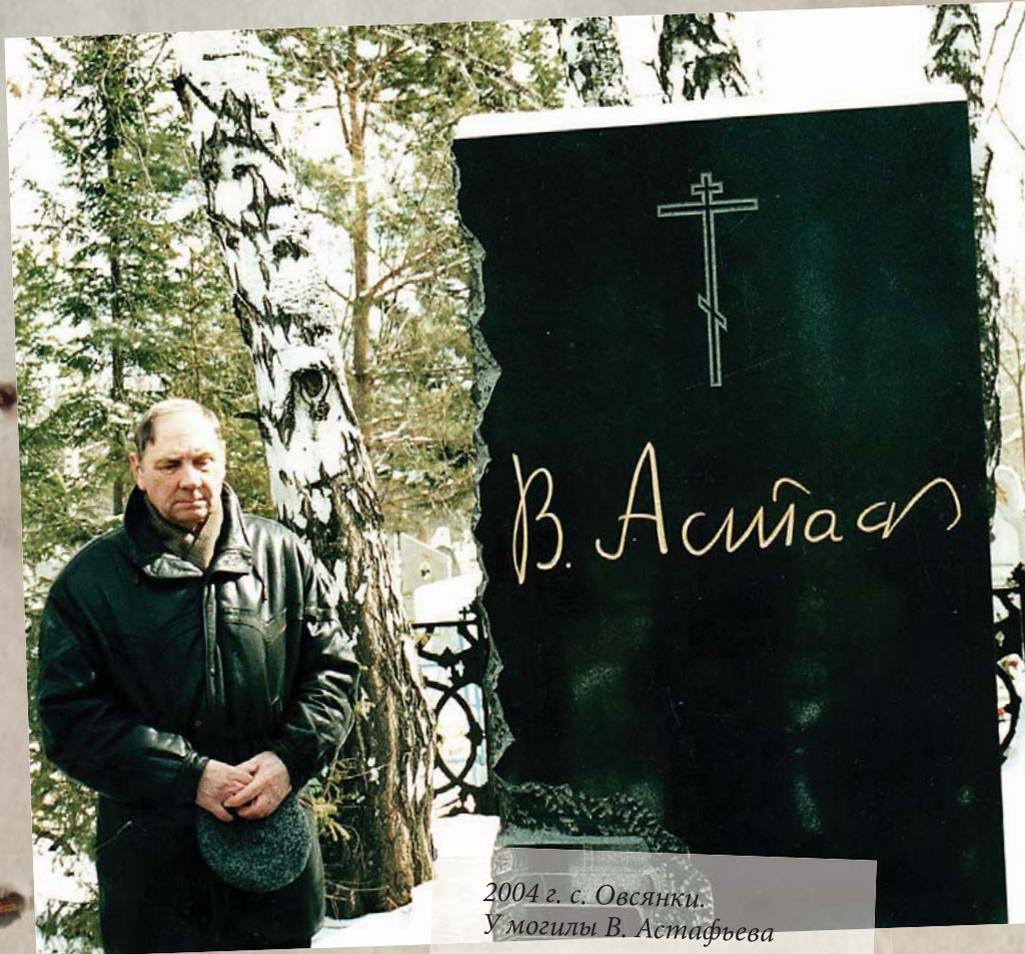
2002 г. с. Непряхино.
Бажовский фестиваль.
С А. Поповским

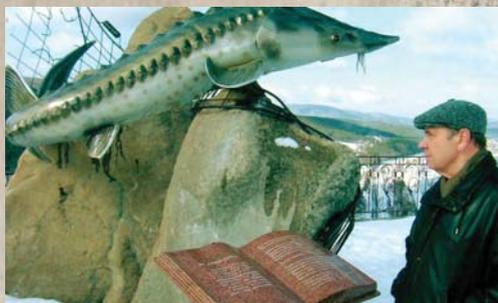
2002 г. Челябинск. Дома

2005 г. Миасс. С внуками

2004 г. с. Овсянки.
У могилы В. Астафьева

2004 г. с. Овсянки.
Царь-рыба

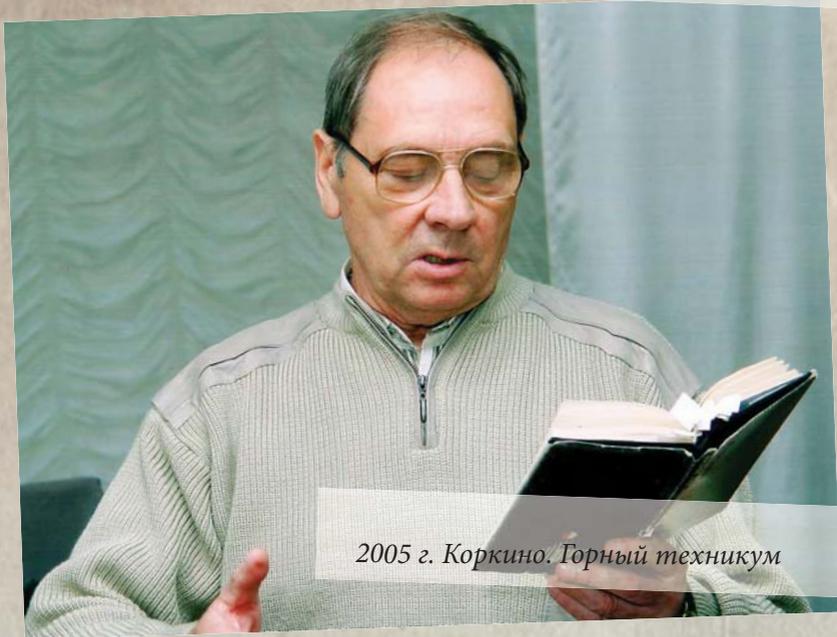
2005 г. Пермь. Астафьевские чтения. На берегу Камы
Н. Година, Л. Быков, В. Курбатов, М. Кураев

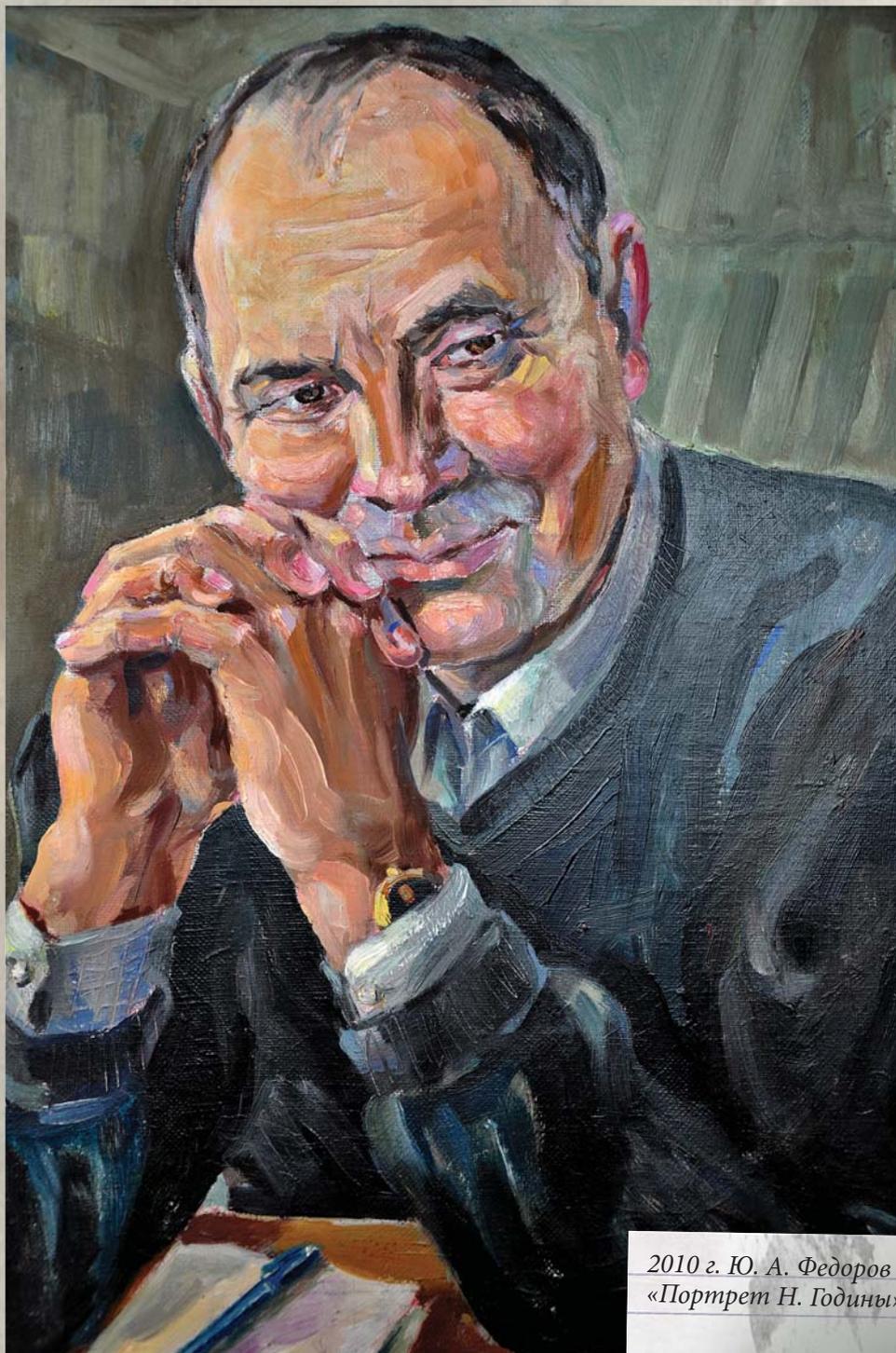
Имяя 2004 г. Красноярск. Н. Година, А. Бондаренко,
К. Лавров, М. Матвеев

*Май 2005 г. Чусовой. Астафьевские чтения.
С С. В. Дрожаницх*

2005 г. Коркино. Горный техникум

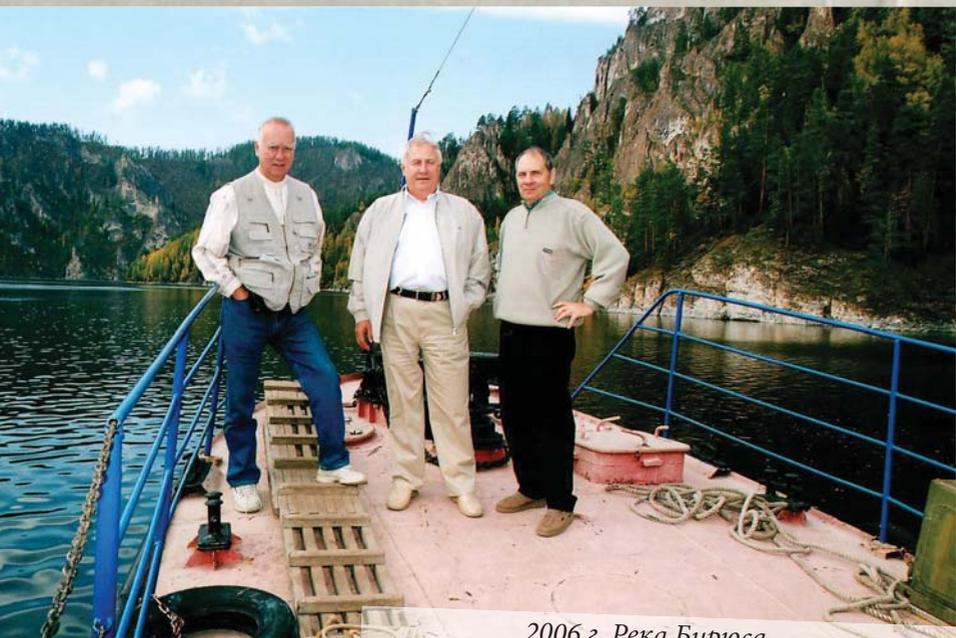
2010 г. Ю. А. Федоров
«Портрет Н. Годиной»

2005 г. У губернатора П. И. Сумина на вручении почетного знака «За заслуги перед Челябинской областью».

2006 г. Красноярск. М. Кураев, Н. Година, М. Гремичкая в гостях у М. С. Астафьевой (2-я слева)

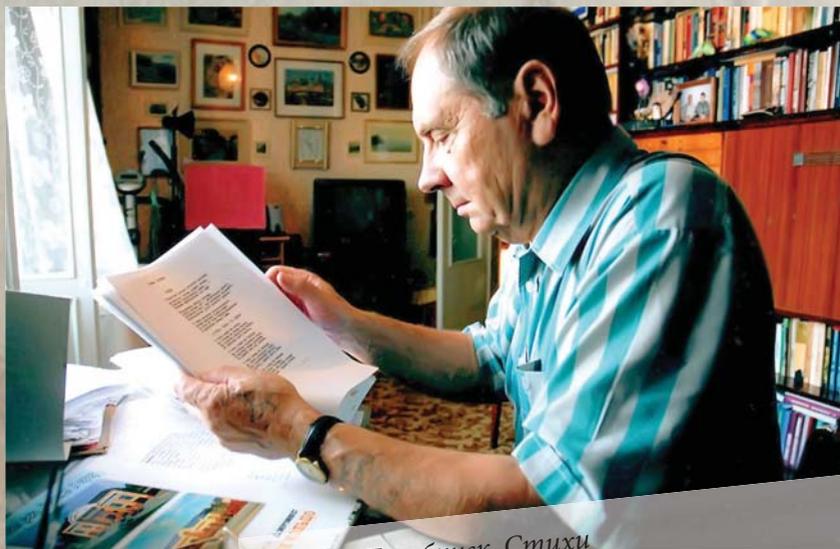
2006 г. Река Бирюса.
М. Кураев, В. Обыденко, Н. Година

2006 г. На родине с одноклассниками
и земляками

2008 г. Челябинск. С Мотей

2008 г. Челябинск. Стихи

2009 г. Во саду ли в огороде
Н. Година, Р. Валеев

2010 г. оз. Тургояк. На катamarане.
75-летие

2010 г. Челябинск. Дома с Кузей

2014 г. Екатеринбург.
Стоят: А. Кердан (слева) и С. Фатыхов.
В центре: Н. Година

11 марта 2014 г. Полпред Президента РФ И. Холманских
и Н. Година на вручении литературной премии
Уральского ФО